

ISSN 2077-3153

НАУЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Научно-аналитический журнал

- В номере**
- Церковное (каноническое) право как *sui generis* – особая правовая конструкция в общей системе права (в двух частях)
 - Качество и конкурентоспособность рабочей силы как два взаимосвязанных элемента подготовки специалистов
 - Многоатомные объекты в полуэмпирической молекулярной динамике - кульбиты
 - Становление социального предпринимательства в России

2/2023

Научная перспектива

Научно-аналитический журнал

Периодичность – один раз в месяц

№ 2 (156) / 2023

Учредитель и издатель: Издательство «Инфинити».

Журнал издается с 2009 года.

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых статей. Ответственность за достоверность информации, изложенной в статьях, несут авторы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Научная перспектива», допускается только с письменного разрешения редакции.

© Журнал «Научная перспектива»

© ООО «Инфинити»

Свидетельство о государственной регистрации ПИ №ФС 77-38591.

Тираж 750 экз. Цена свободная.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Алиев Шафа Тифлис оглы** — доктор экономических наук. Профессор кафедры «Мировая экономика и маркетинг» Сумгайтского Государственного Университета Азербайджанской Республики, член Совета-научный секретарь Экспертного совета по экономическим наукам Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики
- Ларионов Максим Викторович** — доктор биологических наук, член-корреспондент МАНЭБ, член-корреспондент РАЕ. Профессор Балашовского института Саратовского национального исследовательского государственного университета.
- Нуриева Наталья Сергеевна** — доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры ортопедической стоматологии ЮУГМУ (г. Челябинск)
- Радь Эльза Анисовна** — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета
- Лю Цзюань** — доктор филологических наук (постдоктор филологических наук), доктор философии, профессор Океанологического университета Цзянсу (КНР)
- Петрова Лариса Витальевна** — доктор психологических наук, акушер – гинеколог Пелымское отделение Краснотурьинская городская больница
- Зайнитдинова Людмила Ибрахимовна** — доктор биологических наук, профессор, заведующая лабораторией Биоразнообразия микроорганизмов Института микробиологии АН РУз
- Пономарева Мария Николаевна** — доктор медицинских наук, доцент, Тюменский государственный медицинский университет
- Мухитдинова Хура Нуритдиновна** — доктор медицинских наук, профессор Центра развития профессиональной квалификации медицинских работников (Ташкент, Узбекистан)
- Киямов Нишон Садилович** — доктор педагогических наук, и.о. профессор Самаркандского государственного университета, Узбекистан
- Химматалиев Дустназар Омонович** — доктор педагогических наук, профессор Чирчикского государственного педагогического института, Узбекистан
- Ашурова Санобар Юлдашевна** — кандидат педагогических наук, профессор Института педагогических инноваций, переподготовки и повышения квалификации руководящих и педагогических кадров профессионального образования, Узбекистан
- Ксенофонтова Татьяна Кирилловна** — кандидат технических наук, доцент. Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, г. Москва, Российская Федерация
- Гасанова Рената Рауфовна** — кандидат психологических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
- Красноярова Анна Александровна** — кандидат филологических наук, доцент
- Абдулатипов Усуф Хасанович** — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии Государственного образовательного учреждения Худжандского государственного университета имени академика Бабаджана Гафурова, Республики Таджикистан
- Веревкина Марина Николаевна** — кандидат биологических наук, доцент, Ставропольский государственный аграрный университет. Почетный работник агропромышленного комплекса Ставропольского края
- Штонда Юрий Иванович** — кандидат технических наук, доцент, Институт «Академия строительства и архитектуры», (Структурное подразделение КФУ г. Симферополь). Действительный член - академик Инженерной академии Республики Крым. Член президиума Инженерной академии Республики Крым.
- Мухамедов Гафурджан Исраилович** — доктор химических наук, профессор, Чирчикский государственный педагогический университет, Узбекистан.
- Махмудова Наргиза Алимовна** — к.ф.н.(PhD) доцент кафедры лингвистики и английской литературы, отделение магистратуры, Узбекский Государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан.
- Ржанова Светлана Александровна** — доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой журналистики Научного исследовательского Мордовского государственного университета им.Н.П.Огарева
- Емельянова Элина Сергеевна** — кандидат экономических наук

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

<i>Н.М. Калинина.</i> Методологические принципы интегрированного контроллинга	6
<i>А.В. Немова.</i> Определение потребности в материальных ресурсах	9
<i>Ю.А. Анищенко.</i> Качество и конкурентоспособность рабочей силы как два взаимосвязанных элемента подготовки специалистов	13
<i>Д.И. Малышев.</i> Разумная защита своего жилья - страхование	15
<i>А.В. Мамонова.</i> Становление социального предпринимательства в России	17

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

<i>Т.Ф. Сулейманов, А.А. Клыш.</i> Церковное (каноническое) право как <i>sui generis</i> – особая правовая конструкция в общей системе права (Часть I)	20
<i>Т.Ф. Сулейманов, А.А. Клыш.</i> Церковное (каноническое) право как <i>sui generis</i> – особая правовая конструкция в общей системе права (Часть II)	34
<i>Я.С. Калининская.</i> Особенности квалификации хищения предметов, имеющих особую ценность в зависимости от особенностей объекта преступления	47
<i>А.Н. Богомоллов.</i> Некоторые проблемы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ)	49
<i>Д.Ю. Зуев, Т.А. Анбрехт.</i> К вопросу о пенсионном обеспечении лиц, осужденных к лишению свободы	51
<i>Е.Н. Трапезникова.</i> Предложения по совершенствованию российского законодательства в области рекламной деятельности	53

<i>М.А. Догадкина.</i> Правовое регулирование брачного договора в современном праве России: общие вопросы и проблематика	55
--	----

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Е.А. Полякова, Ю.Н. Седова.</i> Проблема перевода современных англоязычных сериалов на русский язык (на материале сериала Sherlock)	57
--	----

<i>А.В. Петровская.</i> Языковая ситуация в еврейской и русскоязычной этнической средах Германии как отражение государственной политики в миграционном процессе	59
---	----

<i>А.В. Петровская.</i> К вопросу о выражении иудейского национально-культурного компонента в литературе эпохи Немецкого Просвещения	62
--	----

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>М.З. Шарипов, Ш.Б. Очилов.</i> Оптические и магнитооптические свойства редкоземельных ферритов-гранатов	64
--	----

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ю.Я. Бобыренко.</i> Многоатомные объекты в полуэмпирической молекулярной динамике - кульбиты	67
---	----

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ш.Т. Дадабаев.</i> Исследования пусковых режимов работы мощных синхронных двигателей насосных агрегатов	69
--	----

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРИРОВАННОГО КОНТРОЛЛИНГА

Наталья Михайловна КАЛИНИНА

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и менеджмента
Омского государственного института сервиса*

Общеизвестно, что задачи формирования методологического обеспечения имеют принципиальное значение для проведения научного исследования в любой предметной области. О. Д. Третьякова утверждает, что «методология является основой любого исследования, так как качество результата зависит от качества содержания применяемой методологии» [2, с. 144]. Принимая во внимание сложность и дискуссионность проблемы формирования методологии интегрированного контроллинга как нового явления в современной теории и практике управления экономическими системами в промышленности, изложим некоторые методологические соображения, являющиеся обоснованием авторского подхода к предметной области методологии интегрированного контроллинга.

Представителями современного научного сообщества – учеными-методологами доказано, что важным методологическим элементом, приводящим в действие концептуальный замысел, выступает общность методологических принципов как руководящее начало познавательной деятельности и действенное условие исследования предметной области интегрированного контроллинга в контексте раскрытия положений базовой концепции. По мнению О. Д. Третьяковой, принцип представляется в качестве основы существования самой методологии, предполагающей «... наличие, по крайней мере, следующих взаимосвязанных компонентов:

- 1) ее наиболее существенные свойства и дефиниция;
- 2) предмет исследования;
- 3) представление (схема) пути исследования;
- 4) возможность определения прогнозируемых результатов исследования;
- 5) прогноз реализации результатов исследования в общественной практике;
- 6) достаточный уровень мировоззрения для осмысления и применения основ методологии» [2, с. 145].

Характерной особенностью методологических принципов является то, что:

«а) они являются средством, с помощью которого реализуются требования научного анализа, направленного на решение данной задачи;

б) теоретическое обоснование подобных принципов выходит за границы, задачи и возможности соответствующей науки, в которой они используются;

в) каждый такой принцип представляет то или другое теоретическое знание, которое играет роль метода» [3, с. 129].

А. М. Новиков и Д. А. Новиков полагают, что роль принципа в методологии двояка, в частности, «с одной стороны, принцип выступает как центральное понятие, представляющее обобщение и распространение какого-либо положения на все явления, процессы той области, из которой данный принцип абстрагирован. С другой стороны, он выступает в смысле принципа действия – норматива, предписания к деятельности» [1, с. 65].

В настоящее время научному сообществу присуща точка зрения, согласно которой методология рассматривается в теоретическом и практическом аспектах. Исходя из этого, А. М. Новиков и Д. А. Новиков пишут о необходимости разделения методологических принципов, высказывая мысль о том, что результат теоретического исследования должен соответствовать таким принципам, как [1, с. 170]:

- 1) предметность;
- 2) полнота;
- 3) непротиворечивость;
- 4) интерпретируемость;
- 5) проверяемость;
- 6) достоверность.

В свою очередь деятельность в области практической методологии, по мнению данных исследователей, должна быть организована согласно принципам иерархичности, целостности (интегративности), коммуникативности (открытости),

историчности, необходимого разнообразия (принцип адекватности) [1, с. 242-248].

От правильности выбора методологических принципов во многом зависят результаты исследования. При этом следует отметить «вторичность» определения методологических основ относительно целей формирования теории интегрированного контроллинга, поскольку теоретическая направленность исследования нуждается в применении фундаментальных принципов, а практическая - принципов конкретно-научного (прикладного) характера. Сказанное позволяет автору сделать вывод о том, что методологические принципы интегрированного контроллинга неоднородны, но вместе с тем могут быть сгруппированы следующим образом (табл. 1).

Немаловажным моментом в процессе формирования методологии интегрированного контроллинга, на наш взгляд, является установление характера взаимоотношений между обозначенными группами методологических принципов, определяющих логику методологии познания предметной области интегрированного контроллинга. Считаем, что на первом этапе процесса познания методологическое сопровождение закономерно представить принципами первой группы, поскольку именно эти методологические принципы определяют направленность формируемой теории интегрированного контроллинга.

Затем, следуя логике исследования, надлежит выявить методологический подход к предмету с использованием принципов второй группы, а также установить междисциплинарные связи при помощи методологических принципов третьей группы и охарактеризовать когнитивные свойства общественного сознания в пределах предметной области исследования интегрированного контроллинга посредством четвертой группы принципов.

Данная методологическая процедура логически и содержательно существенно отличается от представленных в текстовых и электронных источниках информации методологических разработок, приведенных в и без того ограниченном числе публикаций, посвященных вопросам формирования методологии контроллинга в целом и интегрированного контроллинга в частности. Указанный вывод автором сделан на основе анализа и систематизации результатов предшествующих методологических исследований, свидетельствующих о том, что внимание ученых, как правило, сфокусировано преимущественно на выделении в качестве фундаментальных постулатов методологии принципов второй и третьей групп в условиях полного игнорирования четвертой группы и безусловного восприятия первой группы принципов в качестве заранее заданного когнитивного пространства.

Вследствие этого выводы, получаемые исследователями, не могут претендовать на полноту и

Таблица 1 – Методологические принципы интегрированного контроллинга

Наименование	Содержание
1. Методологические принципы, передающие закономерности теории научного познания и мышления, реализация которых осуществляется независимо от предмета исследования интегрированного контроллинга	Данная группа методологических принципов, являясь универсальной с точки зрения организации процесса познания в целом, инструментально ориентирована на вхождение в предметную область интегрированного контроллинга в контексте обеспечения единства наук и областей научного знания (принцип актуализма; принцип рационализма; принцип редукционизма; принципы, определяющие аналитическое или обобщающее (индуктивное)
2. Методологические принципы, дающие возможность максимально точно идентифицировать в рамках объекта предметную область гносеологического характера и показывающие особенности методологического подхода к ней	Данная группа методологических принципов содержательно наиболее объемная, консолидирующая совокупность принципов, затрагивающих различные аспекты предметной области (принцип историзма; принцип полноты; принцип открытости; принцип органичности; принцип целеориентированности; принцип дополнительности; принцип полифункциональности; принцип дифференциации; принцип диалектической связи; принцип единства исторического и логического; принцип единства актуальности и потенциальности; принцип самооценности; принцип сопряженности)
3. Методологические принципы, дающие возможность установить взаимодействие предметной области теории интегрированного контроллинга с содержательными характеристиками иных предметных плоскостей объекта исследования и нацеленные на раскрытие междисциплинарных корреляций в рамках получения целостного представления о последнем	Данная группа методологических принципов способствует получению систематизированной точки зрения относительно предмета интегрированного контроллинга (принцип системности; принцип цельности; принцип единства материальной, социальной и духовной сторон общественного воспроизводства; принцип взаимной определенности форм общественного сознания)
4. Методологические принципы, дающие возможность охарактеризовать когнитивные свойства общественного сознания в пределах предметной области исследования интегрированного контроллинга	Данная группа методологических принципов, являющихся в определенной мере сложными с позиции слабого осознания необходимости их применения, ориентирована на адекватность процесса познания предметной области интегрированного контроллинга в рамках существующих форм общественного мышления

целостность, поскольку, на наш взгляд, без комплексного взаимодействия и взаимозависимости методологических принципов всех вышеназванных групп полноценное теоретическое познание предметной области интегрированного контроллинга невозможно.

В заключение отметим, что в методологии инте-

грированного контроллинга особое значение отводится комбинации применяемых в разных теориях принципов и методов, которые, в свою очередь, за счет особенностей конфигурации и взаимообусловленности обнаруживают методологическую специфику, используемую в теории интегрированного контроллинга. ■

Библиографический список

1. Новиков А. М. *Методология* / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. – М.: СИНТЕГ, 2007. – 668 с.
2. Третьякова О. Д. *Методология конвергенции права* / О. Д. Третьякова // *Вестник Владимирского юридического института*. – 2009. - № 4 (13). – С. 143-150.
3. Стефанов Н. *Теория и метод в общественных науках* / Н. Стефанов. - М.: Прогресс, 1967. – 272 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ В МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСАХ

Алла Викторовна НЕМОВА

кандидат экономических наук,
доцент кафедры логистики и управления цепями поставок
Ростовского государственного университета путей и сообщений

При производстве продукции, выполнении работ и оказании услуг помимо орудий труда находят свое применение и предметы труда. Полностью потребляемые производственным циклом и перенося свою стоимость на готовую продукцию, они не теряют своей актуальности в любой производственной деятельности.

Классифицируют материальные ресурсы на сырьевые и топливно-энергетические; последние делятся на основные и вспомогательные (рис.1).

Рисунок 1 - Классификация материальных ресурсов

Потребность в материальных ресурсах – это необходимое количество ресурсов (рис. 2; рис.3). Для выполнения планируемой программы производ-

ства или имеющихся заказов в определенный срок необходимо знать потребность в материальных ресурсах.

Первичной потребностью является потребность в продукции, договоры на производство и поставку которой уже заключены. То есть это тот продукт, изготовление которого имеет для фирмы приоритет.

Вторичная потребность предполагает потребность в продукции, изготовление которой заложено в производственной программе. Как правило, договоры на поставку таких изделий еще не заключены.

Третичной потребностью называют потребность во вспомогательных материалах производственного назначения в рамках производственной программы.

Производственный процесс на предприятии непрерывен, а поступление материальных ресурсов является периодическим. Именно этим и объясняется необходимость использования моделей управления запасами. Модель управления запасами является совокупностью целого ряда элементов, а именно: выбор и обоснование критерия оптимизации, расчёт издержек управления запасами, формулировка ограничений, моделирование спроса (расхода) и пополнения запасов, расчёт стратегии управления. Причем в качестве критерии оптимизации может приниматься минимум издержек, минимальное время выполнения заказа, максимальная надежность поставки и т.д.

Рисунок 2 - Классификация потребностей в материальных ресурсах в зависимости от учета наличных запасов материалов

Рисунок 3 - Классификация потребностей в материальных ресурсах в зависимости от очередности выполнения заказа

На сегодняшний день имеет место огромное количество моделей управления запасами.

К основным параметрам моделей управления запасами (рис.4) можно отнести:

1. Параметры спроса: интенсивность спроса, функции спроса, интервалы между смежными потребностями;
2. Параметры заказов: величина заказа, момент заказа, интервал времени между двумя смежными заказами;
3. Параметры поставок: величина партии поставки, момент поставки, интервал времени между двумя смежными поставками; время выполнения заказа;
4. Уровень запаса на складе: текущий, средний, максимальный страховой;

7. Определение материальных затрат на закупку ресурсов (при этом учитывается конъюнктура рынка: цена спроса, цена предложения, равновесная цена).

8. Планирование закупок.
9. Формирование материального баланса предприятия.

Определение потребности организации в материальных ресурсах.

Чтобы производственная деятельность работала стабильно и без перебоев, необходимо правильное определение потребности в материальных ресурсах.

К основным методам определения потребностей относят (рис.5):

1. Детерминированные методы расчета исполь-

Рисунок 4 - Схема системы управления запасами

Алгоритм определения потребностей в материальных ресурсах:

1. Прогнозирование спроса.
2. Анализ заказов.
3. Формирование поквартальной программы выпуска продукции по всей номенклатуре изделий.
4. Установление нормы расхода материальных ресурсов.
5. Сбор данных о состоянии запасов.
6. Определение потребности в материальных ресурсах.

зуются для того, чтобы рассчитать вторичную потребность в ресурсах при известной первичной. Аналитический метод предполагает расчет от спецификации продукта по ступеням иерархии сверху вниз. При синтетическом методе расчет для каждой группы деталей отталкивается от степени их применимости на отдельных ступенях иерархии.

2. Стохастические методы расчета устанавливают ожидаемую потребность на основе числовых данных, характеризующих ее изменения на протяжении определенного промежутка времени. С этой

целью используют аппроксимацию средних значений, метод экспоненциального сглаживания и регрессионный анализ. Аппроксимация средних значений применяется в ситуации, когда потребность в ресурсах колеблется по определенным периодам времени при устойчивом среднем значении. При использовании данного метода происходит усреднение известных значений потребности в материалах. Метод экспоненциального сглаживания используется, когда прогнозирование потребностей в материальных ресурсах основано на уровнях ряда динамики, веса которых убывают по мере отдаления данного уровня от момента прогноза. В этом случае вводится постоянный коэффициент сглаживания, значение которого подбирается. Это делается для того, чтобы свести ошибку прогноза к минимуму. Регрессионный анализ основан на приближении известных тенденций потребления материальных ресурсов с помощью математических функций.

даются. Данный метод находит применение в случае единичного и мелкосерийного производства, когда имеет место потребность в высококачественных материалах и громоздких деталях, складирование которых затруднительно. Заказы можно осуществлять как по отдельным, так и по нескольким позициям.

2. Материальное обеспечение на основе плановых заданий. Метод основан на детерминированном расчете потребности в материалах. В этом случае известны первичная потребность в материальных ресурсах на определенный период времени, структура изделий и возможная дополнительная потребность. Это позволит определить вторичную потребность.

3. Материальное обеспечение на основе осуществляемого потребления прежде всего основан на своевременном пополнении запасов и их поддержание на данном уровне, позволяющим покрыть абсолютно любую потребность до очередного поступления материалов. При этом необходимо определить по-

Рисунок 5 - Классификация методов определения потребностей

Обеспечение производства материалами. В практике работы предприятий используют несколько методов планирования материального обеспечения производства (рис.6)

ставку дополнительного заказа, в то же время вопрос о размере заказа не рассматривается.

Методы материального обеспечения на основе осуществляемого потребления делятся еще на два:

Рисунок 6 - Классификация методов материального обеспечения производства

1. Позаказный метод. В данном случае необходимые ресурсы приобретаются в случае возникновения потребности, поэтому складские запасы не соз-

обеспечения своевременных заказов (в данном случае имеет место фиксированный размер заказа); необходимой ритмичности (здесь фиксированным является период поставок). Ритмичность поставок является важнейшим показателем выполнения плана материально-технического снабжения.

Ритмичность характеризует степень соответствия фактических и плановых поставок. Для того, чтобы определить степень ритмичности поставок, следу-

ет воспользоваться коэффициентом аритмичности Арамова:

$$K_{AP} = \sum \left| 1 - \frac{q_{\Phi}}{q_{Д}} \right|,$$

где q_{Φ} – фактический объем поставки; $q_{Д}$ – объем поставки по договорам (плановый объем поставки).

Таким образом, в любой производственно-хозяйственной деятельности предприятие рассчитывает потребность в необходимых материальных ресурсах. Эти расчеты преобразуются в план материально-технического снабжения на определённый интервал времени. Несмотря на это на предприятие в течение этого промежутка времени могут поступать и внезапные, внеочередные, заказы на выпуск готовой продукции. Для удовлетворения этих заказов требуются дополнительные поставки. Это также должно быть предусмотрено при прогнозировании потребностей в материальных ресурсах. При определении потребностей в материальных ресурсах необходимо учитывать риски их сохранности, хранения, загрузки и транспортировки. Сохранность заключается в обеспечении целост-

ности и исходных качеств материальных ресурсов. То есть, другими словами, сохранность материальных ресурсов подразумевает безопасность материальных ресурсов. Риск хранения материальных ресурсов представляет собой риск, связанный с ненадлежащим хранением материальных ресурсов в складских помещениях. А риск транспортировки – с ненадлежащей перевозкой материальных ресурсов в транспортных средствах. Так, рисками хранения и транспортировки могут являться риск хищения и риск порчи. Первый, как правило, возникает при неэффективной защите (отсутствие пломбы, сопровождающих, охраны, защитных устройств (сигнализации) и т.д.). Потеря качеств и полезных свойств материальных ресурсов, то есть их порча, в процессе транспортировки или хранения могут быть вызваны несоблюдением условий транспортировки и хранения материальных ресурсов (например, неправильно установленный температурный режим, влажность воздуха, отсутствие специальных креплений и т.д.). Риск загрузки материальных ресурсов состоит в неправильном установлении или несоблюдении нормы загрузки материальных ресурсов. ■

Библиографический список

1. Гаджинский, А.М. *Логистика: учебник для высших и средних специальных учебных заведений. - 4-е изд., перераб. и доп.* - М.: Издательско-книготорговый центр "Маркетинг", 2001. - 396 с.
2. Горфинкель, В.Я. *Экономика предприятия: учебник для вузов.* - М.: Издательство Юнити-Дана, 2012. - 767 с.
3. Тебекин А.В. *Логистика: Учебник.* - М.: Издательство Дашков и К, 2012. - 355 с.

КАЧЕСТВО И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ КАК ДВА ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ ЭЛЕМЕНТА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Юлия Алексеевна АНИЩЕНКО

*ассистент кафедры Естественно-научных и гуманитарных дисциплин
Сургутский институт нефти и газа – филиал ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный
нефтегазовый университет», г. Сургут*

Аннотация. *Статья определяет основные составляющие характеристики рабочей силы и раскрывает понятия «качество» и «конкурентоспособность» субъекта рынка труда. Особое внимание уделено формированию конкурентоспособности рабочей силы.*

Ключевые слова: *рабочая сила, качество рабочей силы, конкурентоспособность работника.*

В курсе экономической теории рабочая сила определяется как совокупность физических и умственных способностей человека, его способность к труду. Рабочую силу можно рассматривать с различных позиций. Наибольший интерес у исследователей вызывают количественные и качественные характеристики рабочей силы.

На мой взгляд, количественная составляющая рабочей силы предполагает обеспечение рынка труда оптимальным числом специалистов. Для этого необходимо планирование численности как в краткосрочной перспективе, так и стратегическое планирование с учетом динамично изменяющегося рынка труда и его потребностей. Качественная составляющая рабочей силы означает совокупность характеристик, позволяющих определить уровень подготовки субъекта рынка труда.

Здесь возникает вопрос: каким образом можно определить уровень подготовки специалиста и, соответственно, установить качество его подготовки и готовности к выполнению определенного рода занятий?

Вопросам установления и исследования качества рабочей силы посвящено большое количество работ современных исследователей.

Качественную и количественную оценку рабочей силы проводит Быкова Е.А. в диссертационном исследовании, где предлагает авторскую интерпретацию определения качества рабочей силы, как «степень соответствия характеристик рабочей силы требованиям социально-экономических систем страны и регионов или некоторым другим значениям, принимаемым за эталон» [1].

Масленникова Е.В. предлагает к использованию иное определение качества рабочей силы. Автором

качество рабочей силы рассматривается как «сложная и многоуровневая категория, которая выражает отношения между индивидом и обществом, работником и работодателем по поводу формирования и развития способностей человека к труду и степени их проявления в производительной деятельности» [3].

На мой взгляд, представленные авторами определения можно связать в единую цепочку: качество всегда сопоставляется с некоторым ожидаемым результатом, и в том случае, если результат оправдывает ожидания, можно говорить о качестве. Когда речь идет о качестве рабочей силы, можно утверждать, что определение данного показателя возможно лишь в процессе осуществления некой деятельности определенным субъектом. Только анализируя процесс выполнения производственных заданий и его результаты можно сделать вывод об уровне качественных характеристик индивида.

Методом оценки качественных характеристик рабочей силы Масленникова Е.В. и Быкова Е.А. предлагают использовать эталонное сравнение. При этом Масленникова Е.А. определяет эталонное сравнение, как фактор, который предполагает рассмотрение качественных характеристик субъекта во времени. А Быкова Е.А. предлагает за эталон брать наилучшие региональные характеристики рабочей силы.

Таким образом, эталонное сравнение в первом случае предполагает рассмотрение индивида в долгосрочной перспективе и позволяет увидеть динамику развития его качественных характеристик. Второй вариант предполагает стремление индивида к тому эталону, который изначально обозначается. И первый, и второй вариант, предложенные исследователями, на мой взгляд, могут быть применены на практике в различных условиях, которые будут обусловлены заданными параметрами.

С понятием качество рабочей силы связано понятие «конкурентоспособность». Понятие «конкурентоспособность субъекта рынка труда» не однозначно в трактовках и нет единого подхода к его формулировке. Но, несмотря на отсутствие единого

определения понятия «конкурентоспособность работника (рабочей силы, субъекта рынка труда)», все они опираются на понятие «конкуренция» и связаны с понятием «качество».

Формированию конкурентоспособной рабочей силы посвящена докторская диссертация Глушанок Т.М. Автор определяет и уточняет понятие «конкурентоспособность работника» как «свойство человеческого капитала, характеризующее степень удовлетворения рыночной потребности в труде» [2].

Глушанок Т.М. выявляет и обозначает фактор, препятствующий формированию конкурентоспособности рабочей силы – «несоответствие структуры профессионального образования в регионе меняющимся социально-экономическим условиям». Автор обосновывает несогласованность на региональном уровне результата деятельности образовательных услуг социально-экономическим требованиям региона. В связи с этим, делается вывод о необходимости структурных преобразований образовательных учреждений и более тесном их контакте с государственными структурами. По мнению Глушанок Т.М., важным фактором во взаимодействии рынка труда и рынка образовательных услуг является прогнозирование потребности региональной экономики в специалистах.

Действительно, знание о востребованности спе-

циалистов на рынке труда в среднесрочной и долгосрочной перспективе позволяет образовательным учреждениям работать на перспективу и подготавливать тех специалистов, которые нужны предпринимательским структурам региона в определенные периоды. В свою очередь, бизнес-структуры региона получают «нужных» специалистов, тем самым, заполняя вакантные места и формируя общественный продукт без каких-либо перебоев в процессе в связи с отсутствием высококвалифицированных кадров.

Исходя из анализа представленных диссертационных исследований авторов Быковой Е.А., Масленниковой Е.В. и Глушанок Т.М., можно сделать вывод о необходимости рассмотрения понятий «качество» и «конкурентоспособность» рабочей силы в совокупности. По мнению автора данной статьи, качество подготовки специалиста определяет в дальнейшем его конкурентоспособность на рынке труда, и напротив, конкурентоспособность специалиста на рынке труда является следствием его качественной подготовки. В связи с этим, процессу подготовки специалиста нужно уделять особое внимание. От того, насколько он качественно подготовлен, зависит не только его становление, как квалифицированного конкурентоспособного специалиста, но и развитие регионального рынка труда в целом. ■

Библиографический список

1. Быкова Е.А. *Рабочая сила в современной России: качественная и количественная оценка: диссертация кандидата экономических наук Е.А. Быковой: Всероссийский центр уровня жизни.* – Москва, 2011.
2. Глушанок Т.М. *Формирование конкурентоспособной рабочей силы в регионе в условиях перехода к инновационной экономике: диссертация доктора экономических наук Т.М. Глушанок: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации.* – Москва, 2010.
3. Масленникова Е.В. *Детерминанты качественных характеристик рабочей силы: диссертация кандидата экономических наук Е.В. Масленниковой: Омский государственный университет.* – Омск, 2003.

РАЗУМНАЯ ЗАЩИТА СВОЕГО ЖИЛЬЯ – СТРАХОВАНИЕ***Денис Игоревич МАЛЫШЕВ****аспирант**Тихоокеанский государственный университет*

Имея свою квартиру или дом, вы с любовью создаете в них прекрасный уютный интерьер в соответствии с личными предпочтениями, своим вкусом и желаниями. Достаточно дорогая внутренняя отделка квартиры, мебель, бытовая техника и электроаппаратура – неизбежные спутники жилища каждого современного человека.

Никто не говорит о квартирах и мебели баснословной стоимости, сейчас мы ведем речь об обычном среднестатистическом россиянине, так модно называемом в наше время средним классом. Это имущество и жилье заработано вашим трудом, вашим временем и силами. Поэтому самое время принять достаточные меры к обеспечению не только красоты жилья, но и его сохранности от причинения ущерба различными непредвиденными обстоятельствами.

Таких обстоятельств может быть великое множество. Предотвратить большинство из них ни один человек не в силах. Но вот принять разумные меры к уменьшению негативных последствий влияния на семейный бюджет этих факторов – под силу каждому.

Для этого современный институт страхования имущества от различных рисков, предлагает собственнику прекрасной квартиры или дома целый арсенал мер, по снижению размера ущерба, который может быть причинен ему и его семье. Для каждого вида рисков имеется своя степень защиты, грамотно продуманная и разработанная профессионалами своего дела. Вам остается только выбрать наиболее подходящую.

Прежде всего, следует избавиться, наконец, от стереотипов о том, что страхование – это лишние расходы и бумажная волокита. Все больше людей приходят к мнению о неверности этих тезисов. К сожалению, такая мысль постигает их уже после того, как наступил страховой случай, и, заключая в будущем договор страхования, люди учатся на своих ошибках, неся при этом физические и имущественные потери.

Разумный же хозяин дома или квартиры должен учиться на чужих ошибках. Осмотрите свое жилище, и вы поймете, что при использовании услуги страхования имущества, вы сэкономите гораздо больше средств, чем затратите на приобретение страхового

полиса. То есть расходы понесенные будут в разы меньше, чем расходы предотвращенные.

Бумажная же волокита и современная услуга страхования имущества от различных рисков, понятия абсолютно несовместимые. Любая страховая компания работает сейчас, основываясь на трех китах – надежность, быстрота и качество обслуживания, доверие клиентов.

Итак, что же современный уровень развития страхового дела в стране, может предложить в настоящий момент разумному хозяину дома или квартиры, от каких рисков он может обезопасить наше жилье.

Во-первых, это страхование внутренней отделки и имущества от затопления. Актуальность данной услуги для собственников жилья в многоквартирных домах бесспорна. Оказаться в роли затопленного соседа, может любой из нас и в любое время. Спорить с этим нецелесообразно, просто оцените состояние коммуникаций дома и благонадежность своих соседей сверху, а также соседей еще выше этажом. Используя данный вид страхования, вы избежите проблем по выбиванию из соседей суммы причиненного ущерба и сохраняете свои нервы.

Во-вторых, раз уж мы начали говорить о потопе, не лишним было бы использование хозяином жилья такого вида страхования, как страхование гражданской ответственности собственника квартиры. В силу случая вы тоже можете оказаться виновным в затоплении своих соседей. Этот факт также не оспорим, как и то, что вода имеет свойство течь вниз, а не вверх. Затопление соседей может произойти, когда вас не будет дома. Причин для этого можно назвать множество. С помощью этой услуги вы снимете с себя материальную ответственность за причиненный соседям ущерб, переложив ее на плечи страховой компании. А заодно сохраните дружеские отношения с соседями, сразу осознавшими, что свои деньги на ремонт они получают быстро и в полном объеме. В-третьих, используя услугу страхования квартиры и имущества от пожара, собственник гарантирует полное возмещение причиненного ему ущерба. Снимите с себя проблемы и переживания по поводу неисправной электропроводки, возможности замыкания электроприборов, перепадов напряжения, курящих соседей и любителей сжигать мусор в ветреную

погоду или бросать окурки с балкона. Страхование квартиры или дома от пожара – надежное средство возмещения ущерба, избавляющее вас от необходимости искать виноватого и бегать по судам в целях добиться справедливости.

В-четвертых, современный разумный владелец жилья экономит средства на обеспечении сохранности своего имущества не путем приобретения дорогостоящих средств охраны, а попросту используя услугу страхования имущества от хищений. Последствия трудно раскрываемой квартирной кражи обойдут вас стороной при наличии страхового полиса, являющегося достойным средством возмещения ущерба от преступлений.

Развитие данных видов страхования дает возможность собственнику квартиры или дома, сделать свою жизнь более спокойной, а также сэкономить средства, время и силы на последующем возмещении вреда, окупая затраты на приобретение страхового полиса, как говорится, с лихвой.

Все эти виды страхования являются действительно полезным и разумным выбором хозяина квартиры или дома. А их преимущества и возможность сэкономить при заключении договора страхования можно выразить в следующих моментах:

- страховой агент приходит на дом в любое удобное для вас время;
- грамотную и объективную консультацию вы

получаете быстро, не выходя из дома и не тратя на это дополнительные средства;

- период страхования выбираете только вы, можете выбрать весь год, а можете то время, пока вас не будет дома;

- стоимость страхового полиса выбираете самостоятельно, получив от страхового агента лишь необходимую вам информацию;

- вы сами определяете перечень имущества подлежащего страхованию и тем самым регулируете стоимость страхового полиса;

- никаких очередей и нервотрепки при заключении договора и получении страхового возмещения;

- профессиональная бесплатная консультация по вопросам оформления документов, необходимых для выплаты страхового возмещения.

Подобных преимуществ заключения договора страхования владельцем жилья множество и перечислить их в рамках одной статьи будет невозможно. Основным является то, что страховая компания работает для вас, а ее репутация целиком основывается на доверии клиентов.

Являясь хозяином собственного или арендуемого жилья, сделайте действительно разумный выбор, в пользу минимизации своего ущерба отказавшись от сомнительной экономии на стоимости страхового полиса. ■

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Алина Валерьевна МАМОНОВА

магистр

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Волгоградский филиал*

В последнее время российское сообщество, опираясь на идеи становления справедливого гражданского общества, поднимает вопросы, касающиеся долгосрочного устойчивого развития. Функционирующие системы решения насущных социальных проблем дают сбои как в российской практике, так и на зарубежном опыте. Успешными оказываются страны, наиболее подвижные в институциональных, правовых, общественных изменениях, поддерживающие социальные инновации.[12]

Необходимость развития социального предпринимательства (далее СП) в России продиктована наличием в стране большого числа социальных проблем, с решением которых государство не справляется. Такими проблемами являются алкоголизм, низкий уровень жизни, безработица, социальная напряженность. В результате проведенных Legatum Prosperity Index исследований, по итогам 2014 года Россия занимает только 68 место в списке стран по уровню жизни населения.[9]

Можно выделить ряд причин, приведших к возникновению практики СП:

- низкая эффективность решения социальных проблем традиционными методами, используемыми государственными и некоммерческими предприятиями;
- сокращение перечня бесплатных услуг, оказываемых в рамках бесплатного медицинского обслуживания;
- увеличение количества граждан престарелого возраста и как следствие старение населения;
- активное внедрение ИТ-технологий при оказании различного рода государственных социальных услуг с использованием Интернета, что требует реализации дополнительных программ обучения для лиц пожилого возраста и др.:[5]
- расширение социальных потребностей населения, прежде всего развитых стран, как по объему, так и по индивидуализации и диверсификации социальных услуг;
- приближенность предприятия к своей целевой аудитории, при этом социальный предприниматель несет в общество инновации;
- возможность использовать ресурсы, практически не применяемые в стандартизированных сферах деятельности (гибкие формы обучения и занятости, сети взаимопомощи и обмена, использование вторичных ресурсов или инновационных техноло-

гий, не находящих широкого применения в стандартных массовых производствах, использование практики микрофинансирования).[1]

Термин «СП» начал использоваться в литературе по социальным изменениям в 60–70-е гг. прошлого века, а широкое распространение получил в 1980–90-х гг.[4] В российском законодательстве само понятие «СП» отсутствует. Еще в 2012 году при Торгово-промышленной палате создан Координационный совет по вопросам развития социального бизнеса и предпринимательства и Экспертный совет по развитию СП при Комитете по политике, инновационному развитию и предпринимательству Государственной думы РФ, где активно обсуждались проблемы развития СП и внесение данного термина в российское законодательство. Но до сих пор этот вопрос не решен.

С одной стороны, СП – это новый способ социально-экономической деятельности, в котором соединяется социальное назначение организации с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости.[10] С другой стороны, СП характеризуется как социально ответственная деятельность субъектов малого предпринимательства, направленная на решение социальных проблем.[6]

Однако СП, выступая предпринимательством гибридного вида, объединяющим элементы чисто коммерческого ведения бизнеса и некоммерческие организации (НКО), является выражением необходимости стимулирования социальных изменений и включает в себя ряд особенностей:[10]

1. Социальное назначение организации, то есть социальный эффект является заранее запланированным и ожидаемым результатом, а не побочным, как это происходит в обычном коммерческом предпринимательстве. Такие предприятия изначально создаются для достижения социально значимых целей, проявляющихся в создании рабочих мест (в т.ч. для инвалидов), обучении (в т.ч. взрослых) и т.д.;
2. Предпринимательское новаторство, которое может быть реализовано путем использования новой идеи или новой комбинации ресурсов (в том числе не очень привлекательных с точки зрения рынка) для решения социальной проблемы;
3. Достижение устойчивой самоокупаемости за счет получения дохода от продажи результатов деятельности (товаров и услуг), а также за счет грантов и благотворительных пожертвований.

В России формирование СП связывается с деятель-

ностью НКО, имеющих социальные цели деятельности, благотворительностью, венчурной филантропией и корпоративной социальной ответственностью, а его жизнеспособность определяется условиями вступления в конкурентную борьбу за оказание социальных услуг на основе государственного заказа. Современной тенденцией является размывание границ между коммерческим и некоммерческим секторами. Примеров нестандартных предприятий социального назначения, действующих в различных странах, становится все больше. Такие организации сочетают в себе свойства различных секторов, их границы размываются.[7]

В настоящее время существует следующая классификация предприятий, относящихся к СП. По способам организации деятельности, существующие социально направленные организации в России условно можно разделить на три категории (рис. 1)

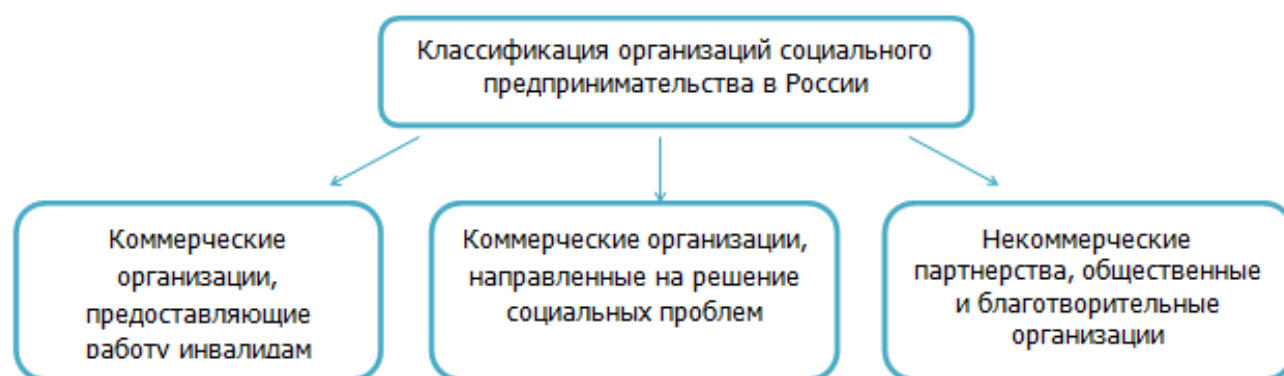

Рисунок 1 - Классификация социальных предприятий в России

К первой категории относятся организации, главной целью которых является помощь в обеспечении условиями труда людей с ограниченными возможностями. Предприятия первого типа – это специализированные предприятия, зачастую использующие труд инвалидов.

Предприятия второго типа – это некоммерческие и благотворительные организации. Ко второй категории СП относятся организации, главная цель которых не связана с осуществлением коммерческой деятельности и извлечением прибыли. В таких организациях многодетным, инвалидам, пенсионерам и малообеспеченным гражданам услуги предоставляются со значительной скидкой.

Третий вид предприятий – это специализированные предприятия малого и среднего бизнеса, занимающиеся решением разнообразных проблем социально-незащищенных граждан.[3] К третьей категории российского СП относятся организации, целью которых является решение проблем социально незащищенных слоев общества. Например, организации, занимающиеся производством ортопедической системы, позволяющей людям с травмой или заболеваниями позвоночника, приведшими к параличу ног, самостоятельно передвигаться.

Эксперты, работающие в данной области, отмечают, что основным препятствием для развития данного направления выступает недостаточно сформиро-

ванная законодательная база, хотя в Москве принята Концепция, устанавливающая меры поддержки для СП.[8] Чтобы СП стало распространенной практикой, необходима его поддержка не только в отдельных регионах, но и на федеральном уровне.

Можно выделить ряд факторов, тормозящих развитие СП в России:

- отсутствие у большинства НКО необходимых знаний и навыков предпринимательской деятельности;
- недостаточное развитие системы конкурсов в области СП (изучение имеющихся конкурсов показало, что все они организуются частными фондами, либо регионами РФ, либо иностранными инвесторами, но на федеральном уровне социальное предпринимательство не поддерживается в необходимом объеме);[2]
- высокие ставки арендной платы;

- отсутствие гарантированного устойчивого спроса на данный вид услуг;

- недостаток процессов ассимиляции зарубежной практики и собственных теоретических изысканий,[17] в то же время слепое копирование западных моделей без оглядки на российские реалии бизнеса;[2]

- практически полное отсутствие культуры корпоративной социальной ответственности;

- слабое развитие гражданского сознания у россиян;[11]

- высокий уровень коррупции;

- экономическая и политическая нестабильность;

- высокие налоги;

- отсутствие программ поддержки данной деятельности (в т.ч. программ развития малого и среднего бизнеса), являющихся важнейшим фактором развития социального предпринимательства.

Таким образом, СП – это достаточно перспективное направление развития малого и среднего бизнеса, так как развитие данного направления содействует более полной занятости, расширению спектра и качества социальных услуг, их большей доступности всем слоям населения. Решение вышеуказанных проблем позволит не только поощрить развитие СП, но также стимулировать становление гражданского общества с более высоким уровнем зрелости и качеством жизни. ■

Библиографический список

1. Баталина М., Московская А., Тарадина Л. Обзор опыта и концепций социального пред-принимательства с учетом возможностей его применения в современной России: Препринт WP1/2008/02. — М.: ГУ ВШЭ, 2007. — 180с.
2. Бондаренко Е.Б. Вопросы развития социального предпринимательства в России. / Е.Б. Бондаренко // Современные тенденции в экономике и управлении. — 2014. — С.176 – 180.
3. Борнштейн Д. Как изменить мир: Социальное предпринимательство и сила новых идей. — М.: Альпина паблишер, 2012. — 499 с.
4. Грегори Дж. Дис. Значение социального предпринимательства. М., 2001. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fuqua.duke.edu/centers/case/documents>
5. Новикова Н.В. Концептуальные подходы к правовому регулированию социального предпринимательства в России / Н.В. Новикова // Вестник ТвГУ. Серия "Право", — 2014. — №1. — С.50–54.
6. Положение о Координационном совете Торгово-промышленной палаты Российской Федерации по вопросам развития социального бизнеса и предпринимательства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.tpprf.ru/ru/interaction/councils/youth_council/
7. Полтавская М. Б. Развитие социального предпринимательства в России: проблемы определения и основные характеристики // Концепт. — 2014. — Современные научные исследования. Выпуск 2. — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/55204.htm>.
8. Предложения по реализации эффективных мер поддержки социального предпринимательства в городе Москва [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dnpp.mos.ru/docs/projects/mx/Развитие%20социального%20предпринимательства.pdf>
9. Рейтинг стран мира по уровню процветания [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info>
10. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / Отв. ред. А. А. Московская; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 284с.
11. Тумилевич Е.Н. Построение системы корпоративной социальной ответственности в компании / Е.Н. Тумилевич // Российское предпринимательство. — 2012. — № 23 (221).
12. Юрина Е.А. К вопросу о развитии социального предпринимательства в российской практике / Е.А. Юрина // Вестник ТГУ. — 2011. — №12 (104). — С. 474 – 477.

ЦЕРКОВНОЕ (КАНОНИЧЕСКОЕ) ПРАВО КАК SUI GENERIS – ОСОБАЯ ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ПРАВА (ЧАСТЬ I)

Тимур Фуатович СУЛЕЙМАНОВ

канд. философ. наук, доцент, руководитель Отдела канонизации и увековечивания памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской Уфимской епархии Башкортостанской митрополии РПЦ МП

Арина Андреевна КЛЫШ

студент

Института Права Башкирского Государственного Университета

Аннотация: В данной работе авторы обращаются к сущности церковного (канонического) права как особой правовой конструкции, где каноническое право является стержневым элементом церковного, формализованной частью божественного закона, отражающего догматы веры, и, предопределяет соответствующие поведенческие стандарты, целью которого является применение догмы к практическим ситуациям в повседневной жизни православных христиан, т.е. их духовному совершенствованию. Особое внимание уделено его особенностям, которые детерминированы сущностью Церкви как института, целями ее деятельности, источниками.

Вместе с тем, церковное (каноническое) право, рассматривается во взаимосвязи со светской (государственной) нормативно-правовой системой, т.е. как особенное, но неотъемлемая часть системы права, исходя из чего, оно исследуется по его существу, как и всякое другое право: в смысле субъективном, объективном, идеальном и формальном, т. е. во всех значениях права, которые ему свойственны вообще.

Abstract: In this paper, the authors refer to the essence of ecclesiastical (canonical) law as a special legal structure, where canon law is the core element of the ecclesiastical, a formalized part of the divine law that reflects the dogmas of faith, and predetermines the appropriate behavioral standards, the purpose of which is to apply dogma to practical situations in everyday life of Orthodox Christians, i.e. their spiritual development. Particular attention is paid to its features, which are determined by the essence of the Church as an institution, the goals of its activities, and sources.

At the same time, ecclesiastical (canonical) law is considered in conjunction with the secular (state) legal system, i.e. as a special, but an integral part of the system of law, on the basis of which, it is investigated in its essence, like any other law: in the sense of subjective, objective, ideal and formal, i.e. in all the meanings of law that are inherent in it in general.

Ключевые слова: религия, церковь, право, догмат, канон.

Key words: religion, church, law, dogma, canon.

«Церковь Христова представляет собою общество особого рода, отличное по своему назначению и характеру от других исконных форм общежития, самобытное по своему происхождению и существованию. Она не сливается ни с государством, ни с семьей, ни с каким-либо другим институтом общественно-жизневого характера. Она заняла особое положение среди других культурных факторов и форм общежития, имеющих в виду жизненные назначения. Соответственно этому и правовые нормы, по которым живет и управляется Церковь, составляют особую область права, стоящую параллельно праву, получающему свое происхождение и значение от государства».

И. Бердников

«Как общество лиц, связанных между собою системою известных отношений, Церковь существует в среде других обществ и становится к ним в такое или иное отношение, как организация от них отличная. Как отношения членов Церкви внутри Церкви, так и отношения Церкви к другим общественным союзам определяются известными нормами. Эти нормы суть нормы права. Таким образом Церковь входит в область права с двух сторон: как общество, имеющее внутренний строй, и как общество, стоящее в определенных отношениях к другим обществам».

М. Остроумов

«...природе Церкви Христовой не только не противна природа права, а, наоборот, в божественном праве Церкви находит себе усовершенствование право человеческое. Улучшение правосознания человеческого, есть одно из призваний Церкви. Так явствует из посланий Св. Апостолов».

Н. Заозерский

«...потребность религиозная также может служить основой права подобно тому, как и всякая другая потребность человека. Но религиозная потребность лиц, исповедующих христианскую православную веру, может удовлетворяться через посредство церкви. Следовательно, христианская религия даёт основу для происхождения права в области, обнимающей религиозную жизнь церкви. Или иначе христианская религия служит основанием права церкви».

М. Горчаков

Актуальность темы исследования обусловлена ролью и местом церковного (канонического) права в системе религиозных отношений, его влиянием на светскую систему права, которая, в свою очередь, осуществляет целый ряд социально - значимых функций в системе общественных отношений, и последняя, в божественном праве Церкви находит себе необходимые основания для усовершенствования существующих норм права.

Церковное (каноническое) право по сути было одной из важнейшей составляющей того фундамента, на котором происходил генезис всей российской системы права, а, следовательно, оказало значительное влияние на всю систему государственных нормативных - правовых актов, правоотношений и правопорядок.

И здесь будет уместным привести суждение о роли религии как источнике права известного российского правоведа А.А. Алексева, который писал: «Вовсе не случайно ближайшей исторической предосновой права в строго юридическом смысле явилась религия, сакральные начала» [2, с.137].

Канонического (церковное) право, будучи частью общей системы права, имеет свои особенные черты, т.е. оно является особой правовой конструкцией, имеющей лишь только для нее характерные структуру, признаки и свойства.

Обращение к данной теме обусловлено и тем, что каноническое (церковное) право, будучи неотъемлемой частью общей системы права, оказывает значительное воздействие всю систему правовых институтов государства, на правосознание мирян, и оно, в свою очередь, способствует достижению важнейших государственных целей, которые конкретизированы в разделе IV государственной программы «Основы государственной политики Российской

Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № ПР- 1168), основные положения которого гласят:

« IV. Цели и основные направления государственной политики

14. Целями государственной политики являются:

- 1) формирование в обществе устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма;
- 2) повышение уровня правовой культуры граждан, включая уровень осведомленности и юридической грамотности;
- 3) создание системы стимулов к законопослушанию как основной модели социального поведения;
- 4) внедрение в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм» [27].

Значимость данной темы детерминирована и тем, что каноническое (церковное) право будучи взаимосвязано с различными отраслями светского права, оказывает на него позитивное влияние, потому как привносит в его основополагающие принципы и идею человека как создания Творца, т.е. нормы канонического права дают конкретные онтологические установки для создания других норм, которые появляются в общественных отношениях и определяют права человека [47;48;49].

Цели и задачи исследования. Целью нашего исследования является комплексное теоретическое рассмотрение русского канонического (церковного) права как особой нормативно-правовой системы, осуществляющей регуляцию как внутрицерковных, так и внешнецерковных отношений в целом.

Объект исследования - церковное (каноническое) право как нормативная система.

Предмет исследования – источники, содержание, структура и специфические черты канонического (церковного) права и ее взаимосвязь с общей системой права.

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплекс методов, таких как: диалектический, логический метод, анализ, синтез, дедукции и индукции, системно-структурный, историко-догматический, который взаимосвязан со сравнительным.

Для выяснения предельно точного понимания существа предмета, выражаемого понятием «каноническое (церковное) право», необходимо выяснить суть и значение таких терминов и понятий как - религия, право и церковь, канон и догма и затем, соответственно, определения отношений между ними.

В первую очередь, мы обратимся к этимологии термина «религия», а затем и к сущности понятия «религия», т.е. нам необходимо прийти, говоря языком философии, до самых предельных оснований.

Согласно толкования данного в Большом энциклопедическом словаре термин «религия» происходит «от лат. religio – означающего – набожность, святость, предмет культа» [6, с.1009].

По мнению известного российского религиозного философа и правоведа И.А. Ильина «слово «religio» производится от глагола «religare» (хотя латинские писатели считали, что - либо от глагола «religere» (Цицерон), либо от глагола «religare» (Лактаций) [43, с.6], оно выражает: совестливость, боязливость, осторожность, боязнь, мучение, беспокойство совести, т.е. чувство ответственности и лишь в дальнейшем – богопочитание, богослужение, религию, веру» [15, с.99].

Мы полагаем, что точка зрения Ильина более правильна, потому как «по первому словопроизводству, в слове «religio» выражается та идея, что человек избирает себе Бога, как высшее благо, к достижению которого он стремится и в достижении которого находит себе успокоение. По другому словопроизводству «religio» выражает собой идею связи, соединения человека с высшим Существом. Последнее словопроизводство считается более правильным» [42].

С.Н Булгаков в своей фундаментальной работе «Свет невечерний», определяя сущность религии, также исходил из того, что термин религия происходит от лат.«religio – religare» и означает «связь, связывать, соединять» [7, с.12] и потому он определил религию как «опознание Бога и переживание связи с ним» [7, с.12], она «есть связь не только человека с Божеством, но и человека с человечеством, или последнее и предельное его утверждение в своей человечности, притом связь эта крепче, онтологичнее, нежели всякая иная...» [7, с.52], ее существо заключается «именно и состоит в опытном опознании того, что Бог есть, т.е. что над миром имманентным, данным, эмпирическим существует мир иной, трансцендентный, божественный, который становится в религии доступным и осязаемым...» [7, с.21] и включает свою мысль тем, что «Бог – вот основное

содержание и основная «категория» религии» [7, с.21].

Мы должны констатировать, что в части определения религии также не существует единого мнения. Так, известный религиовед Ф. М. Мюллер считает, что религия – это то умственное состояние, которое «делает человека способным понять Бесконечное под различными именами» [39, с.18]. Такой же, достаточно широкой трактовки, придерживается Э. Фромм, который в своей работе «Психоанализ и религия» пишет, «что под религией я понимаю разделяемую группой систему мышления и действия, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект для преданного служения» [55, с.158].

Классик социологической мысли Э. Дюркгейм дал определение религии как «единой системы верований и ритуалов, имеющих отношение к священным вещам, то есть к вещам избранным, - верований и ритуалов, которые объединяют в одну единую духовную общину, называемую церковью, всех тех, кто является ее приверженцами» [цит. по: 52, с.29].

Аналогичную позицию в этимологическом значении термина «религия» занимает Е.Н. Трубецкой [50, с.192.] и современный религиовед М. Форвард [52, с.21].

Б.П. Вышеславцев пишет, что «религия есть одновременно признание Божественности Бога и Божественности самого человека. Религия есть нахождение Бога в себе и себя в Боге...» [8, с.273].

П.А. Флоренский в определении религии выделяет как онтологический, так и феноменологический аспект и согласно его мысли «если онтологически религия есть жизнь нас в Боге и Бога в нас, то феноменалистически – религия есть система таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе спасение» [51].

С.Л. Франк в определении религии делает акцент на сущности религиозной веры и приходит к тому, что «... религия есть видение некоей сверхрациональной правды, удовлетворение нужды человеческого духа, выходящее за пределы разумного или рационально-морального его начала» [53, с.303].

Одно из обобщенных и общепринятых определений религии, на наш взгляд, дано в полном церковно-славянском словаре, где дается такое понимание - «собственно нравственная связь человека с Богом, богопочтение» [34, с.547].

Исходя из предмета нашего исследования, мы в обязательном порядке рассмотрим толкование того, что следует понимать под религией, известных российских юристов – специалистов по церковному (каноническому) праву, которые подходили к нему с точки зрения правовой, т.е. из возникающих на ее основе норм права и правоотношений.

Исходя из этого, мы, в первую очередь, обратимся к точке зрения М.И. Горчакова, которую он изложил в своей работе «Лекции по церковному праву», которые он читал в Санкт - Петербургском университете в 1898/9 ак. г., где он писал о том, что в «каждом человеке есть врожденная, почти неистребимая

потребность установить свои отношения, как существа разумного и свободного ко всему сущему и его первопричине к - Богу. Потребность эта служит психическим основанием бытия такого явления в человеческом роде, которое называется религиею или верою.

Субъективном или психическом смысле религия или вера по существу форма личных отношений человека ко всему сущему, его первопричине и нравственного его настроения, образовавшегося под влиянием воззрений эти отношения.

В объективном смысле слова религия есть совокупность учений и догматов веры признаваемых обществами верующих те истины, которые открывают им самого Бога» [23, с.16].

Остроумов М. в своей работе посвященной церковному праву - «Очерк Православного церковного права». в отношении того, что стоит за понятием религия писал: «Религия есть живое, объективное, следовательно, фактическое отношение между конечным существом человека и Божеством, между самосознательною волею человека и волею абсолютного Существа... не есть однако отношение одного какого-нибудь человека к Богу, а есть отношение к Богу рода человеческого» [30, с.12].

Особый интерес для нас представляет суждение о религии П.А. Лашкарева, которое он изложил в своей работе «Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву» опубликованной в 1889 году, где он обращаясь к существу того, что следует разуметь под религией, обращается к римскому наследию, в котором, как известно, право было одним из основных.

В первую очередь он подчеркивал роль религиозно – общественных установлений, и в этой части писал: «Собственно под религиею (religio) римляне, от которых заимствовано это слово, разумели чувства благоговения, страха, ужаса, и т. п., которое возбуждала в человеке присущая как природы видимой вообще, так делам человеческим в особенности высшая божественная сила.

Различали они религию к Богу (ad Deum religio), разумея под нею ряд чувств, рождающихся в человеке из общего сознания его зависимости от той таинственной и высочайшей силы, которою все держится и все управляется в мире; различали они и религию общественного порядка человеческой жизни, разумея под нею того же свойства чувство охраняющее неприкосновенность тех или иных отношений или учреждений человеческого общежития представлением присущей им той же божественной силы. О последней религии говорили они, когда употребляли выражения: религия крови и свойства, религия обета, религия клятвы, религия гробов, религия места и т. д.

Разумея под религиею, в собственном смысле, ряд такого рода чувств, римляне называли иногда этим именем и всю совокупность понятий о Боге и Его отношениях к миру и человеку с одной стороны, и совокупность обязанностей человека в отношении к Богу, выражающихся в установлениях

общественного и частного культа и в соблюдении разного рода законов человеческого общежития, признанных за выражение божественной воли, — с другой. В последнем смысле слово религия вошло в общее употребление и у новейших народов.

Но в строгом смысле и на языке юридическом у римлян под религиею разумелось именно религиозное чувство или религиозная совесть, охраняющая неприкосновенность тех или иных верований, учреждений и отношений общественных и частных» [22].

Мы считаем, что приведенная юридическая трактовка того, что разумеется под религией, будет нами взята за основу, т.к. достаточно обоснованна и во многом отражает суть того, что впоследствии будет названо церковным (каноническим) правом.

Далее нам следует обратиться к сущности того, что стоит за термином и понятием «церковь».

В первую очередь обратимся к этимологии этого термина.

Согласно имеющихся в нашем распоряжении источников сам термин «церковь» имеет древнегреческое происхождение, от – ἡ ἐκκλησία (ekklēsia) – образовано от глагола ἐκκαλέω (ekkalēō), который значит «вызывать», «призывать» [16].

Р. Зом в отношении слова «эkkлeзия», которое употреблялось на классическом греческом языке, считает, что оно означало «созванное глашатаем народное собрание свободных граждан (ekkletoi), правящее народное собрание греческой республики» [14].

Авторы «Словаря библейского богословия», в части древнегреческого слова ἐκκλησία («эkkлeзия») также подчеркивают это обстоятельство, и считают, что оно обозначало собрание δῆμος'а, народа как политической силы [56]. Слово ἐκκλησία всегда означает «кагал», но «кагал» иногда передается и другими словами, в частности словом συναγωγή (напр., Числ 16.3; 20.4; Втор 5.22), которое чаще всего соответствует священническому термину «эдах» [32].

Относительно употребленных понятий «кагал» (точнее «качал» - авт.) и «эдах» поясним, что они вместе обозначали идею собрания для религиозных целей [32]. Слово «качал» первоначально выражает идею созыва израильского народа с целью отправления культа, воздаяния почестей Богу и внимания Его воле и исполнения ее; в следующем же, производном, значении качал – это святое общество Избранного Народа» [32], а термин «эдах» обозначает людей, собравшихся перед скинией, и его можно удачно перевести как «народ Божий» [32].

Библейский словарь в части того, что обозначал термин «церковь» прямо указывает, что «слово «церковь» означает собрание. Ветхозаветная церковь включала представителей Израильского народа, с которым Бог заключил союз-завет. Церковь Христова включает верующих в Бога-Троицу, во Христа как вочеловечившегося Сына Божьего, Искупителя, вне зависимости от их национальной, социальной, половой принадлежности и т. п.» [59].

Также необходимо привести точку зрения, от-

носителем этимологии термина «церковь», нашедшую свое отражение в православной энциклопедии «Азбука веры», где указывается на то, «русское слово «церковь» имеет греческую основу — слово то *κυριακόν* (*kyriakon*). Так греки IV и V веков обозначали церковь в смысле здания или храма. Образованное от греческого слова «Господь» (*Κύριος*), дословно оно значило «Дом Господа» [58].

Закljučая рассмотрение этимологии и значения термина «церковь» отметим, что он буквально означал собрание, что нашло свое отражение в Библейском словаре, где указано, что это слово имело такой смысл, т.к. «Ветхозаветная церковь включала представителей Израильского народа, с которым Бог заключил союз-завет. Церковь Христова включает верующих в Бога-Троицу, во Христа как вочеловечившегося Сына Божьего, Искупителя, вне зависимости от их национальной, социальной, половой принадлежности и т. п.» [60].

Церковь должна быть понята «как некая Божественная данность, в себе пребывающая и себе самоидентифицирующаяся, как факт Божественного изволения, совершающегося в мире. Церковь есть или дана в известном смысле и независимо от своего исторического возникновения — она возникает, потому что есть, — в плане Божественном, надчеловеческом. И она существует в нас не как установление или общество, прежде всего, как некая духовная самоочевидность или данность, как особый опыт, как жизнь» [57].

Отметив то обстоятельство, что термин «церковь» подразумевает сообщество верующих, то мы сразу же отметим то, что под ними мы будем разуметь, прежде всего, тех лиц, «которые, сочетавшись Христу через крещение, составляют народ Божий, благодаря чему они по-своему становятся участниками священнического, пророческого и царского служения Христа и призываются — в соответствии с положением каждого из них — к осуществлению той миссии, которую Бог доверил Церкви исполнять в мире» [62].

В настоящее время общепринятое определение того, что следует разуметь под понятием «церковь» нашло свое отражение в основополагающем документе Русской Православной Церкви — «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», где она определяется как: «...собрание верующих во Христа, в которое Им Самим призывается войти каждый. В ней «все небесное и земное» должно быть соединено во Христе, ибо Он — Глава Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1. 22-23). В Церкви действием Святого Духа совершается обожение творения, исполняется изначальный замысел Божий о мире и человеке» [29].

Здесь же поясняется, что «Церковь являет результат искупительного подвига Сына, посланного Отцом, и освящающего действия Духа Святого, сошедшего в великий день Пятидесятницы. По выражению святого Иринея Лионского, Христос возглавил Собою человечество, стал Главой об-

новленного человеческого естества — Его тела, в коем обретается доступ к источнику Святого Духа. Церковь — единство «нового человека во Христе», «единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати» (А.С. Хомяков). «Мужчины, женщины, дети, глубоко разделенные в отношении расы, народа, языка, образа жизни, труда, науки, звания, богатства... — всех их Церковь воссоздает в Духе... Все получают от нее единую природу, недоступную разрушению, природу, на которую не влияют многочисленные и глубокие различия, которыми люди отличаются друг от друга... В ней никто отнюдь не отделен от общего, все как бы растворяется друг в друге простой и нераздельной силой веры» (святой Максим Исповедник)» [29].

Она являет собой «богочеловеческий организм. Будучи телом Христовым, она соединяет в себе два естества — божеское и человеческое — с присущими им действиями и волеями. Церковь связана с миром по своей человеческой, тварной природе. Однако она взаимодействует с ним не как сугубо земной организм, но во всей своей таинственной полноте. Именно богочеловеческая природа Церкви делает возможным благодатное преобразование и очищение мира, совершающееся в истории в творческом соработничестве, «синергии» членов и Главы церковного тела.

Церковь — не от мира сего, так же, как ее Господь, Христос — не от мира сего. Но Он пришел в этот мир, «смирив» Себя до его условий, — в мир, который надлежало Ему спасти и восстановить. Церковь должна пройти через процесс исторического кенозиса, осуществляя свою искупительную миссию. Ее целью является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и восстановление самого мира. Церковь призвана действовать в мире по образу Христа, свидетельствовать о Нем и Его Царстве. Члены Церкви призваны приобщаться миссии Христовой, Его служению миру, которое возможно для Церкви лишь как служение соборное, «да уверует мир» (Ин. 17. 21). Церковь призвана служить спасению мира, ибо и Сам Сын Человеческий «не для того пришел, чтобы Ему служили, но, чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10. 45)» [29].

Приведя предельно точное определение того, что стоит за понятием «церковь», мы обратимся к суждениям классиков по церковному (каноническому) праву, которые акцентировали свое внимание на юридической трактовке, и соответственно указывали соответствующие атрибуты церкви, которые затем и предопределили специфику данного права.

Горчаков М. в своей работе «Лекции по церковному праву» в первую очередь задает вопрос — Что же такое церковь? Отвечая на него пишет о том, что «понятий о церкви довольно много; с точки зрения науки — это понятие определяется следующим образом.

Русское название «церковь», у славянских народов — «црква», «цирковь», немецкое — «Kirche»,

шведское – «kyrka», английское – «church» (черч), итальянское – «chiesa» (кьезе), производится от греческого прилагательного «κυριακόν», т. е. οίκία или κυριακόν, т. е. οίκόν, что значит «дом Господень» и по употреблению своему совершенно соответствует греческому же слову – «ἐκκλησία», более употребительному у римлян и реманских народов (ecclesia, iglesia, eglise)» [10].

Мы видим, что автор уточняет использование термина «церковь» в различных языках и затем указывает, что «по смыслу греческих классиков это слово означает правильно созванное общественное или народное собрание (от гл. «ἐκκαλεῖν»), в котором присутствуют равноправные члены» [10]. И «в книгах Нового Завета «ἐκκλησία» означает:

1) особое установление или учреждение, созданное Иисусом Христом для верующих в Него, как сына Божия; сюда относятся, например, слова Христа: «Созиджу церковь мою и врата адовы не одолеют ю»;

2) общество или собрание людей, верующих в Иисуса Христа, – например «... аще же и церковь прослушает» и т. д. и

3) то и другое нераздельно.

В письменных памятниках христианских писателей первых веков, под церковью поднимается основанное Иисусом Христом организованное во внешнем устройстве и внутренне объединенное общество христиан, принадлежность к которым обуславливалась определенными внутренними качествами, как - то: знанием вероучения христианского, жизнью по закону Христову и внешними, – крещением, следованием известным правилам, за неисполнение которых грозило отлучение...» [10].

М.Е. Красножен свое видение того, что есть церковь также изложил в работе «Краткий очерк церковного права», где аргументированно отмечал то обстоятельство, что ««каждое вероисповедание имеет в настоящее время своё особое понятие о церкви, основанное на его догматическом учении. Православная церковь определяет своё название следующим образом: «Церковь есть от Бога установленное общество людей, соединённых православною верою, Законом Божиим, священноначалием и таинствами».

И исходя из «этого догматического определения церкви видно:

1) церковь есть союз религиозный, существующий для достижения высших религиозно-нравственных целей человечества, указанных христианством;

2) это союз видимый, внешний, а не внутренний только или духовный;

3) церковь, как внешний религиозный союз, имеет своё правительство и свою организацию» [21].

Достаточно интересное суждение в отношении того, что есть церковь изложил М. Остроумов, который прежде чем определить суть церковного права, обращает внимание на то, что «христианская церковь есть основанное Господом нашим Иисусом Христом для освещающего возрождения челове-

ства общество, в котором через учение веры, через таинства и через видимое иерархическое руководство посредством невидимого действия благодати Святого Духа под невидимой Главой Самим Иисусом Христом в душах верующих в Него и самоотверженно исполняющих заповеди Его осуществляется всеобщее невидимое царствие Божие» [30, с.16-17].

И далее отмечает, что «в Церкви, как среде возрождения, должно существовать две стороны: Божеская и человеческая, которые в акте возрождения человека должны приходить во взаимодействие. Божескую сторону составляет божественная сила благодати Святого Духа, а человеческую – человеческая природа, управляемая свободным произволением» [30, с.18]. А потому, «как общество лиц, связанных между собою системою известных отношений, Церковь существует в среде других обществ и становится к ним в такое или иное отношение, как организация от них отличная. Как отношения членов Церкви внутри Церкви, так и отношения Церкви к другим общественным союзам определяются известными нормами. Эти нормы суть нормы права. Таким образом Церковь входит в область права с двух сторон: как общество, имеющее внутренний строй, и как общество, стоящее в определенных отношениях к другим обществам» [30, с.20-21].

Более развернутое понимание того, что стоит за понятием «церковь» дал А.С. Павлов, в своем труде (который печатался по частям, в виде отдельных статей, в «Богословском Вестнике» за 1899 – 1902 гг.) «Курс Церковного права» (опубликованного после смерти автора в 1902 году), где писал: «Итак, церковь для верующих в Иисуса Христа есть непосредственно божественное учреждение, в котором и через которое осуществляется в роде человеческого идея царства Божия на земле, т. е. сообщается людям истинное богопознание и подаются благодатные силы и средства к духовному их возрождению, к приведению их воли в согласие с волей Божией и к достижению конечной цели христианской религии – единению человека с Богом в вечной жизни. Это - догматическое понятие о Церкви, составляющее один из членов христианского исповедания веры, в котором указаны следующие свойства церкви:

1) она есть едина, потому что и христианская религия одна, та именно, которую проповедовал Иисус Христос и Его Апостолы и которая, как Божественное Откровение, предана церкви для неизменного (следовательно, непогрешительного) сохранения на все времена;

2) церковь есть святая, потому что она происходит от Бога и имеет целью освящение человека, т. е. уподобление его Богу;

3) церковь есть вселенская, потому что Божественный Основатель ее возвестил Свою религию и принес Свою искупительную жертву для спасения всего рода человеческого, доколе он существует;

4) церковь есть апостольская, потому что от Апостолов ведет она свою

иерархию и от них получила коренные начала своего устройства» [31].

Он подчеркнул, что «в изложенном догматическом понятии о церкви указано и внутреннее, невидимое существо ее, и внешнее, видимое. Как союз, основанный на религиозной вере, действие которой обращено прежде всего на внутреннюю сторону человека, на его душу, церковь представляется невидимым, духовным союзом верующих в Иисуса Христа» [31].

Архиепископ Григорий (Афонский) вышеприведенные юридические характеристики церкви, учитывая содержание всей совокупности божественного права, дополняет следующими:

«1. Церковь есть непосредственно божественное учреждение, имеющее цель осуществить в роде человеческом восстановление падшего человека и соединить его с Богом. И Церковь имеет на это божественное право.

2. Как видимое общество верующих во Христа в видимой человеческой жизни, Церковь имеет нужду в определенном внешнем порядке своей земной жизни. И Церковь уполномочена своим Основателем устанавливать этот порядок, сообразно своему существу и назначению, и охранять его от всяких нарушений со стороны частного произвола.

3. Церковь была основана на все времена и для всего человечества. Однако усилия ее внешней жизни не всегда и не везде одни и те же. Поэтому Церковь при осуществлении своей задачи имеет нужду, а, следовательно, и право, изменять формы своего внешнего порядка и дисциплины, поскольку этот порядок не связан с самим существом Церкви.

4. Церковь как видимое общество, живя в обыкновенных человеческих условиях, имеет нужду и в материальных средствах для осуществления своих целей спасения рода человеческого.

5. Основатель Церкви, Иисус Христос, дал своей Церкви только основные черты ее устройства и общую власть действовать в мире сообразно своему назначению. Поэтому нормы божественного права служат только основаниями, критериями и высшими началами церковного права, которое никак не может противоречить положительному церковному праву, созданному самой Церковью» [3].

Н.К. Соколов исследуя сущность церковного права исходил из того, что оно детерминировано прежде всего природой христианской церкви, которая в свою очередь «определяется конечной целью христианской религии» [41, с.3], и «эта цель заключается в том, чтобы уничтожить противоположность между божественным законом и человеческой волей посредством свободного, при содействии Божьей благодати достигаемого подчинения человека божественной воле, другими словами: в воспитании человечества согласно с волей божественной и в достижении через то высшей, последней цели бытия человека – вечного усовершенствования в Боге» [41, с.3].

Исходя из этого он приходит к тому, что «церковь сама по себе не есть институт юридический, а нравственное царство Божие на земле». Исходя из этого, Н. К. Соколов выделял следующие отличительные

признаки Церкви:

Во-первых, союз религиозный, ...основанием его служит вера в учение и учреждения, установленные Основателем христианства» [41, с.6].

Во-вторых, «это союз видимый, внешний, а не внутренний только духовный союз людей одинаковых религиозных убеждений» [41, с.6].

В-третьих, «церковь, как внешний религиозный союз, имеет твердо установленный порядок и соответствующую ее внутренней сущности внешнюю организацию» [41, с.7].

В - четвертых, «это церковный союз, который приходит необходимо в соприкосновение с другими политическими и общественными союзами» [41, с.7].

Отдельно следует сказать и о взглядах епископа Иоанна Смоленского (Соколов), который в работе «Опыт Курса Церковного Законоведения», исследуя существующие точки зрения на то, что есть церковь просто отмечает, что это « богоучрежденное общество верующих в Иисуса Христа, соединенных между собой в общий духовный союз единством веры, освящаемых благодатью Св. Духа в таинствах, и под невидимым Главою – Христом, преемственной от Апостолов властью духовно управляется ко спасению» [13, с.3].

Такой же точки зрения относительно того, что стоит за понятием «церковь» придерживался и законоучитель Императорского училища правоведения М. И. Богословский, который считал, что «Церковь Христианская есть собрание последователей Иисуса Христа, соединенных между собой на тот конец, чтобы хранить, открыто свидетельствовать, утверждать и распространять веру, преподанную Господом Иисусом Христом и Его Апостолами, и таким образом приготовляет на земле людей для царства небесного» [Цит. по:12].

Это же видение того, что есть Церковь, высказал М. А. Остроумов, когда писал: «Христианская церковь есть основанное Господом нашим Иисусом Христом для освещающего возрождения человечества общество, в котором через учение веры, через таинства и через видимое иерархическое руководство посредством невидимого действия благодати Святого Духа под невидимой Главой Самим Иисусом Христом в душах верующих в Него и самоотверженно исполняющих заповеди Его осуществляется всеобщее невидимое царствие Божие» [30, с.16-17].

Особо также выделяется суждение о церкви Р. Зомы, которые он отразил в работе «Церковный строй в первые века христианства», где выделил ее (церкви) такие свойства как:

- сущность Церкви духовная;
- церковь хочет быть видимой, управляемой господством Божественного Духа;
- церковь держится вещественной истины, т. е. того, чтобы по истине возвещались, приносились в мир, приводились в действие Божественное слово и Божественная воля;
- сущности церкви ненавистно всякое принуждение, потому что только свободное усвоение Боже-

ственного имеет духовную ценность» [14].

Она по своему существу «есть в силу своего идеала и своей сущности Христианство, Народ Божий и Царство Божие, Тело Христово на земле» [14].

По его мнению, «экклесия означает всякое собрание, представляющее, в догматическом отношении, для веры, по своей духовной ценности собрание христианства, собрание с Богом и перед Богом (Христом) новозаветного народа (Eine Verfammlung des neutestamentlichen Bundesvolkes). И этому суждению он подставляет следующее положительное подтверждение – слова Господа (Мф.18:20) «где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них». Где Господь, Глава тела, там и христианство; где двое или трое собраны во имя Христа, там и народ Божий, новозаветный Израиль, там и все христианство, со всеми, выпавшими на его долю, обетованиями, потому что Христос, Который все во всем, посреди него. Где Христос, там и Экклезиа (народ Божий), отсюда, ставшее рано поговоркой положение: «ubi tres, ibi ecclesia» [14].

В целом же, он отказывает существованию отдельной отрасли права- церковного, как противоречащей природе церкви, на основе вышеприведенных аргументов, против которых выступали наши отечественные правоведы - специалисты по церковному(каноническому)праву, аргументацию которых мы рассмотрим ниже.

Мы полагаем, что к вышеприведенным нами точкам зрения на юридическую сущность понятия «церковь» следует дополнить и суждением общепризнанного специалиста в области церковного права И.С. Бердникова, который в работе «Краткий курс церковного права Православной Церкви» отмечает тот факт, что «церковь Христова представляет собою общество особого рода, отличное по своему назначению и характеру от других исконных форм общежития, самобытное по своему происхождению и существованию. Она не сливается ни с государством, ни с семьей, ни с каким-либо другим институтом общественно-жизневого характера. Она заняла особое положение среди других культурных факторов и форм общежития, имеющих в виду житейские назначения» [5].

Одно из последних определений того, что есть церковь (через призму нашего исследования – авт.), привел Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, который выражая благодарность президенту России Владимиру Путину (по случаю даты его интронизации – 01.02.2023 г.) за создание благоприятных условий для жизни Русской православной церкви, сказал о том, что «церковь остается островом свободы, потому что в первую очередь нашим законом является не закон человеческий, а закон божий, который отображается в сердце человека через голос его совести» [33].

Мы считаем, что все вышеприведенные нами точки зрения на сущность того, что следует разуместь под понятием «церковь» с точки зрения юридической, достаточно полно отразили все ее сущностные черты, которые в свою очередь, предо-

пределили особенности церковного (канонического) права.

Далее, логика нашего исследования настоятельно требует определиться с сущностью права, что необходимо для того, чтобы более полно и точно представить себе, что же представляет собой каноническое (церковное) право. И для этого мы обратимся к классикам российской правовой мысли, которые в определении того, что следует под ним разуместь, выделяют его сущностные черты [См. более подробно:45;46].

Конечно же, исходя из формата нашей работы, мы не будем осуществлять анализ значительной массы определений (которые существуют в настоящее время) того, что стоит за понятием «право», классификацию существующих концепций, т.к. это не входит в нашу задачу и приведем лишь те суждения, которые, на наш взгляд, которые более полно и точно отражают его суть.

Приступая к рассмотрению различных точек зрения на право нельзя не привести высказывание известного древнеримского юриста Ульпиана, суть которого заключалась в том, что «изучающему праву надо, прежде всего, узнать, откуда происходит слово «право» (jus); оно получило свое название от правосудия (justitia) право есть наука (ars) о добром и справедливом» [36]. Исходя из этого, смысл слова право формировался «под воздействием латинского языка – языка западноевропейской науки и цивилизации (ср. латинские jus – justus – justitia)» [35] и затем «в старославянском языке слово «право» служило для передачи греческих ε θύτης, δικαιοσύνη и было синонимом слов правда, правость, правота (Синайская псалтырь)» [35].

Самый общий философский подход к сущности права мы находим в творческом наследии Б. Н. Чичерина, религиозного философа [61, с.66], правоведа, который в своей фундаментальной работе «Философия права» он дает пояснение того, что он разумеет под правом. Он задает вопрос «Что есть право» и отвечает на него таким образом: «Это слово, как известно, принимается в двояком значении: субъективном и объективном. Субъективное право определяется как нравственная возможность, или иначе, как законная свобода что-либо делать или требовать. Объективное право есть самый закон, определяющий эту свободу. Соединение обоих смыслов даёт нам общее определение: право есть свобода, определяемая законом. И в том, и в другом смысле речь идёт только о внешней свободе, проявляющейся в действиях, а не о внутренней свободе воли; поэтому полнее и точнее можно сказать, что право есть внешняя свобода человека, определяемая общим законом... Право и нравственность имеют один корень – духовную природу человека; они действуют на одном и том же поприще человеческих отношений; внешние действия и внутренние побуждения тесно связаны друг с другом, а потому тут необходимо оказывается взаимодействие двух начал, а вместе и потребность привести их к соглашению» [61].

С.Л. Франк в отношении права, выделяет его первичный смысл, и согласно его мнения, оно выступает как «просто должное в человеческих отношениях – то, что в них зависит не от эмпирической человеческой воли, а от высшего, абсолютного веления правды. Лишь в производном, чисто юридическом смысле под правом разумеется и совокупность норм, которые сами по себе лишены первичной внутренней авторитетности и заимствуют свою обязательность из авторитетности, т. е. правомерности власти, их издающей» [53].

В части касающейся взаимоотношения объективного и субъективного права Б.А.Кистяковский указывает на то обстоятельство, что они не совпадают и это «несовпадения субъективного права с объективным приводит к требованию индивидуализации при применении объективного права...Это несовпадение, создаваемое индивидуализацией, не должно быть больше того, которое существует вообще между рациональным и общим, с другой стороны, и иррациональным и индивидуальным – с другой» [19, с.376].

Наше рассмотрение того, что стоит за понятием «право» будет неполным, если не обратиться философско-правовому наследию С. А. Муромцева, ученого, юриста и политического деятеля.

Свои взгляды на право он отразил в работе «Определение и основное разделение права» [26].

В первую очередь он обращается к тому, что, когда говорят о праве то имеют весьма общую трактовку, и в этой части он пишет: «В самом деле, мы имеем перед собой обширную область отношений, которые существуют под общим именем прав, но в полной однородности которых мы не можем быть уверены заранее, потому что знаем, что словоупотребление, находящееся вне всяких теоретических влияний, не придает названному имени какого-либо значения, которое было бы связано именно с этой областью, а словоупотребление, руководимое теорией, не имеет одного общего источника. Чтобы дать верную внешнюю характеристику права, как отношения, т. е. описать его точно в отличие от других сходных, но не одинаковых с ним отношений, мы должны постараться уловить такой признак его, который, будучи свойственен достаточно большому числу отношений, признаваемых за права, служил бы, во-первых, их отличительным признаком, т. е. был бы чужд явлениям других областей, и, во-вторых, объяснял бы с наибольшей убедительностью, почему в сознании отдельных людей и всего общества правоотношения выделяются в особую, резко отграниченную группу с особым приписанным ей значением. Это последнее требование имеет существенную важность. Когда определяются и классифицируются научно предметы, существующие независимо от человека, тогда нет дела до субъективного значения избираемых признаков» [26, с.120-121].

Исследуя право и его сущностные черты, он приходит к тому, что «мы имеем перед собой следующие свойства права: внешнее принуждение, организованное установление, организованная защита. Из

них первое не есть отличительное в строгом смысле, но распространено в правах более, чем в других отношениях. Остальные, хотя и не общи всем без исключения случаям, с которыми связано название права, составляют, действительно, отличительные черты его» [26, с.124].

В заключении нашего краткого обзора классиков правовой мысли в отношении того, что следует понимать под понятием «право», мы приведем точку зрения Н.М. Коркунова, специалиста в области международного и государственного права.

В своей работе «Русское государственное право» он достаточно четко определяет, что, во-первых, «объектом прав составляющих содержание юридического отношения государственного властвования не может быть население государства или определенная часть населения. Население – субъект государственного отношения, а не объект» [20, с.103].

Во-вторых, «объектом прав, составляющих юридическое отношение государственного властвования, может быть признана только сама государственная власть. Существо государственного союза, как мы видели, заключается в монополизации за ним принуждения» [20, с.103].

В-третьих, «права, составляющие содержание юридического отношения государственного властвования, все сводятся к праву влияния в том или другом объеме на осуществление принудительной власти. Власть и есть та сила, в пользовании или распоряжении которой состоят все права граждан, как членов государственной организации» [20, с.103].

В современной юридической науке под правом понимается «система норм, выраженных в законах, иных признаваемых государством источниках и являющихся обязательным нормативно-государственным критерием правомерно-дозволенного (а также запрещенного и предписанного) поведения» [1, с.157]. Определившись с понятием права будет правильным указать и его свойства. «Использование категории «свойство» означает, что право, как и всякое иное объективное явление социальной действительности, имеет «свои», органически ему присущие объективные характеристики» [2, с.47].

Общеустановлено, что свойствами права как социокультурного образования являются следующие:

«- общеобязательная нормативность, «всеобщность» - право через свою документальную форму способно делать те или иные общие правила (нормы, принципы) обязательными для всех в стране, на данной территории;

- определенность содержания – писанное право дает возможность строго фиксировать в письменных документах содержание прав и обязанностей, условия их возникновения, возможные последствия несоблюдения норм и т.д.;

- действие через дозволения – именно в письменном виде можно закрепить не свободу вообще, а субъективные права – четко определенную по границам, санкционированную государством свободу поведения, дозволенность (это не способы сделать никакие иные социальные нормы);

- государственная гарантированность – только нормы, принципы, закрепленные в письменных документах, получают надлежащую государственную гарантию, могут быть оснащены – тоже через письменные документы – процедурами и механизмами их действительной, гарантированной реализации.

Среди других свойств права следует отметить системность (структурированность) – внутреннюю подразделенность позитивного права на отрасли, институты, системность, которая имеет главным образом «внутреннее» значение, обеспечивает функционирование права как единого целостного организма» [2, с.77-78].

Рассмотрев некоторые точки зрения на сущность права, его признаки, мы кратко остановимся на том, что следует разуметь под понятиями «догмат» и «канон».

Обращаясь к понятию «догмат» отметим тот факт, что сам термин, как известно, происходит от греческого глагола *dokein* и имел значение – думать, полагать, верить (прошедшая форма – *dedogmh* – этого глагола означает: решено, положено, определено) [4].

Первоначально слово догмат использовалось древними греками в смысле некоего философского умозаключения, положения, которое принималось как истина, не требующая доказательств. В работе Платона «Государство» догматами назывались «правила и нормы, относящиеся к понятиям справедливого и прекрасного. Цицерон именуется «догматами» бесспорные философские положения. У Сенеки «догматы» – основы нравственного закона» [4].

Но со временем данный термин стал использоваться и по отношению к государственным установлениям, т.е. законам, имеющих общеобязательность, и «в этом значении мы встречаем его в греческом тексте Евангелия от Луки (2, 1), где «догматом» названо повеление кесаря Августа сделать всенародную перепись. Но уже Апостол Павел употребляет слово «догмат» применительно к закону Божию (Кол. 2, 14; Еф. 2, 15)» [4].

В настоящее время термин «догмат» трактуется как богооткровенная, вероучительная истина о Боге и Его отношении к миру, хранящаяся, проповедуемая и объясняемая Церковью, имеющая законообязательную силу для всех христиан [11].

Понятие «догмат» также «обозначает собой мысль вполне утвердившуюся в человеческом сознании, ставшую твердым убеждением человека, вообще – бесспорную истину, твердо установленное положение, и потому общеобязательное, а также определившееся, твердое неизменное решение человеческой воли» [37].

Свойствами догматов являются:

Обязательными атрибутами догматов являются такие как:

«-Богооткровенность указывает на то, что догматы не являются плодом мудрствования человеческого разума, но открыты нам Самим Богом.

-Вероучительность указывает, что догматами называются только те богооткровенные истины,

которые относятся к существу нашей веры.

-Церковность указывает, что только Церковь, в своей полноте, вправе определять, какие именно истины обладают догматическим авторитетом; только она, как столп и утверждение истины (1Тим.3:15), вправе толковать их (в свете Священного Писания, Священного Предания).

-Законообязательность выражается в том, что догматы, должны восприниматься на веру, как аксиомы, и имеют для христиан силу закона» [11].

Характеризуя догматы как общепринятые и обязательные религиозные нормы, имеющие императивный характер, необходимо сказать и том, что это своеобразная объективная истина, «взыскваемая всеми силами души, а не есть какая-то прихоть или каприз» [7, с.50]. Ведь «вера есть чуждый своеволия, субъективизма и каприза путь искания религиозной истины, причем добытое на этом пути имеет за собою всю принудительность объективной истины, требующей самоотверженного служения. Без этого качества объективности вера совершенно теряла бы свой серьезный и трудный характер, свою суровость, которая всегда приносит трагическую ломку жизни героям веры» [7, с.50].

Говоря о догматах веры следует признать, что они составляют «суть богатства религии...» [7, с.68] они «представляют собой как бы вехи, поставленные по пути правильно идущей религиозной жизни; нормального ее роста. Догматы суть иероглифы религиозных тайн, раскрывающихся лишь в религиозном опыте и в меру этого опыта» [7, с.68].

И.И. Гарин, обращаясь к рассмотрению признаков религии и ее составных частей, пишет, что все «великие религии объединяет единый Бог, высокая нравственность, почитание культурных традиций, уважение к закону, уважение к личности человека» [9, с.682]. И далее, он, не без должного основания, перечисляет все те элементы, которые образуют ту духовную систему называемую религиозной верой, и которая «включает в свой состав не только определенное состояние сознания, но и некую врожденную установку, изначальную мотивацию, традицию, участие в определенной практике, соблюдение определенных предписаний» [9, с.682].

Рассматривая догматы как вероучительные постулаты, также необходимо сказать, что «они в точности излагают истины откровения, осуждая все возникающие заблуждения, противоречащие этим истинам. По поводу заблуждений церковь и издавала эти законы, которые на греческом языке очень хорошо называются определениями (*ōroi*), так как ими церковь не вводит новых догматов, а только сообщает определенную письменную форму истинам откровения и определяет их. Как таковые, догматические законы неизменяемы» [38].

С понятием «догмат» тесно взаимосвязано и понятие «канон».

В православной справочной литературе указывается, что термин «канон» происходит от греческого *κανών* и обозначает «правило, норма, образец. Изначально словом «*κανών*» называлась прямая

палка или шнур, служащие для совершения измерений (отвесом, мерилем, лотом и пр.). Впоследствии этим словом стали обозначать правила, в том числе правила веры (состав богодухновенных библейских книг получил название «канон» в связи с тем, что включенные в него книги определяют главные правила веры)» [17].

Помимо этого данный термин имеет и такие значения:

1) основные церковные правила, определяющие порядок жизни Православной Церкви (ее внутреннее устройство, дисциплину, частные аспекты жизни христиан);

2) свод таких правил.

В широком смысле эпитет «канонический» в церковной лексике означает «законный, признанный» (например, канонические книги Священного Писания)» [18].

Обращаясь к сущности понятия «канон», нельзя не отметить, что в Новом Завете термин «канон» обозначает «правила» христианской жизни: «Тем, которые поступают по сему правилу (κανών), мир им и милость, и Израилю Божию» (Гал. 6:16); «...впрочем, то чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу (κανών) жить» (Флп. 3:16)» [40].

При рассмотрении сущности вопроса нельзя не обратиться к тем суждениям относительно канона, которые предлагаются известными правоведомы – канонистами. Так, А.С. Павлов значение термина «канон» связывает его с понятием «каноническое право». И согласно его мнению, право называется каноническим исходя из того, что слово «канон» происходит от греческого слова κανών, «которое в первоначальном (материальном) смысле означало всякое орудие для проведения прямых линий или для уравнивания плоскостей; в позднейшем и переносном смысле оно получило значение образца, правила (regula)» [31].

П.А. Лашкарев придерживается несколько иной интерпретации данного термина и понятия. Он объясняет суть данного понятия через призму церковного права, в котором различают два его вида:

- право собственно церковное;
- право церковно-гражданское.

И под первым, как он считает, «разумеются законы, данные церкви Божественным ее Основателем непосредственно или чрез Его апостолов, или установленные самою церковью в пределах полномочий, предоставленных ей заповедями божественными, или и законами государственными, но применительно к ее основанной на божественных заповедях компетенции. Законы эти, насколько имеют форму положительных определений, соединенных с внешнею церковною санкциею, называются канонами (κανόνες); почему и самый вид этого права называется частные правом каноническим» [22].

Под правом, собственно «церковно-гражданским» разумеются такие законы, которые определяют положение и деятельность церкви в силу общего государственного и гражданского порядка, или издаются нарочито по делам веры и церкви законода-

тельно властью государственною, и охраняются санкциею гражданской. Законы последнего свойства древние правоведы церковные, в отличие от канонов называли просто — законами (νόμοι)» [22].

Священноисповедник, архиерей Буковинско-Далматинской митрополии, епископ Далматинско-Истринский, канонист и церковный историк Никодим (Милаш), автор работы «Православное церковное право», в части канонов, как своеобразных правовых норм, писал, что они, в отличие от догматов, выступают как своеобразные «законы, дисциплинарные или церковные в более узком смысле (ἐκκλησιαστικῆς νομοῦ θεσμοί, κανόνες и т. т.), устанавливают в церкви внешнюю жизнь верующих и все то, что нужно для сохранения в ней надлежащего порядка и для достижения цели, ради которой она существует. Эти дисциплинарные законы не неизменны, они могут изменяться по потребностям церкви и переменам, вызываемым общественным состоянием того или другого века...

Канонами...называются церковные законы, содержащиеся в основном каноническом сборнике и обязательные для всей церкви» [38].

А.С. Павлов рассматривая суть канонического права, также акцентирует внимание на том, что термин «канон» получает свою собственно юридическую смысловую суть и значимость в церковной терминологии, где «первый пример которой встречается в одном из посланий Апостола Павла (Галат. 6: 15, 16), это слово стало означать правило христианской веры и жизни и в особенности – дисциплинарные постановления церковных соборов, в отличие, с одной стороны, от догматических соборных определений (δόξαι, δόγματα), с другой – от светских или гражданских законов (νόμοι, leges)» [31].

М. Остроумов апеллируя к римскому праву, приходит к тому, что слову «канон» «соответствует выражение «régula juris», т. е. общее теоретическое правило, извлекаемое из положительного права» [30, с.26].

В церковном разумении «канон» означает «то же, что закон в государстве, и потому иногда называется каноническим законом (κανονικό νόμος). Отсюда собрание или совокупность церковных правил, имеющих своим источником и предметом Церковь, называется обыкновенно каноническим правом» [30, с.26].

Н.К. Соколов подходя к сути того, что есть «канон», с точки зрения юридической, также указывает нам на тот факт, что «в соборных постановлениях канон имеет в особенности значение церковного правила, относящегося к управлению, дисциплине и жизни церкви, и в этом смысле он отличается от правил веры, называемых догматами (Трул. соб. срав. пр. 1 и 2)» [41, с.23].

Таким образом, согласно строго юридическому подходу, т.е. юридическом понимании, «канон» обозначает некую совокупность обязательных правил поведения (норм), принятых церковью для упорядочения общественных отношений внутри христианской общины - особых правоотношений, основан-

ных как на чисто религиозных нормах, так и религиозно-нравственных.

В зарубежной научной литературе, в отношении того, что следует понимать под понятием «канон» отмечается следующее: «В Восточной Православной Церкви, каноны являются «церковные нормы, изданные Церковью через коллективный голос епископов, собранных в экumenических или местных соборах, выступая по вдохновению Святого Духа и в согласии с Христом учением и догмами Церкви» [25].

Учитывая все изложенное выше, мы приходим к тому, что канон - это прежде всего обязательная норма религиозная норма, которая еще является одновременно и правилом.

Заканчивая рассмотрение понятий «догмат» и «канон», их взаимосвязь необходимо зафиксировать, что догмат – это отражение истины веры (отвечает на вопрос «что?»), а канон является нормой, которая требует поступать в соответствии с общепринятым правилом (отвечает на вопрос: «как?»).

Продолжение следует.

Библиографический список

- 1.Алексеев С. С. Теория права. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М.: Издательство БЕК. 1995.- 320 с.
- 2.Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10т. [+ Справочный том]. Том 6: Восхождение к праву. М.: Статут. 2010. – 558 с.
- 3.Архиеп. Григорий (Афонский). Введение в каноническое право Православной Церкви. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/vvedenie-v-kanonicheskoe-pravo-pravoslavnoj-tserkvi/1>
- 4.Архимандрит Алуний (Кастальский-Бороздин), архимандрит Исайя (Белов). Догматическое богословие. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/dogmaticheskoe-bogoslovie-kastalskij/1_2
- 5.Бердников. И.С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Пя_Бердников/kratkij-kurs-tserkovnogo-prava-pravoslavnoj-tserkvi/
- 6.Большой энциклопедический словарь.2-е изд., перераб. и доп. М.: «Большая Российская энциклопедия». СПб., «Норинт».1997. - 1456 с.
- 7.Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., Республика.1994. - 415 с.
- 8.Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса//Вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. М., Республика. 1994.- 368 с.
- 9.Гарин И. И. Что такое этика, культура, религия? М.: ТЕППА- Книжный клуб. 2002. – 848 с.
- 10.Горчаков М. Лекции по церковному праву. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Gorchakov/lektcii-po-tserkovnomu-pravu/2_4
- 11.Догматы /Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/dogmaty>
- 12.Дорская А. А. Влияние церковно - правовых норм на развитие отраслей российского права: монография / А. А. Дорская. - Санкт-Петербург: Астерион. 2007. - 158 с. URL: <https://www.livelib.ru/book/157208/readpart-vliyanie-tserkovnopravovyh-norm-na-razvitie-otraslej-rossijskogo-prava-a-a-dorskaya/~4>
- 13.Епископ Иоанн Смоленский. Опыт Курса Церковного Законоведения. СПб. 1851 (Опыт курса церковного законоведения Архимандрита Иоанна. Введение в церковное законоведение и обозрение древних, канонических источников его. Санкт -Петербург. В типографии Фишера. 1851.- 514 с.
- 14.Зом Р. Церковный строй в первые века христианства. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/tserkovnyj-stroj-v-pervye-veka-hristianstva/>
- 15.Ильин И.А. Основы христианской культуры/Иван Ильин М.: Эксмо.2011. – 704 с.
- 16.Как произошло слово Церковь?//Православный журнал Фома. URL: <https://foma.ru/kak-proizoshlo-slovo-tserkov.html>
- 17.Канон /Азбука веры. <https://azbyka.ru/kanon>
- 18.Каноны (правила) церковные /Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/kanony-pravila-cerkovnyie>

19. Кистяковский Б.А. Социальные науки и права. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия конец XIX-XX в. / Нац. обществ. - науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г. Ю. Семигин. М.: Мысль. 1999. - 829 с.
20. Коркунов Н.М. Русское государственное право // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия конец XIX-XX в. / Нац. обществ. - науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г. Ю. Семигин. М.: Мысль. 1999. - 829 с.
21. Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Krasnozhen/kratkij-ocherk-tserkovnogo-prava/
22. Лашкарев П.А. Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву. (Издание 2-е. Киев: Высочайше утверд. Товарищ. печ. дела и торг. И. Н. Кушнерев и К°, 1889). URL: https://russportal.ru/index.php?id=synodal_period.lashkarev_pa1889_00_000
23. Лекции по церковному праву проф. Горчакова М.И., чит. в С.-Петербургском университете в 1898/9 ак. г. - Санкт-Петербург: изд. студ. К-го и Р-ова. 1899. - 472 с.
25. Михай В. «Введение». Справочник по православному каноническому праву. Бруклин, Массачусетс: Православная пресса Святого Креста. 2017. - С. 5 - 6. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.563856d7-63e0e78f-9ff516aa-74722d776562/https/en.wikipedia.org/w/index.php?title=Canon_law_of_the_Eastern_Orthodox_Church&redirect=no
26. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / Вступит, статья, коммент. док-ра юрид. наук, профессора Ю. И. Гревцова. 2-е изд., доп. СПб.: Издательский Дом С.- Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ. 2004. - 224 с
27. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере правовой грамотности и правосознания граждан. (утв. Президентом РФ 28.04.2011 №ПР-1168) // Российская газета №151 от 14.07.2011.
29. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>
30. Остроумов М. Очерк Православного церковного права. Часть первая. Введение. Том первый. Харьков. Типография Губернского Правления, Петровский пер., № 16. 1893. - 672 с.
31. Павлов А.С. Курс Церковного права. URL: <https://керпцобр.рф /data/documents /Kurs-Cerkovnogo-prava-professor-Aleksey-Stepanovich-Pavlov.pdf>
32. Пархоменко К., священник. Церковь Христова. URL: <https://azbyka.ru/parkhomenko/cerkov-xristova.html>
33. Патриарх Кирилл назвал нынешние отношения РПЦ и государства лучшими в истории России // 1 февраля 2023. URL: <https://www.interfax.ru/russia/884158>
34. Полный церковно-славянский словарь / Составитель Протоиерей Г. Дьяченко. Репринтное воспроизведение издания 1900. М.: ООО Издательство «Отчий дом». 2005. - 1122 с.
35. Право // В.В. Виноградов. История слов. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/199>
36. Правовая природа канонического (церковного) права. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1355
37. Православное догматическое богословие. Том 1. Протоиерея Малиновского Н. Ректора Волгоградской Духовной семинарии. Введение. Учение о Боге едином в существе и троичном в лицах. Издание второе. Сергиев Посад. Типография Св. Тр. Сергиевой Лавры. 1910. - 464 с.
38. Преподобномученик Никодим (Милаш). Православное церковное право. URL: <https://svyatye.com/chitat/Prepodobnomuchenik-Nikodim-Milash-Pravoslavnoe-tserkovnoe-pravo/>
39. Религии мира. Белфакс. Минск. Издание второе, переработанное. 1994. - 464 с.
40. Смыкалин А.С. Каноническое право на примере Русской Православной Церкви XI-XXI вв. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanonicheskoe-pravo-na-primere-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-11-21-vv/10>
41. Соколов Н. К. Из лекций по церковному праву / Орд. проф. Моск. ун-та Н.К. Соколова. Вып. 1. Введение в церковное право. - М.: Унив. тип. (Катков и К.) 1874. - 200 с.
42. Суворов Н.С. Учебник церковного права. / М.: Печатня А.И. Снегиревой. 1908. - 348с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Suvorov/uchebnik-tserkovnogo-prava
43. Сулейманов Т.Ф., Хафизов Э.Д. Религия как феномен культуры: Лекция. Уфа.: Уфимский юридический институт МВД РФ. 1997. - 43 с.
45. Сулейманов Т.Ф., Киричок Н.В. Религия и право в системе социальной регуляции (Ч. I) // Вестник Башкирского института социальных технологий (филиал Академии труда и социальных отношений. г. Москва) 2015. № 2 (27). - С. 154-160.
46. Сулейманов Т.Ф., Киричок Н.В. Религия и право в системе социальной регуляции (Ч. II) // Вестник Башкирского института социальных технологий (филиал Академии труда и социальных отношений. г. Москва). 2015. № 2 (27). - С. 161- 166.
47. Сулейманов Т.Ф., Клыш А.А. Проблема прав человека в русской философско-правовой мысли конца XIX - начала XX вв. // Научная перспектива. 2022. № 11 (153). - С. 38-56.
48. Сулейманов Т.Ф., Клыш А.А. Православно - христианский концепт прав человека (Часть II) // Научная перспектива. 2023. № 1(155) - С. 48-59.
49. Сулейманов Т.Ф., Клыш А.А. Православно - христианский концепт прав человека (Часть I) // Научная перспектива. 2023. № 1(155) - С. 33-47.

-
- 50.Трубецкой Е. Н. *Смысл жизни*//Сост. А. П. Полякова, П. П. Апрышко. М., Республика. 1994. – 432 с.
- 51.Флоренский П.А. *Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги: «О Духовной Истине»*, Москва, 1912 г., сказанное 19-го мая 1914 год//*Столп и утверждение истины*// URL: [/azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhenie-istiny/33](http://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhenie-istiny/33)
- 52.Форвард М. *Религия* /Мартин Форвард. Пер. с англ. Н. Григорьевой. М.: ФАИР-ПРЕСС. 2003. – 320 с.
- 53.Франк С.Л.*С нами Бог. Три размышления/Духовные основы общества*. М.: Республика.1992. - С.217-404.
- 54.Франк. С.Л. *Духовные основы общества*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshhestva/1_3_1].
- 55.Фромм Э. *Психоанализ и религия /Сумерки богов*. /Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева: Перевод. М.: Политиздат. 1989. – С.143-221.
- 56.Церковь / *Словарь библейского богословия*. Под редакцией Ксавье Леон-Дюфура и Жана Люпласи, Августина Жоржа, Пьера Грело, Жака Гийе, Марка-Франсуа Лакана. Перевод со второго французского издания. «Книжный мир экумены».2012. Изд-во «Жизнь с Богом». URL: <https://predanie.ru/book/217381-slovar-bibleyskogo-bogosloviya/#/toc359>
- 57.Церковь Христова. *Богословско-литургический словарь*. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/bogoslovsko-liturgicheskij-slovar/320>
- 58.Церковь/ *Азбука веры* // <https://azbyka.ru/cerkov>
- 59.Церковь/ Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. *Словарь библейских образов*. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/811>
- 60.Церковь // *Библейский словарь*. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskij-slovar-gese/664>
- 61.Чичерин Б. Н. *Философия права*. Типо - литография Товарищества И.Н. Кушнерев. М.1900. - 344 с. URL: https://royallib.com/read/chicherin_boris/filosofiya_prava.html#61440
- 62.Юркович И., свящ. *Каноническое право о народе Божиим*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanonicheskoe-pravo-o-narode-bozhiem/1_2

ЦЕРКОВНОЕ (КАНОНИЧЕСКОЕ) ПРАВО КАК SUI GENERIS – ОСОБАЯ ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ПРАВА (ЧАСТЬ II)

Тимур Фуатович СУЛЕЙМАНОВ

канд. философ. наук, доцент, руководитель Отдела канонизации и увековечивания памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской Уфимской епархии Башкортостанской митрополии РПЦ МП

Арина Андреевна КЛЫШ

студент

Института Права Башкирского Государственного Университета

«Церковь выводит свое право из положительных откровений божественной воли и на ней же утверждает обязательную силу своих собственных предписаний. Таким образом, первооснования церковного права остаются неизменными на все времена для всей Церкви. Так становится вполне очевидным, что церковное право есть особенная, самостоятельная ветвь права, которую нельзя отнести ни к частному, ни к праву публичному, ни к государственному, объединяя с ними только в высшем понятии о праве вообще...Церковное или каноническое право обязано своим происхождением и развитием историческому факту появления и распространения в мире христианской религии, соединивших своих последователей в особенный общественный союз, которому исключительно принадлежит название Церковь и в котором отдельные члены осознают себя не эллинами, римлянами, иудеями, но братьями по вере, детьми одного Бога Небесного».

Архиепископ Григорий (Афонский).

«... церковное право представляет собой тот внешний, необходимый, от личной воли независимый порядок, который должен господствовать в религиозном союзе, установленном для осуществления целей христианства. Таково понятие о праве церкви в объективном смысле. В смысле субъективном оно есть совокупность различных прав и обязанностей, принадлежащих членам церкви, сообразно с различным положением, занимаемым ими во внешнем церковном союзе».

Н.К. Соколов.

«Церковное право есть богословие, раскрытое в законах и законоправильных, а особенно обрядовых и таинственных действиях, составляющих видимую жизнь церкви».

Архимандрит Гавриил.

Рассмотрев в части I нашей работы сущность используемых нами понятий - религия, церковь, право, догмат и канон, мы перейдем к рассмотрению того, что стоит за понятиями «каноническое право» и «церковное право» и их взаимосвязи.

Здесь мы должны сказать о том, что в данной работе мы будем рассматривать каноническое (церковное) право применительно к восточно-православной церкви, и, в первую очередь, к Русской Православной Церкви.

В части того, что такое каноническое право, в

Православной энциклопедии дается самое общее определение и указывается, что оно в различных языковых конструкциях обозначается как: [лат. jus canonicum; итал. diritto canonico; англ. canon law; франц. droit canonique; нем. kanonisches Recht; исп. derecho canonic] и имеет такое толкование - система правовых норм, составляющая основу действующего церковного законодательства в Поместных Православных Церквях, Римско - католической Церкви, Древних Восточных (дохалкидонских) Церквях [25].

Необходимо отметить, что «в западной юридической литературе принято различать церковное и каноническое право, как два различных понятия. Каноническое право (*jus canonicum*) - это право, которое содержится в средневековом *Corpus juris canonici* католической Церкви и состоит из норм, определяющих не только церковные, но и другие правовые отношения, которые в продолжение средних веков составляли предмет церковной юрисдикции, т.е. право, исключительно церковного происхождения, в том числе созданное в эпоху Вселенских Соборов на Востоке, независимо от того, касается оно церковных или гражданских дел.

А церковное право (*jus ecclesiasticum*) - это право, которое имеет своим предметом исключительно дела и отношения чисто церковные, хотя своим происхождением оно обязано не только Церкви, но и государству, т.е. по сути касающееся Церкви, независимо от законодателя» [19].

В зарубежной литературе также отмечается, что в «Восточной православной церкви, каноническое право – это прежде всего общепринятый стандарт поведения, цель которого - применить догму к практическим ситуациям повседневной жизни восточно-православных христиан [4] и «попытка применить догму к практической ситуации повседневной жизни каждого [православного] христианина» [15], в основе которого лежит канонический закон, который в свою очередь представляет формализованную часть божественного закона.

Н.С. Суворов придерживается точки зрения, что между каноническим правом и церковным существует разница, т.е. они не тождественны, т.к. у каждой из них различная основа- источники, особая сфера регуляции, и обращаясь к сущности того, что следует разуметь под каноническим правом и церковным, подчеркивает - «церковное право, как совокупность норм для определения церковных отношений, не совпадает с каноническим правом» [23], потому как «под именем канонического права понимается в восточной церкви то право, которое содержится в канонах периода вселенских соборов, а в западной — право, содержащееся в *Corpus juris canonici*» [23]. И в силу этого «церковные отношения настоящего времени как в автокефальных церквях восточного православия, так и на западе, только отчасти определяются каноническим правом в означенном смысле, главным же образом определяются нормами позднейшего происхождения, как церковного, так и государственного» [23].

К приведенному выше аргументу о различиях канонического и церковного права, он добавляет еще и следующее: «в каноническом праве есть много определений, не вытекающих из существа и из цели церкви и объясняющихся громадным расширением круга ведомства церковного суда в течение истории, в настоящее же время регулируемых светским правом. Так, не говоря о западном каноническом праве, которое в особенности изобилует такими определениями, даже и в восточных канонических правилах можно найти напр. постановления о не-

действительности отчуждательной сделки (VII всел. 12), о форме манумиссии, т. е. отпущения рабов на волю (трул. 85). *Jus canonicum*, другими словами, есть все то право, которое произошло от церкви в известный исторический период ее существования, независимо от содержания, т. е. от того, касается ли оно религиозных или гражданских отношений (наприм. защиты владения) [23].

Церковное право - *jus ecclesiasticum* – по его мысли «есть все то право, которое существенно касается церкви, как религиозного союза, независимо от происхождения, т. е. от того, создано ли оно самой церковью, или государством» [23].

В части сути церковного права он также указывает и на то, что «церковное право в объективном смысле есть совокупность норм, устанавливаемых для определения и упорядочения церковных отношений» [23].

При этом он выделяет в нем такие аспекты, которые нацелены как на внутреннее регулирование, так и на внешнее, т.е. с иными институтами, стоящими вне церкви, и в этом отношении он пишет: «По различию отношений, внутренних и внешних, церковное право в объективном смысле есть или внутреннее церковное право (*jus ecclesiasticum internum*), которое иначе можно назвать церковным правом в собственном тесном смысле, или внешнее церковное право (*jus ecclesiasticum externum*), которое распадается на государственно-церковное право (*Staatskirchenrecht*) и между-вероисповедное право (*Interconfessionellrecht*) [23].

В церковном праве нет надобности различать публичное и частное право, потому что все вообще церковное право носит публичный характер. Осуществление или применение норм церковного права не зависит от произвола отдельных лиц. Даже и те права, которые признаются церковью за отдельными членами в смысле субъективных правомочий, основанных на объективных нормах, носят на себе публичный характер, так как проникаются идеей не частного интереса, а общецерковного блага, так что напр., принадлежащее члену церкви право на участие в церковных действиях, есть не только право, но и обязанность» [23].

Приведя эти доводы о различиях канонического и церковного права, он заключает свою мысль тем, что сфера канонического права «отчасти шире церковного права. Последний термин, во всяком случае, должен быть предпочтительно рекомендуем, как более правильный и точный, для обозначения той совокупности норм, которую определяют церковные отношения настоящего времени» [23].

Этой же позиции придерживается и Задорнов А., который считает, в том, что под каноническим правом следует разуметь совокупность норм, составляющих содержание канонических сборников Православной Церкви, а под «церковным правом (*jus ecclesiasticum*) следует называть те нормы, которые регулируют отношения Церкви и внешних по отношению к ней институтов (прежде всего – государства)» [9].

Для собственно канонического права свойственно то, что его «первоисточником является - Божественная воля Основателя Церкви. Божественное Откровение содержит в себе не только полноту истины о Боге и человеке, догматы веры и нравственные заповеди, но и заповеди Спасителя, которые можно истолковывать в правовом отношении, например, об устройстве Церкви (ср.: Мф 16. 17-18), и правовые элементы в Посланиях апостолов (о епископах и диаконах - 1 Тим 3. 1-13; о служении - 1 Кор 12. 28.» [9].

Мы же считаем, что каноническое право является тем фундаментом, на котором происходило становление церковного и потому разделяем точку зрения архиепископа Григория (Афонский) о том, что каноническое право является основой церковного права, т.к. «каноническое право ограничивается областью церковных по происхождению и природе правил, относящихся всецело к самой Церкви и ее членам. Эти каноны и служат критерием и основанием для действующего права всех Православных Автокефальных Церквей» [2].

И «каноническое право еще называется церковным правом потому, что это право составляет совокупность в более широком объеме всех законов, какими Церковь обладает: как своими собственными (канонами), так и светскими (номос), относящимися к Церкви. Такие сборники назывались Номоканоны» [2].

Отдельно укажем на тот непреложный факт, что каноны являются источниками церковного права, что позволяет нам использовать понятия «каноническое право» и «церковное право» как синонимы, что по сути и используется в Русской Православной Церкви. И здесь мы не можем не привести аргументацию исследователя церковного (канонического) права А.С. Павлова, который в этой части поясняет, что «система церковного права, догматически построенная на основании *Corpus juris canonici* в целом его составе, и будет системой канонического права, т. е. будет содержать в себе право только по происхождению церковное, а не по содержанию. Напротив, церковным правом называется то, которое имеет своим предметом исключительно дела и отношения чисто-церковные, хотя бы оно произошло не только от церкви, но и от государства» [18].

Мы также должны пояснить и то, о чем нам повествует Н.К. Соколов, что «у нас (на Руси- авт.) название канонического права,...усваивается собственно древнему составу церковных правил, положенных или принятых на соборах, бывших до разделения церкви, и соединенных в «книге правил святых апостолов, соборов и святых отцов» [20, с.24].

Он, характеризуя церковное право выделяет в нем как объективную сторону, так и субъективную и исходя из данного посыла, «церковное право представляет собой тот внешний, необходимый от личной воли независимый порядок, который должен господствовать в религиозном союзе, установленном для осуществления целей христианства. Таково понимание о праве церкви в объективном смысле» [20, с.12-13].

А «в смысле субъективном оно есть совокупность различных прав и обязанностей, принадлежащих членам церкви, сообразно с различным положением, занимаемом ими во внешнем церковном союзе» [20, с.13].

При этом он говорит о том, что не все обязанности, по определению, подпадают под регуляцию церковного права и среди таковых он называет:

во-первых, обязанность «молиться, каяться во своих грехопадениях пред Богом есть религиозно-нравственная» [20, с.13]; а вот «обязанность принимать участие в общественном церковном богослужении, и подчиняться правилам, установленным для внешнего порядка церковной жизни, имеет правовой характер» [20, с.14].

Во-вторых, к ним относятся «все церковные учреждения и действия, предмет которых чисто религиозный, нравственный, таинственный, неопределимый внешними постоянными признаками, не могут по своим своим свойствам входить в область права» [20, с.14].

В-третьих, «во всех правовых сферах отличительным свойством всякой юридической нормы есть внешне-принудительный характер; тот закон к исполнению которого нельзя принудить силой не есть юридический закон» [21].

Мы видим, что Соколов вообще не упоминает каноническое право, а ведет речь исключительно о церковном и сфере его действия.

Павлов рассматривая каноническое и церковное право, вполне обоснованно в параграфе втором, своей работы, который называется «Названия церковного права» (упоминавшаяся выше – авт.) подчеркивает, что «церковное право иначе называется каноническим» [18].

Он пишет: «...если мы назовем наш предмет каноническим правом, то этим названием укажем на господствующий и определяющий элемент в церковном праве, каковой составляют каноны древней Вселенской Церкви, служащие критерием и основанием для действующего права всех православных автокефальных церквей. Если же дадим ему название права церковного, то укажем на исключительное содержание его норм и тем самым отличим его не от канонического, а от всякого другого - нецерковного права. Последнее название заслуживает предпочтения разве только по его всеобщности и общепонятности» [18].

М.Е. Красножен вообще не разграничивает церковное и каноническое право, и когда приступает к анализу совокупности норм права, «по которым живёт и которыми управляется в своей деятельности церковь» [14], он указывает, что она «составляет церковное или каноническое право» [14], т.е. отождествляет их, и мы, исходя из вполне убедительных доводов о единстве канонического и церковного права, далее по тексту будем употреблять словосочетание – церковное (каноническое) право.

Определив, что каноническое право является основой церковного, необходимо дать ему и краткую

характеристику, т.е. выявить то общее что объединяет его с системой права вообще и отразить особенные черты.

Приступая к этой задаче нельзя не отметить того, что «церковное право, - по точному замечанию А. С. Павлова,- как внешняя оболочка церковной жизни, конечно, должно соответствовать внутреннему существу и жизненному назначению самой церкви. А как церковь, по своей природе и назначению, совершенно отлична от всех других человеческих союзов и прежде всего – от государства, которое принято считать главной (если не исключительной) сферой образования права в чистом его виде» [18].

Вместе с тем, он задает правомерный вопрос: в какой степени церковному праву свойственно «формальное понятие о праве вообще? Другими словами, точно - ли церковное право есть право в собственном, т. е. общепринятом смысле этого слова?» [18].

Он считает, что ответ на данный вопрос «может быть только утвердительный, хотя и с некоторыми ограничениями» [18].

И в качестве аргументации приводит следующее: «Во - первых, церковное право, в объективном смысле, есть внешний порядок особого социального организма, воплощающего в себе определенную и необходимую жизненную цель. Пусть цель эта относится исключительно к внутренней, духовной жизни человека, куда может простираться свое действие только религия, а не право; тем не менее, если эта цель соединяет людей в особый организованный союз и ставит их в определенные внешние отношения между собой, то тут оказываются на лицо все условия, необходимые для образования права. *Ubi societas, ibi jus*.

Во - вторых, нормы этого права, как императив для внешней деятельности членов церкви в отношении друг к другу и ко всей церкви, настолько же отличаются от нравственных предписаний христианской религии, насколько право вообще отличается от морали: первые относятся к внешним действиям членов церковного общества, последние – к внутренним мотивам этих действий. Церковно-юридическая норма определяет, например, известное наказание за дознанную связь с чужой женой, называя эту связь прелюбодеянием; а религиозно-нравственный закон указывает на внутреннюю сторону этого преступления, именно говорить: „всяк, кто посмотрит на чужую жену с похотением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем (Матф. 5:28).

В - третьих, в законах церковного порядка, как общественного, устанавливаются такие же границы для деятельности отдельных членов церковного общества, какие необходимы в правовом порядке вообще, и нарушение этих правил сопровождается такой же реакцией со стороны установленных блюстителей порядка, как и во всяком благоустроенном человеческом союзе. Словом, церковному праву, так же, как и всякому другому, присущ характер прину-

дительности, в том смысле, что оно возвышается над частной волею, действует на нее с силой необходимости» [18].

Рассматривая специфичность церковного права Павлов отдельно останавливается на церковном законодательстве, его общих свойствах, в § 12, называющийся - «Законодательство, как источник церковного права», где собственно и перечисляется то, что делает его особенным. И в этой части он выделяет следующие:

«Во 1- х, в своем содержании и действии оно ограничено чисто церковными делами и отношениями. Там, где законодательная деятельность церкви переходит за пределы ее непосредственной компетенции, где она своими законами затрагивает отношения чисто гражданские или светские, там всегда предполагается формальное или молчаливое согласие на то со стороны государства, которое, поэтому, в праве видоизменяет и вовсе отменяет церковные законы, касающиеся дел и отношений гражданских или государственных.

Во 2- х, по своему направлению законодательство церкви вообще отличается строго консервативным характером. Его развитие обусловлено необходимостью соблюдения единства начал церковной жизни во все времена и при всех обстоятельствах.

Наконец, в 3- х, согласно с существом церкви, как союза, основанного на религиозной вере, и держащегося силой убеждения, церковные законы обыкновенно составляются и формулируются не столько в повелительном тоне законов, сколько в форме правил убеждающих и наставляющих, т. е. действующих на волю через совесть. Отсюда и древнее название их – *κανόνες*, а не *leges*; отсюда и их своеобразная санкция, состоящая в угрозе нарушителям их гневом Божиим, карой небесной или дисциплинарным наказанием, налагаемым самой церковью и состоящим в отлучении от ее общества» [18].

М.Горчаков рассматривая сущность церковного(канонического) права также приводит необходимые доводы в части того, что оно имеет все необходимые атрибутивные черты свойственные праву вообще, и в этой части пишет, что оно «по его существу может быть понимаемо, как и всякое другое право: в смысле субъективном, объективном, идеальном и формальном, т. е. все значения права, которые можно находить при рассмотрении сущности права вообще...» [6].

Он считает, что «в субъективном смысле Церковное право есть установленная, согласно с природой и целями церкви, на основании справедливости и призванная в обществе и государстве возможность, способность и власть церкви иметь своё самостоятельное устройство и самоуправление соответственно природе своей и достигать своих религиозных целей посредством определённых действий и отправлений согласно её назначению и религиозным потребностям её членов... Доказательства противного следующие: Являющаяся совокупность лиц, проникнутых христианской верой, соответствует в высшей степени духовным потребностям

человеческой природы, и если эти лица образуют церковь, то едва ли возможно отказать этому обществу в праве на существование. Если же признаётся право на существование, то необходимо дать уже право устроить организацию, при которой члены общества могут удовлетворить свои религиозные потребности. Таким образом, церковь имеет естественную возможность, способность и нравственную силу существовать и проявлять себя. Подобная возможность и способность и есть право в субъективном смысле» [6].

С точки зрения объективной, а значит и в объективном смысле, церковное право «есть совокупность институтов – как объектов права, существующих в общественном союзе, подразумеваемом под церковью, совокупность условий, при которых человек может пользоваться этими институтами для своей религиозной цели в религиозном общественном союзе соответственно назначению церкви» [6].

И далее он дополняет свое видение существа церковного права тем, что «в смысле материальном, идеальном и формальном Церковное право есть совокупность, основанных на праве и справедливости норм, регулирующих общественный союз, называемый церковью, норм устройства этого союза, как учреждения его общественных отправлений жизни для религиозных целей, и норм отношений этого союза к народу, государству и обществу и среди других государственных союзов» [6].

Характеризуя церковное право необходимо также указать и на то, что его содержание «составляют не только законы, изданные церковною властью, но и законы, принятые церковью от власти государственной и касающиеся церкви. Независимо от того, что эти государственные законы имеют сами по себе обязательную силу для каждого подданного, они обязательны и для каждого члена церкви в известном государстве уже по той простой причине, что церковь приняла их для своего управления в известных собственных делах, признав за ними законодательное значение. Они обязательны в церкви и вообще по принципу, выраженному в канонических сборниках, что государственные законы имеют решающее значение в каждом вопросе, по которому церковная власть не издала своего отдельного закона.

Церковным законам подчинен без различия всякий, кто принадлежит к церкви. Незнание закона (*ἄγνοια τοῦ νόμου*, *ignorantia legis*) не может оправдать никого» [20].

Особого внимания на сущность церковного (канонического) права заслуживает точка зрения М. Остроумова, согласно которой оно имеет двойкий смысл, исходя из наличия в нем как объективного, так и субъективного элемента, а потому «

1). В объективном смысле церковное право есть объективное явление в жизни Церкви, одна из ее сторон, которая наравне с другими сторонами может стать объектом человеческого знания, и, следовательно, науки, но которая существует раньше и независимо от самой науки.

2). В субъективном смысле выражение «церковное право» обозначает сознательное и методическое приложение субъективной способности человеческого мышления к познанию церковного права, как объекта знания, т. е. науку церковного права» [17, с.1].

Рассматривая природу церковного (канонического) права он говорит нам, что Церковь, как некая общность «лиц, связанных между собою системою известных отношений, Церковь существует в среде других обществ и становится к ним в такое или иное отношение, как организация от них отличная. Как отношения членов Церкви внутри Церкви, так и отношения Церкви к другим общественным союзам определяются известными нормами. Эти нормы суть нормы права. Таким образом Церковь входит в область права с двух сторон: как общество, имеющее внутренний строй, и как общество, стоящее в определенных отношениях к другим обществам» [17, с.20].

Исходя из данного посыла «церковное право в объективном смысле есть совокупность независимых от частной воли членов Церкви норм или правил, определяющих внутренняя и внешние отношения Церкви, как видимого общества, поскольку такие отношения служат целям существования Церкви на земле. Система прав и обязанностей членов Церкви, устанавливаемая определением этих отношений, есть церковное право в субъективном смысле» [17, с.21].

Учитывая это, церковное право приобретает свои отличительные черты (отличия от светского – авт.), которые, во – первых, «заключаются в его своеобразном содержании. Содержание это составляет организованный внешний порядок во взаимных отношениях членов Церкви, обеспечивающий каждому члену возможность свободно-самоотверженного исполнения его религиозно-христианских обязанностей и тем ставящий его во внешние условия благодатного возрождения, необходимого для достижения царствия Божия по учению Иисуса Христа» [17, с.21-22].

Во-вторых, «в церковно - правовом порядке отношения между лицами определяются под постоянным влиянием сознания обязанностей к Богу, и потому лицо выступает здесь главным образом как субъект различных обязанностей...; ибо светское право в сущности представляет лишь охрану притязаний человеческого эгоизма в отношениях людей между собою с точки зрения формальной естественной справедливости, т. е. совместимости многих эгоизмов 2). Первое есть закон благодатного царствия Божия на земле, второе есть закон человеческого царства или царства природы» [17, с.22].

В-третьих, «как всякое право, оно есть внешний порядок определенного общественного организма, воплощающего в своей жизнедеятельности определенную цель. Правда, цель Церкви отличается от всех других человеческих целей тем, что выводит человека из сферы его отношений к окружающему его чувственному миру в сферу отношений его к Бо-

жеству и есть, следовательно, цель метафизическая, супранатуральная и трансцендентная; но если для осуществления этой цели необходим внешний общественный союз, то внешний порядок или система внешних отношений в этом союзе, насколько она организуется в определяется общеобязательными нормами, может быть лишь выражением права, как и во всяком другом подобном союзе» [17, с.23].

В - четвертых, «этот внешний правовой порядок в церковном обществе, как и всякое право, обладает также в отношении к отдельным членам известной принудительностью, потому что нарушение норм этого порядка сопровождается известным противодействием со стороны Церкви подобно тому, как и нарушение порядка во всяком другом обществе сопровождается реакцией целого общественного организма...

Правда, принуждение, которым обеспечивается осуществление правового порядка в Церкви, не есть материальное, или физическое принуждение, (II Кор. X, 4 — 6) г), каковое иногда, хотя и не всегда, возможно в светском правовом порядке, однако в существовании известного рода принудительности, свойственной церковному правовому строю, не может быть никакого сомнения» [17, с.23].

Определив отличительные черты церковного права, он заключает свое суждение так: «церковное право есть особая самостоятельная система права, координированная с системой светского права в общей системе права» [17, с.43].

Мы считаем, что, говоря о церковном праве как особой правовой конструкции, следует добавить и то, что «существенное свойство Церковного права: обязательная сила его норм для членов Церкви утверждается на божественном, а не на человеческом авторитете. Государство может только в своей сфере признавать или не признавать действительность церковного права. Но для члена Церкви эти нормы остаются обязательными и без государственных санкций, так как внутреннее церковное право, то, которое определяет чисто церковные отношения, есть право самой Церкви, а не государства. Церковь, сообразно своему существу, обнимает человека по религиозному принципу, и Церковь не может быть государством в государстве, так как при всех возможных Церкви и государства, Церковь всегда остается «царством не от мира сего» (Ин. 18:36), преследующим свои цели, которые не доступны государству» [2].

Мы полагаем, что к вышеприведенным особенностям церковного (канонического) права следует отнести и то, что «Церковь выводит свое право из положительных откровений божественной воли и на ней же утверждает обязательную силу своих собственных предписаний. Таким образом, первооснования церковного права остаются неизменными на все времена для всей Церкви. Так становится вполне очевидным, что церковное право есть особенная, самостоятельная ветвь права, которую нельзя отнести ни к частному, ни к праву публичному, ни к государственному, объединяя с ними только в высшем

понятии о праве вообще... Все церковные законы имеют одну и ту же принудительную силу, не внешнюю, физическую, а внутреннюю, нравственную» [2].

Эту же мысль высказывает и И.С. Бердников, который характеризуя правовые нормы, по которым живет и управляется Церковь, пишет, что они «составляют особую область права, стоящую параллельно праву, получающему свое происхождение и значение от государства» [2].

Церковные нормы - правила «являются особым регулятором христианского общежития стоящим наряду с государственным законом» и «основание силы церковных правил совсем другое чем у закона государственного», т. к. «последний имеет внешне-принудительный характер; его исполнение обеспечивается материальной силой; его нарушение влечет за собой наказание, соединенное с очень чувствительными в житейском отношении последствиями» [3].

Церковный же закон силен прежде всего «авторитетом Божественного Законодателя, чувством благоговения к Нему тех, кто желает жить по Его уставам. Он принимается к исполнению свободно при самом поступлении в Церковь. А упорное неисполнение его было бы равносильно прекращению отношений к Церкви. Таким образом церковное право имеет нравственно-принудительный характер» [3].

При этом он считает, что «не смотря на такое отличие от права, истекающего из государственных полномочий, церковное право не лишается однако же права быть и называться правом.

Принудительность правовых норм конечно составляет необходимый признак в понятии права. Но не необходимо, чтобы эта принудительность была непременно материального характера. Для признания за известными нормами правового значения существенно необходимо лишь то, чтобы они осуществляли задачу всякого права – обеспечения порядка в правовом институте. А какими мерами достигается эта задача, – материально или нравственно-принудительными, это вопрос второстепенный» [3].

И «поэтому, и церковный нормы, несмотря на то, что они соблюдаются по свободному и разумному подчинению членов церковного союза установленному в нем порядку и не смотря также на особый их источник сравнительно с правом истекающим от государства, по всей справедливости должны быть названы правовыми нормами в особом смысле, потому что ими также осуществляется задача права, как и нормами, исходящими от государства.

Это сходство права церковного с правом светским в существенном признаке всякого права и служит родственною связью между ними; эта общая черта их дает нам возможность, без логического противоречия, с одной стороны считать церковное право особой областью права, стоящею на ряду с правом светским, а с другой рассматривать и изучать его в связи со светским правом в одной общей

системе юридических наук» [3].

Рассматривая общее в церковном (каноническом) праве с гражданским правом необходимо сказать и о том, что нормы, содержащиеся в церковных законах, для того, чтобы быть реализованными и стали обязательными, должны быть созданы некоторые условия, как внутренние, так и внешние, обязательные для любого закона.

Так, «с внутренней стороны требуется, чтобы церковный закон был издан подлежащею церковною властью в границах ее круга действий (что в равной степени характерно и для гражданских нормативно-правовых актов-авт.); далее, чтобы предмет закона был церковного характера, затем, чтобы предписываемое им согласовалось с основными законами церкви, и наконец, чтобы он имел целью благо верующих» [20].

А «с внешней стороны, для сообщения обязательной силы известному закону требуется, чтобы он был обнародован надлежащим путем (*δημοσίευσις, promulgatio*).

Это обнародование закона, хотя и не было формально предписано церковным законодательством, тем не менее, в церкви оно было делом великой важности и считалось необходимым уже в силу того простого соображения, что необходимо было наставить каждого, как он должен поступать по закону, и что это обнародование закона в основе своей лежит в Священном Писании.

В данном случае церковное законодательство руководится общими предписаниями, обязательными и для законодательства гражданского» [20].

И «кроме опубликования, с внешней стороны, церковный закон содержит в себе еще одно условие на случай, если бы некоторые не пожелали исполнить его предписания, именно – санкцию» [20].

Рассматривая церковное (каноническое) право и его особенности, необходимо сказать, что оно является частью системы права, но при этом имеет свои особенности, которые обусловлены природой Церкви.

И «Церковь выводит свое право из положительных откровений божественной воли и на ней же утверждает обязательную силу своих собственных предписаний. Таким образом, первооснования церковного права остаются неизменными на все времена для всей Церкви. Так становится вполне очевидным, что церковное право есть особенная, самостоятельная ветвь права, которую нельзя отнести ни к частному, ни к праву публичному, ни к государственному, объединяя с ними только в высшем понятии о праве вообще» [2]. И, соответственно, все содержащиеся в церковном (каноническом) праве нормы – «церковные законы имеют одну и ту же принудительную силу, не внешнюю, физическую, а внутреннюю, нравственную» [2].

Говоря об особенностях церковного права, и в частности, такого элемента как санкция и присущей ей элемента насилия в светском праве, нельзя не привести мысль известного русского правоведа, общепризнанного специалиста по русскому уголов-

ному праву, автора классической работы «Русское уголовное право. Лекции. (В 2 т.) Н.С. Таганцева, который обращаясь к религии как источнику права, писал, что здесь нет насилия, но есть суд Божеский «как и суд совести, зрит тайные помыслы, зрит то, что скрыто для суда земного, и одинаково почитает виновным и прелюбодея и того, кто «еже воззреть на жену, во еже вожделения ея», потому что и он «уже любодействова с нею в сердце своем». Оттого и последствия нарушения религиозных заповедей имеют такой же внутренний характер: религия требует от согрешившего покаяния и раскаяния, и притом не видимого и внешнего, а исходящего из сердца; об истинном суде церкви говорит Иоанн Златоуст: «Здесь врачевница, а не судилище; здесь не истязуют, а дают прощение во грехах» [24, с.28].

Говоря об светском праве, исходящем от государства и церковном, как общим и особенным, будет уместным привести мысль Н.М. Коркунова, который рассматривая их взаимосвязь достаточно точно указал на то, что в основе нормы права лежат нормы нравственные, т.е. «из всех форм общения церковь и государство представляют ту особенность, что организация их определяется этическими принципами. В основе всех других общений лежит простая фактическая зависимость, которой нравственный или юридический характер придается извне церковью или государством» [13, с.104].

При этом «Церковь же и государство этические нормы, определяющие их внутренний строй, получают не извне, не от другого общения, а производят сами из себя. Поэтому зависимость личности от церкви или государства получает характер не просто фактической зависимости, а этической обязанности, обусловленной нормами определяющими церковную или государственную организацию.

Подчинение церковному авторитету обуславливается наличием веры в его богоустановленность. Соблюдение этого условия подчинения церкви необходимо для того, чтобы не исказилась своеобразная природа церкви. Поэтому сфера деятельности церкви определяется добровольным ей подчинением в силу веры в нее» [13, с.104].

Между тем другой, не менее авторитетный российский правовед Г.Ф. Шершеневич, вообще отказывает каноническому праву в его правовой сущности и, следовательно, не считает, что его можно отнести к праву как таковому.

В части регуляции христианской общины как религиозной социальной группы нормами канонического и церковного права он писал: «Жизнь такого религиозного союза поддается нормировке в двояком отношении: со стороны внутренних отношений среди членов Церкви и со стороны внешних отношений Церкви, как общественного союза, к государству как внешней принудительной организации. На этой почве создалось двоякое право:

- а) каноническое и
- б) церковное.

Отождествление этих двух терминов является неправильным... Церковное право дает нормы, цер-

ковные по своему содержанию, хотя бы своим происхождением они обязаны были не Церкви, а государству... Каноническому праву вообще нет места в системе права. Это учение о нормах *sie generis*» [26, с.553].

Делая акцент на том, что право всегда предполагает организованное принуждение, он считает недостаточным для канонического права лишь того, что за ним стоит Церковь как институт, а потому «правила, поддерживаемые авторитетом церкви, не могут носить правового характера. Этим выводом из области права исключается каноническое право. Насколько каноны определяют отношение человека к Богу, они поддерживаются не правовой, а религиозной санкцией, иногда более могущественною, чем первая (исходящих от государства – авт.). Насколько каноны определяют отношение человека к другим членам той же церкви, они поддерживаются угрозой, исходящей от органов церковной власти, и имеют силу нравственного авторитета для верующих.

Правовой характер каноны приобретают лишь в той степени, насколько государство требует от подвластных ей (а не от всех верующих) соблюдения тех правил поведения, которые установлены церковью, например, по вопросу о браке.

Когда государственная власть затрудняется установить желательные ей нормы права, как несогласные с каноническим правом, то затруднение это не правового, а нравственно – религиозного характера.

Не потому государство удерживается от реформаторской деятельности, что ему препятствует каноническое право, так как над государством нет права, а потому, что опасается стать в противоречие с религиозными представлениями, например по вопросу о гражданской форме браков, о сжигании трупов» [27, С.156].

С позицией Шершеневича категорически не соглашается Красножен, и при этом приводит такие доводы: «Нормы права церковного отличаются от норм установленных государством тем, что первые имеют более нравственно принудительный, чем материально принудительный характер: церковь, которая по преимуществу есть царство свободы, не может употреблять физической силы, как то делает государство; она действует только помощью духовных средств» [14].

Данная мысль о церкви как добровольном христианском союзе, сообществе, где нет места насилью высказал в свое время и М.П. Альбов в работе «Краткий курс лекций по церковному праву», опубликованной в 1882 году, где он характеризуя церковное право как «совокупность норм, которыми определяются жизнь и отношения людей в церкви, как самостоятельном обществе, основанном Иисусом Христом для их спасения» [1], подчеркивал, что «по существу своему, церковь есть царство нравственной свободы; единственное охранительное ее мероприятие – исключение из общества верующих и лишение благ, соединенных с именем члена Хри-

стовой церкви; она требует подчинения и послушания своим уставам, но послушания свободного; церковное единение поддерживается не законом, но верою и убеждением» [1].

И «несмотря однако на это отличие норм церковных от норм государственных, церковное право со всею справедливостью должно считаться правом в собственном смысле, так как:

1) Принуждение не составляет существенного элемента в понятии права; оно служит лишь внешней гарантией осуществления права; между тем, высшая гарантия права заключается не в силе и не в страхе, а в стремлении к справедливости, свойственной всякому человеку; не может быть прочным юридический порядок, который держался бы только на силе и страхе материального принуждения.

2) Церковные нормы не безусловно лишены внешней гарантии их исполнения; церковному праву, как и всякому другому, принадлежит характер принудительности в том смысле, что нарушение церковного порядка сопровождается со стороны церкви известным противодействием, подобно тому, как и нарушение порядка во всяком другом обществе сопровождается со стороны его реакцией против нарушителя этого порядка. В распоряжении церкви находятся известные права и блага, пользование которыми обусловлено соблюдением церковного порядка, нарушение которого сопровождается для виновного ограничением этих прав и благ и даже совершенным лишением его этих прав и благ и устранением правонарушающей воли из её состава.

Принудительность, к которой, в случае необходимости, прибегает церковь, несколько не противоречит основным христианским догматам о свободе воли. Церковь никого насильно не принуждает вступить с нею в союз, но раз кто-либо уже вошёл в неё и принадлежит к ней, если только желает пользоваться благами, предлагаемыми ему церковью, обязан повиноваться её законам, которые зиждутся на божественной воле» [14].

Говоря об особенностях церковного права, считаем должным привести суждение Альбова, который также считает, что это, прежде всего, особая ветвь права, которая, как уже было отмечено выше, не является ни частью государственного публичного права, ни частью гражданского права, потому, что «церковь не есть государственный институт; создана не для государственных целей и полномочия свои получила не от государства.

Цель государства – земная: охранение прав и содействие благосостоянию подданных; задача его: наилучшая организация народа и страны. Напротив, цель церкви – небесная; устройство ее, ее внешние учреждения суть только средства для более полного осуществления царства Божия» [1].

Государство, как известно, не может существовать без институтов публичной власти, без ее права повелевать, т.е. «без принуждения по отношению к нарушителям его воли и законов. Оно и существует,

главным образом, для установления и осуществления права; церковь же основана не для права; право есть только внешнее средство для нее, связанное не с внутреннею ее природою, а с внешним существованием» [1].

А церковь, по всему своему существу (что было рассмотрено выше достаточно подробно – авт.) «основана не для права; право есть только внешнее средство для нее, связанное не с внутреннею ее природою, а с внешним существованием» [1], она по определению «есть царство нравственной свободы; единственное охранительное ее мероприятие – исключение из общества верующих и лишение благ, соединенных с именем члена Христовой церкви; она требует подчинения и послушания своим уставам, но послушания свободного; церковное единение поддерживается не законом, но верою и убеждением» [1].

И это, на наш взгляд, детерминировано самой сутью Церкви как учреждения духовного и религиозно-нравственного, а потому основополагающий принцип заложенный в церковное (каноническое) право – добровольное повиновение, а не использование страха перед санкцией, предусматривающей использование принудительных мер.

Вторым, не менее важным обстоятельством, является то, что «церковное право нельзя отнести и к области частного права. С одной стороны, задача церкви далеко переходит за пределы частных интересов, составляющих предмет частного (гражданского) права, и с другой – характеристические свойства частного права (личная инициатива, добровольное распоряжение и т. д.) не применимы к праву церковному. Личная воля не может быть источником церковных прав и обязанностей; они определяются церковною властью на основании целей и потребностей церковного общества» [1].

Эту же мысль высказывает и Остроумов, когда пишет: «Если же обратить достаточное внимание на эту своеобразную природу церковного права, обусловливаемую существом Церкви, ее происхождением, целью и средствами, то необходимо будет признать, что церковное право в общей системе права занимает совершенно самостоятельное положение рядом со всей системой светского права, развивающегося в государстве и под его верховенством. Как такая самостоятельная область права, церковное право не составляет никакой части права светского, но вместе со светским соподчинено общему понятию права. Таким образом, церковное право есть особая самостоятельная система права, координированная с системой светского права в общей системе права» [17, с.43].

Рассматривая общее с гражданским правом необходимо сказать и о том, что

Мы выше уже отметили тот факт, что специфику церковного (канонического) права предопределила сущность Церкви и ее природа, которую мы достаточно детально рассмотрели выше, но помимо этого она также обусловлена и источниками права.

В самом общем понимании источниками права

«служит сознательная правообразующая воля, которая сознанным нормам права придает объективное выражение и объективную обязательность или ответственность. В частности, источниками права служат органы проявления этой воли: власть, как учреждение, выражающее эту волю в форме закона, и непосредственное сознание общества или так называемый дух народа, выражающий эту волю в обычном ее применении на практике, в форме юридического обычая. Закон и обычай суть те конкретные объективные формы, в которых выражается правообразующая воля и которые, следовательно, суть ближайшие определители системы правоотношений в данном обществе» [17, с.132].

Исходя из этого «источники права суть источники правообразования и те формы, в которых выражается правоустанавливающая воля» [17, с.132].

И, если более конкретно обозначить, то под источниками государственного права, в настоящее время разумеют – нормативные юридические акты (официальные документы, содержащие юридические нормы), религиозные нормы (тексты), нравственные нормы («право не определяется понятием полезности, а заключает в себе и формальное нравственное начало» [22]) и нормы санкционированных обычаев.

В церковном (каноническом) праве, в качестве основного источника права выступает «божественная воля Основателя Церкви и органы, действующие на основании этой воли: церковное законодательство, и церковный обычай, а так как Церковь действует в среде государств, то и светское законодательство по делам церковным» [17, с.132].

Относительно источников церковного (канонического) права не существует единой точки зрения.

Так в зарубежной литературе отмечают три источника этого права, среди которых называют:

1. Библия
2. Церковное законодательство (как письменные правила, так и устные традиции)
3. Церковные обычаи.

И при этом поясняется, что роль Библии в каноническом праве состоит в том, что она «воплощает принципы христианской доктрины, на основании которых правила могут быть экстраполированы для решения дисциплинарных проблем внутри Церкви, но только сама Церковь может это делать» [12].

Церковное же законодательство представлено соответствующими решениями и постановлениями Вселенских соборов и местных церквей (например: Русской Православной Церкви), которые не распространяются на иные автокефальные церкви, а, следовательно, не обязательны для них.

В отношении церковных обычаев указывается, что они не относятся к Священному Преданию, и потому они являются источником церковной дисциплины, тогда как Священное Предание является источником догм, и для того, чтобы обычай стал частью церковного (канонического) права, он «должен соблюдаться в течение долгого времени, он должен быть свободно подписан, и он должен соответство-

вать принципам веры и порядка» [12].

Согласно точке зрения Альбова, все источники церковного (канонического) права могут быть разделены на общие и особенные.

К основным источникам, по его мнению, относятся:

- Священное писание,
- Апостольское и церковное предание,
- Каноны или правила вселенских и поместных соборов и святых отцов,
- Обычное право.

А к особым источникам, как было уже сказано выше, причисляют те, в которых заключается право отдельно взятых Поместных церквей (например Русской Православной Церкви) [1], и не имеющих силу для других.

Несколько иную градацию источников церковного (канонического) права нам предлагает архиепископ Буковинско-Далматинской митрополии, епископ Далматинско-Истринский, канонист и церковный историк Никодим (Милаш), которая, на наш взгляд, является более полной.

По его мнению, все источники рассматриваемого права можно разделить на:

- «а) основные или канонические;
- б) исторические;
- в) практические» [20].

К первым, согласно его точке зрения, необходимо отнести, «прежде всего Священное Писание и Священное Предание, затем, каноны, принятые всею церковью, и наконец, некоторые церковные уставы, касающиеся или всей церкви, или частных ее установлений;

к историческим – церковные законы, не вошедшие в основной канонический сборник, законы государственные и различные номоканоны;

к практическим – законы, имеющие ныне обязательное значение в отдельных поместных церквах» [20].

Рассматривая Священное Писание, он делает акцент на том, что «христианская церковь основана волею божественного Учредителя своего. Эта воля действовала в церкви от ее происхождения будет действовать «во вся дни до скончания века» (Мф. 28:20). Та же самая воля, давая церкви жизнь в религиозном отношении, таким же образом дает жизнь и ее управлению. Право церкви основывается на этой воле и чрез нее получает свое достоинство...

Заповеди Христовы составляют те принципы, на основании которых церковь получила свое устройство и развила свою жизнь в мире; на этих же принципах основывается и из них же, как из первоисточника, вытекает право церкви» [20].

Говоря о заповедях подчеркивается то обстоятельство, что они «содержатся в св. писании Нового Завета (ή καινή διαθήκη, novum testamentum) и, как выражение божественной воли, они неизменны и общеобязательны для всей церкви и составляют основные ее законы... Между заповедями Самого Основателя церкви и заповедями апостолов существовало известное различие, которое апостол Павел и

указывает в своих посланиях. В одном мест, говоря о некотором установлении, он замечает: «не я повелеваю, а Господь» (1Кор. 7:10) и в другом – «это говорю я, а не Господь» (1Кор. 7:12). Первое имело значение предания Господня, а предписания апостолов имели силу советов, по словам того же самого ап. Павла (1Кор. 7:25, 40), хотя эти апостольские советы церковь приняла как заповеди» [20].

При этом не остается без внимания и Ветхий Завет (ή παλαιά διαθήκη, vetas testamentum), потому как несмотря на то, что «христианская церковь есть установление новозаветное, но она тесно связана с законом ветхим, с ветхозаветною церковью. Ветхий завет есть παιδαγωγός εις Χριστόν, а Иисус Христос положительно и ясно свидетельствует своим ученикам, что он пришел не нарушить закон, а исполнить (Мф. 5:17), т. е. развить и разъяснить его. Правда, не все предписания Моисеева законодательства могут иметь значение в христианской церкви, так как последняя заманила собою церковь ветхозаветную» [20].

В отношении Священного Предания (ή παράδοσις, traditio), он поясняет, что оно после Священного Писания является не менее важным источником церковного права и под «именем предания разумеется не просто внешний образ сообщения известных правил от одного века другому или от одной церкви другой, но неизменное сохранение путем преемства в католической церкви основных принципов, как в учении веры, так и во всем церковном управлении, принципов, положенных Самим Основателем церкви, а после Него теми, которые первые учредили церковь и были ее пастырями» [20].

В части значимости Священного Предания как источника церковно (канонического) права нельзя не привести 91 канон Василия Великого, в котором он говорит: «Из сохраненных в Церкви догматов и проповеданий, некоторые мы имеем от письменного наставления, а некоторые приняли от апостольского предания (ἐκ τῆς τῶν Ἀποστόλων παράδοσεως); И те и другие имеют одну и ту же силу для благочестия (ἄτερ ἀμφοτέρα τὴν αὐτὴν ἰσχύον ἔχει πρὸς τὴν εὐσέβειαν). И сему не будет прекословить никто, даже мало сведущий в установлениях церковных. Ибо если предпримем отвергать написанные обычаи, как не имеющие великой силы, то неприметно повредим Евангелию в главных предметах или, более того, сведем проповедь на одно название без самой вещи» [10].

А следующий его 92 канон добавляет: «думаю, что апостольское есть и это, чтобы мы держались неписанных преданий (ταῖς ἀγράφαις παραδόσεσι παραμένειν). Ибо хвалю вас, говорит апостол, что вы все мое помните, и как я предал вам, предания держите; и в другом месте: держите предания, которые вы приняли или словом или посланием; между ними особенно находится и это, о коем мы рассуждаем, которое первоначальные установители предали преемникам и при продолжающемся с течением времени употреблении оно, долговременным обычаем в церквах укоренили. И так, если мы как бы на суде, при недостатке письменных доказательств,

представили в пользу нашего дела множество свидетелей, то не получим ли от вас оправдывающего приговора? Я так думаю: ибо при двух или трех свидетелях становится истинным всякое слово. Если укажем вам и на долговременность, ясно свидетельствующую в нашу пользу, то не явимся ли пред вами говорящими истину, так что прение не может быть успешно против нас» [11].

Следующим источником (за Священным Писанием и Священным Преданием) права является собственно церковное законодательство, которое, как правило, принималось и утверждалось на соответствующих церковных соборах, где присутствовали представители церквей. «Соборная власть церкви имела, следовательно, свою задачу исполнить то, что со всех сторон обнимало бы церковные учреждения. В этом случае и развивалось то церковное законодательство (ἡ ἐκκλησιαστικὴ νομοθεσία, *legislatio ecclesiastica*)» [20], где нашли свое воплощение церковные предписания.

К источникам права, как уже было отмечено выше, относится и «Обычное право», при рассмотрении которого необходимо сразу же заметить, что «в праве обычай (ἔθος, *consuetudo*) различается от предания (παράδοσις), хотя между ними и существует тесная связь» [20].

Источником обычая, как известно, «является непосредственное убеждение членов известного общества в продолжительном сохранении и исполнении чего-либо такого, что считается необходимым для общества. Предание основывается на авторитете того, кто его предал» [20].

Никодим (Милаш) указывая на обычай, как важнейший источник церковного (канонического) права, пишет: «...насколько оправдана с общей точки зрения, настолько же признана и положительным законом церкви. Первый Вселенский собор узаконил преимущества известных первопрестоятелей церкви, основываясь именно на существующих обычаях. «Да хранятся древние обычаи (τὰ ἀρχαῖα ἔθη κρατεῖτω), принятые в Египте, и в Ливии, и в Пентаголе, дабы Александрийский епископ имел власть над всеми сими, ибо и Римскому епископу сие обычно (τοῦτο συνήθες ἐστίν)» [20].

Наряду с вышеназванными источниками особо стоят и гражданские законы, и в первую очередь это были законы Римской империи, после того как христианство стало официальной государственной религией (напомним, что в 311 году христианство было официально признано одной из равноправных религий в Римской империи, а в 324 году – уже признано государственной религией [6, с.36]) Римской империи, то «законы христианских императоров вошли в канонические сборники, в так называемые номоканоны, принципиально решен вопрос о значении гражданских законов (νόμοι, νόμια. πολιτικά διατάξεις), как источников церковного права» [20].

И «такое значение законов христианских императоров церковь признавала, как для внешней, так и для внутренней своей жизни, с того дня, когда первый римский император признал юридическое

существование церкви в государстве... в тех же случаях, когда по какому либо вопросу церковной жизни не существовало установленного канона, церковь не стеснялась пользоваться существующими государственными законами: ἐνθα μὲν γὰρ οὐδὲν τι οἱ κανόνες διορίζοντα ὀφείλομεν τοῖς νόμοις ἀκολουθεῖν, замечено в 28 главе I титла номоканона в XIV титлов. И церковь могла это делать тем удобнее, что греко-римские императоры придавали ее законам безусловно обязательную силу в государстве, наряду с государственными законами. Император Юстиниан законом 530 года предписывает, чтобы все, запрещаемое канонами, запрещалось и государственными законами» [20].

Вышеперечисленные источники предопределили и структуру церковного(канонического) права, которая в самом кратком виде можно представить как наличие части Общей и Особенной, где часть общая вбирает в себя «систему норм, распространяющих свое регулирующее воздействие на всех субъектов и на все виды отношений, регулируемых церковным правом (каноны, субъекты, источники церковного права и т.п.)»[16, с.35], а часть особенная, соответственно, «систему канонов (принципов) и норм, регулирующих отношения в отдельных областях церковного права»[16, с.35].

Помимо особых источников, церковное (каноническое) право имеет и особую систему толкования (отметим тот факт, что толкование права имеет место и в государственном праве – авт.), которая предполагает в обязательном порядке наличие четырех элементов, среди которых: грамматический, логический, исторический и систематический [20].

«Грамматический элемент толкования имеет предметом слова закона; стало быть, элемент этот состоит в разъяснении выражений, употребленных законодателем в законе» [20], его смыслового содержания.

Логический элемент предназначен для определения логической связки тех или иных положений закона, т.е. «проникает в самую мысль закона, именно изыскивает логическое отношение между частными отделами данной мысли» [20].

Исторический элемент необходим для того, чтобы рассматривать тот или иной законодательный акт, применительно к определенному историческому периоду и характерных для него правоотношений [20].

И, наконец, систематический элемент предназначен для того, чтобы установить необходимую внутреннюю связь с другими законодательными актами, т.е. выяснить «в каком отношении известный закон находится к целой системе права и каково его значение в этой системе. Этими четырьмя элементами и исчерпывается толкование закона» [20].

Совершенно очевидно, что нам в данной работе не в полной мере удалось отразить все особенные черты церковного (канонического) права, что обусловлено ее форматом, и конечно же данная тема настоятельно требует дальнейшего своего исследования.

Подводя итог нашей работе необходимо сказать, церковное (каноническое) право содержит все необходимые признаки светского (гражданского) права, что с полным основанием можно отметить, что в нем, как особой ветви права нашли свое отражение все те черты права, которые ему свойственны – источники, структуру, нормативность, обязательность и т.д. Выполняет те же функции, что и право в целом - регулятивную, аксиологическую (представляет систему ценностей), воспитательную, коммуникативную, охранную и т.д., и вместе с тем она являет собой особенную правовую конструкцию, специфичность которой обусловлена природой

Церкви как института.

Также нельзя не отметить того факта, что церковное (каноническое) право вобрав в себя государственные установления (гражданские законы) в качестве своего источника испытало на себе влияние государственного, но при этом также оказало воздействие на последнее [См. более подробно:7;8].

Библиографический список

1.Альбов М.П. Краткий курс лекций по церковному

праву. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Albov/kratkij-kurs-lektsij-po-tserkovnomu-pravu/

2.Архиер. Григорий (Афонский). Введение в каноническое право Православной Церкви. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/vvedenie-v-kanonicheskoe-pravo-pravoslavnoj-tserkvi/1>

3.Бердников. И.С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Plya_Berdnikov/kratkij-kurs-tserkovnogo-prava-pravoslavnoj-tserkvi/

4.Вискузо П. Православное каноническое право: учебник для изучения (2-е изд.). Беркли, Калифорния: InterOrthodox Press. 2007. – С. 3.

5.Гаджиев К.С. Политическая философия/Отд - ние экон. РАН; науч.-ред. совет изд-ва «Экономика». М.: ОАО «Издательство «Экономика».1999. - 606 с.

6.Горчаков. М. Церковное право. Краткий курс лекций. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Gorcha-kov/tserkovnoe-pravo-kratkij-kurs-lektsij/

7. Дорская А. А. Влияние церковно - правовых норм на развитие отраслей российского права: монография / А. А. Дорская. - Санкт-Петербург: Астерион. 2007. - 158 с. URL: <https://www.livelib.ru/book/157208/readpart-vliyanie-tserkovnopravovyh-norm-na-razvitie-otraslej-rossijskogo-prava-a-a-dorskaya/~4>

8. Дорская А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII - начала XX вв. Дисс. доктора юридических наук. М. 2008. - 408 с.

9.Задорнов А., прот. Каноническое право: между нигилизмом и законничеством. URL: <https://bogoslav.ru/article/6171354> (2 декабря 2021).

10.Канонические правила Православной Церкви с толкованиями. Святого Василия Великого Правило 91. URL: <https://orthodoxbible.ru/canons.php?id=23&canon=91>

11.Канонические правила Православной Церкви с толкованиями. Святого Василия Великого Правило 92. URL: <https://orthodoxbible.ru/canons.php?id=23&canon=92>

12.Каноническое право//Википедия. (ссылка делается на работу – Прокурор М; и др., ред. «Каноническое право»/Исторический словарь православной церкви. Scarecrow Press. 1996. стр. 74. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.78d04af4-63e0b763-ac2693b4-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Canon_law_of_the_Eastern_Orthodox_Church/

13.Коркунов Н.М. Русское государственное право/ Антология мировой правовой мысли. В 5т. Т.V. Россия конец XIX-XX в. /Нац. обществ. - науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семизин. М.: Мысль. 1999.- 829 с.

14.Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Krasno-zhen/kratkij-ocherk-tserkovnogo-prava/

15.Михай В. «Введение». Справочник по православному каноническому праву. Бруклин, Массачусетс: Holy Cross Orthodox Press.2017. – С. 2.

16.Осавелюк А.М., Эриашвили Н.Д. Особенности содержания и структуры церковного права // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №11 – С.31-36.

17.Остроумов М. Очерк Православного церковного права. Часть первая. Введение. Том первый. Харьков. Типография Губернского Правления, Петровский пер., № 16.1893. – 672 с.

18.Павлов. А. С. Курс Церковного права. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Pavlov/kurs-tserkovnogo-prava/

19.Правовая природа канонического (церковного) права. URL: https://studbooks.net/1109162/pravo/popyatie_kanonicheskogo_tserkovnogo_prava

20.Преподобномученик Никодим (Милаш). Православное церковное право. URL: <https://svyatye.com/chitat/Prepodobnotmuchenik-Nikodim-Milash-Pravoslavnoe-tserkovnoe-pravo/>

21. Соколов Н. К. Из лекций по церковному праву / Орд. проф. Моск. ун-та Н.К. Соколова. Вып. 1. Введение в церковное право. – М.: Унив. тип. (Катков и К.) 1874. – 200 с.

22. Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики // Собрание сочинений В.С. Соловьева. С тремя портретами и автографом // Под редакцией и примечаниями С.М. Соловьева и Э.С. Радлова. Второе издание. Том восьмой. 1894-1897. С - Петербург. Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». 1914. - С. 519 – 624 с. URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2 Опубликовал в 1887 году //

23. Суворов Н.С. Учебник церковного права. URL: http://www.golden-ship.ru/_ld/20/2075_1705.htm#_toc_IDA2YVAE

24. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т.1. М.: Наука. 1994. – 380 с.

25. Тюшагин В. В. Каноническое право / Православная энциклопедия. — М. 2012. — Т. XXX: «Каменец-Подольская епархия — Каракал». — С. 367-421. // <https://www.pravenc.ru/text/1470253.html>

26. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910. Выпуск I. Т. I. Гл. 9. Система права. М.: Бр. Башмаковы. – 805 с.

27. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т.V. Россия конец XIX – XXв./ Нац. Обществ. - науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семизин. М.: Мысль. 1999. - 829 с.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Яна Сергеевна КАЛИНИНСКАЯ

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Правильная квалификация преступления базируется на точном и объективном установлении всех элементов и признаков состава преступления. Существенное значение при этом имеют особенности объекта преступления. В научной литературе существует позиция, согласно которой «квалификацию преступлений следует производить по элементам состава преступления, начиная с объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны» [5, С. 58]. Признаки объекта преступления позволяют отграничить составы преступлений, имеющих схожие черты, а также отличить преступное поведение от неправомерного.

Объектом преступления являются общественные отношения, охраняемые уголовным законом [6,7,8]. Группа общественных отношений, составляющих родовую объект преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ включает отношения в сфере экономики. Отношения в сфере экономики – урегулированные нормами права общественные отношения, складывающиеся в системе производства, распределения, обмена и потребления.

Видовым объектом хищения предметов, имеющих особую ценность, выступают общественные отношения собственности, а именно отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом. Предмет преступления в данной ситуации предопределяет особенности, связанные с владением, использованием и распоряжением такой категории имущества, как предметы или документы, имеющие особую ценность.

Владение предметами, имеющими особую ценность, предполагает законное обладание такими ценностями, возможность удерживать и управлять.

Использование предметов, имеющих особую ценность, предполагает законное фактическое их потребление, зависящее от полезных свойств.

Распоряжение предметами, имеющими особую ценность, предполагает возможность их отчуждать, осуществлять различные изменения.

Владение, использование, распоряжение предметами, имеющими особую ценность, регламентирует-

ся различными отраслевыми законодательными источниками. В их число входит: Гражданский кодекс РФ, Закон РФ № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Земельный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ и др.

В ст. 14 Основ законодательства Российской Федерации о культуре указано, что каждый человек имеет право собственности в области культуры. Право собственности распространяется на имеющие историко-культурное значение предметы, коллекции и собрания, здания и сооружения, организации, учреждения, предприятия и иные объекты.

Глава VIII ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» определяет особенности владения, пользования, распоряжения объектом культурного наследия. Так, в ст. 48 ФЗ указано, что объекты культурного наследия независимо от категории их историко-культурного значения могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной собственности, частной собственности, а также в иных формах собственности, если иной порядок не установлен федеральным законом.

Основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются отношения собственности, дополнительным непосредственным объектом – отношения, обеспечивающие интересы культуры.

В качестве дополнительного непосредственного объекта выступают урегулированные нормами права общественные отношения, связанные с обеспечением сохранения, использования, популяризации и государственной охраны культурных ценностей, а также конституционного права на доступ к культурным ценностям и обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия.

Помимо основного и дополнительного непосредственного объекта преступления, всегда терпящих ущерб при совершении преступления, выделяют

также факультативный непосредственный объект. В рассматриваемом преступлении это могут быть отношения, охраняющие жизнь и здоровье (в случае таких форм хищения как, насильственный грабеж или разбой). Так, как указано в кассационном определении СК по уголовным делам Московского городского суда от 6 февраля 2012 г. по делу № 22-663/2012, Н.Т.Б., совместно с двумя малознакомыми мужчинами, проникли в квартиру С.А.Б., используя ножи и пистолет, в качестве оружия, избили С.А.Б. и похитили имущество потерпевшего, в том числе, антикварные предметы, редкие коллекции миниатюр и фотографий, ценности и украшения, являющиеся предметами, имеющими культурную ценность[10]. Кроме этого, факультативным непосредственным объектом могут выступать отношения, обеспечивающие неприкосновенность жилища (в случаях незаконного проникновения в жилище). В приговоре Кыштымского городского суда Челябинской области указано, что Алферов В.В., перелез через забор и прошел во двор дома, где взломав замок на входной двери незаконно проник в указанный дом, осознавая при этом, что действует против воли проживающих в нем лиц. Находясь в доме, Алферов В.В., в шкафу, находящемся в коридоре дома, обнаружил орден Красной Звезды, имеющий особую историческую или культурную ценность. Реализуя свой преступный умысел, направленный на хищение предмета, имеющего особую историческую или культурную ценность, Алферов В.В., действуя умышленно, с целью хищения чужого имущества, преследуя цель незаконного обогащения, осознавая, что орден Красной Звезды, является государственной наградой за особые заслуги перед Отчеством за участие в боевых действиях, составляет культурное наследие народов Российской Федерации, их национальное достояние и, осознавая и предвидя неизбежность

причинения ущерба владельцам дома, и желая, чтобы такие последствия наступили, скрылся с места преступления с похищенным орденом Красной Звезды, и распорядился им по своему усмотрению [11].

В анализируемом составе преступления предмет является обязательным признаком. В диспозиции нормы предмет преступления сформулирован как «предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность». Отнесение того или иного объекта посягательства к предмету преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, базируется на следующих критериях:

- возможность отнесения предмета преступления к одной из категорий, определяемых законами «О вывозе и ввозе культурных ценностей», «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», «Об особо охраняемых природных территориях» и др.;

- наличие экспертного заключения определяющего особую историческую, научную, художественную или культурную ценность похищенных предметов или документов, определяемую не только с учетом их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, искусства или культуры[9].

Анализ признаков объекта преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ способствует осуществлению правильной квалификации и отграничению рассматриваемого состава: по признакам дополнительного непосредственного объекта от составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 158-162 УК РФ; по признакам предмета от преступлений, предусмотренных ст. 158-162, 191,192, 222, 226,243.2, 324, 325 УК РФ. ■

Библиографический список

1. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954
3. См.: Федеральный закон Российской Федерации от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (в ред. от 22.04.2013)// Собрание законодательства Российской Федерации. 01.07.2002, № 26. Ст. 2519
4. См.: Закон Российской Федерации от 09.10.1992 №3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (в ред. от 01.12.2014)//Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 19.11. 1992, № 46. Ст. 2615
5. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 58
6. См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. - М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2013, 559 с.
7. См.: Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования (3-е изд., перераб. и доп.)- М.: «Юриспруденция»,2013, 304 с.
8. См.: Рарог А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам. М.: Проспект, 2010, 576 с.
9. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Российская газета. 18.01.2003, N 9 (специальный выпуск).
10. См.: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/3893542>
11. См.: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/2866926>

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (СТ. 272 УК РФ)

Александр Николаевич БОГОМОЛОВ

*кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовно-правовых дисциплин,
АНОО ВПО «Воронежский экономико-правовой институт»*

Анализ юридической литературы и судебно-следственной практики свидетельствует о том, что при квалификации преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, возникают определенные трудности. В соответствии с ч. 1 ст. 272 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации при наличии альтернативных преступных последствий: уничтожении, блокировании, модификации либо копировании компьютерной информации.

Уничтожение информации – удаление информации из памяти компьютера и машинных носителей; приведение ее в состояние, непригодное для использования без возможности восстановления.

Блокирование информации – совершение действий, в результате которых владелец утрачивает возможность обращаться к компьютерной информации и ее использовать. Блокированием компьютерной информации следует признать и атаки на ресурсы сети Интернет с целью затруднения доступа к информации, находящейся на веб-страницах.

Модификация информации – несанкционированное собственником изменение компьютерной информации кроме изменений, связанных с адаптацией компьютерных программ для средств вычислительной техники или баз данных.

Копирование информации – запись в памяти средств вычислительной техники или на машинном носителе второго и последующих файлов, компьютерных программ или компьютерных баз данных, создание печатной версии или размещение в электронных каналах связи с сохранением неизменности оригинала. От копирования необходимо отличать размножение информации на оригинальном носителе, при копировании происходит перенос информации на носитель, обособленный от оригинала.

Состав преступления является материальным и считается оконченным при наступлении хотя бы одного из названных последствий. Если преступные последствия, указанные в ч. 1 ст. 272 УК РФ не наступают, то деяние квалифицируется как покушение на неправомерный доступ к компьютерной информации (ч. 3 ст. 30 УК РФ, ч. 1 ст. 272 УК РФ).

За неоконченное преступление уголовная ответственность наступает по соответствующей статье Особенной части УК РФ с обязательной ссылкой на ст. 30 УК РФ. Согласно ч. 3 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за покушение на преступление не может

превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление.

Среди ученых существуют различные точки зрения относительно установления ответственности за факт неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации.

Т.Г. Смирнова предлагает состав ч. 1 ст. 272 УК РФ сформулировать как формальный, устранив из формулировки ч. 1 ст. 272 УК РФ требование о наступлении тяжких последствий, по ее мнению это будет способствовать эффективному применению закона [1, с. 139]. Последствиями неправомерного доступа к компьютерной информации в большинстве случаев являются ее копирование, блокирование, уничтожение и модификация, поэтому они должны быть выделены в ст. 272 УК РФ в качестве квалифицированного состава.

С.А. Яшков считает обоснованным дополнение действующего УК РФ новой нормой – ст. 272¹ УК РФ, которая будет предусматривать ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший полное либо частичное ознакомление с ней [2, с. 131].

Неправомерный доступ к компьютерной информации состоит не только в получении возможности доступа к ней, но и в несанкционированном собственником ознакомлении лица с компьютерными данными.

В.В. Воробьев и С.И. Ушаков под неправомерным доступом к компьютерной информации понимают несанкционированное проникновение к ней, в том числе с возможностью ознакомления [3, с. 70; 4, с. 103]. К.Н. Евдокимов в предлагаемом примечании 1 к ст. 272 УК РФ неправомерным доступом к компьютерной информации признает несанкционированное обращение к ней, осуществляемое обычным способом или с помощью введения ложных сведений [5, с. 74]. М.Ю. Дворецкий под неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информацией понимает несанкционированное собственником информации ознакомление лица с данными, содержащимися на машинном носителе или в памяти компьютера [6, с. 74].

В Федеральном законе от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (ред. от 21.12.2013 г.) доступ к информации равнозначен ознакомлению с ней. Согласно ст. 2 указанного закона доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, определяется

как санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного лица со сведениями, составляющими государственную тайну [7].

Поэтому вряд ли можно считать обоснованным предложение С.А. Яшкова о включении ст. 272¹ УК РФ, которая будет предусматривать ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший полное либо частичное ознакомление с ней [8, с. 9]. В случае включения ст. 272¹ УК РФ будет возникать искусственная конкуренция со ст. 272 УК РФ.

И.А. Сало критикует мнение об установлении уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации. В частности она отмечает: «...совершение неправомерного доступа, не повлекшее указанных в законе последствий, не достигает уголовной вредности в силу малозначительности вреда, причиняемого отношениям» [9, с. 100].

Следует отметить, что общественная опасность преступлений в сфере компьютерной информации возрастает в связи с тем, что компьютерные технологии становятся средством совершения экономических преступлений, происходит интернационализация преступлений, связанных с незаконным проникновением в компьютерную сеть [10, с. 26].

С помощью вредоносных компьютерных программ и уязвимостей операционных систем преступники могут получить доступ к закрытым информационным системам, содержащим различные данные. Например, незаконный доступ к информационным базам данных банковских карт, ущерб от одного преступления связанного с использованием таких данных может достигать десятки миллионов рублей. Обслуживанием банковских карт занимаются процессинговые центры – юридические лица, которые обеспечивают технологическое и информационное взаимодействие между участниками безналичных расчетов. Информация о

картах, хранящаяся в базах данных процессинговых центров становится объектом атак кримеров.

Поэтому ознакомление с компьютерной информацией, содержащей конфиденциальные сведения без наступления последствий, перечисленных в ч. 1 ст. 272 УК РФ может достигать общественной опасности деяний, за которые установлена уголовная ответственность.

В.С. Карпов предлагает увеличить количество способов совершения компьютерных преступлений: закрепить в ст. 272¹ УК РФ ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации, в ст. 272² УК РФ – за неправомерное завладение компьютерной информацией, в ст. 272³ УК РФ – за модификацию компьютерной информации [11, с. 97].

Установление ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией и модификацию компьютерной информации представляется излишним, т.к. эта ответственность полностью входит в понятие «копирование» и «модификация» в ст. 272 УК РФ. Более актуальными являются проблемы борьбы с преступностью в глобальной сети Интернет и распространение компьютерных баз данных ограниченного доступа.

У преступных деяний, предусмотренных ст. 272 УК РФ, один объект – право на неприкосновенность охраняемой законом компьютерной информации ее владельца и третьих лиц. Факт неправомерного доступа к компьютерной информации должен быть выделен не отдельную статью, а в самостоятельный состав в рамках ч. 1 ст. 272 УК РФ.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым изложить ч. 1 ст. 272 УК РФ в следующей редакции:

«1. Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, - наказывается...». ■

Библиографический список

1. Смирнова Т.Г. Уголовно-правовая борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Смирнова Татьяна Георгиевна. – М., 1998. – 161 с.
2. Яшков С.А. Информация как предмет преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Яшков Сергей Александрович. – Екатеринбург, 2005. – 151 с.
3. Воробьев В.В. Преступления в сфере компьютерной информации: юридическая характеристика составов и квалификация: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Воробьев Виктор Викторович. – Н. Новгород, 2000. – 201 с.
4. Ушаков С.И. Преступления в сфере обращения компьютерной информации: теория, законодательство, практика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ушаков Сергей Иванович. – Ростов н/Д, 2000. – 176 с.
5. Евдокимов К.Н. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия неправомерному доступу к компьютерной информации: по материалам Восточно-Сибирского региона: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Евдокимов Константин Николаевич. – Иркутск, 2006. – 203 с.
6. Дворецкий М.Ю. Преступления в сфере компьютерной информации (уголовно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Дворецкий Михаил Юрьевич. – Волгоград, 2001. – 193 с.
7. О государственной тайне: федеральный закон от 21.07.1993 г. № 5485-1 (ред. от 21.12.2013 г.) [Электронный ресурс]. – Консультант Плюс – справочная правовая система. Версия: Технология ПРОФ 2012. Информационный банк: Версия Проф. – М.: ЗАО «Консультант Плюс», 1992 – 2015.
8. Яшков С.А. Информация как предмет преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Яшков Сергей Александрович. – Екатеринбург, 2005. – 26 с.
9. Сало И.А. Преступные действия с компьютерной информацией ограниченного доступа: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сало Ирина Александровна. – М., 2011. – 285 с.
10. Громов И.В. Способы совершения мошенничества в финансово-кредитной сфере / И.В. Громов // Российский следователь. – № 15. – С. 26 – 27.
11. Карпов В.С. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Карпов Виктор Сергеевич. – Красноярск, 2002. – 202 с.

К ВОПРОСУ О ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Дмитрий Юрьевич ЗУЕВ

*Институт государства и права
Тюменского государственного университета*

Татьяна Анатольевна АНБРЕХТ

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового права и предпринимательства
Института государства и права
Тюменского государственного университета*

Согласно ст.39 Конституции РФ каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом.

Согласно п.7 ст.12 УИК РФ за осужденными к лишению свободы лицами сохраняется право на социальное обеспечение, в том числе на получение пенсий и социальных пособий, в соответствии с законодательством Российской Федерации. В соответствии с п.1 ст.98 УИК РФ осужденные к лишению свободы, привлеченные к оплачиваемому труду, подлежат обязательному социальному страхованию [3].

В соответствии с п.1 ст.4 ФЗ от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [1] право на страховую пенсию имеют граждане Российской Федерации, застрахованные в соответствии с ФЗ от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» [2].

Согласно п.1 ст.7 ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» застрахованные лица - лица, на которых распространяется обязательное пенсионное страхование в соответствии с данным Федеральным законом. Следует отметить, что право на страховую пенсию по старости имеют мужчины, достигшие возраста 60 лет, и женщины, достигшие возраста 55 лет, при наличии не менее 15 лет страхового стажа и при величине индивидуального пенсионного коэффициента в размере не менее 30 [1, ст.8].

Страховой стаж - учитываемая при определении права на страховую пенсию и ее размера суммарная продолжительность периодов работы и (или) иной деятельности, за которые начислялись и уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации, а также иных периодов, засчитываемых в страховой стаж. В страховой стаж включаются периоды работы и (или) иной деятельности,

которые выполнялись на территории Российской Федерации застрахованными лицами при условии, что за эти периоды начислялись и уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации. Исчисление страхового стажа производится в календарном порядке [1, п.2 ст.3].

Время привлечения осужденных к оплачиваемому труду засчитывается им в страховой стаж. Согласно п.3 ст.104 УИК РФ учет отработанного времени возлагается на администрацию исправительного учреждения и производится по итогам календарного года. При систематическом уклонении осужденного от выполнения работы соответствующий период времени исключается по решению администрации исправительного учреждения из его трудового стажа.

Страховой стаж устанавливается по документам, подтверждающим время работы осужденного в местах лишения свободы.

Согласно пп.а п.2 Постановления Правительства РФ от 02.10.2014 № 1015 «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий» [4] в страховой стаж включаются (засчитываются) периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись на территории Российской Федерации лицами, застрахованными в соответствии с ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», при условии, что за эти периоды начислялись и уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации. Периоды работы подтверждаются на основании сведений индивидуального (персонифицированного) учета.

В соответствии с п. 2.1 Указания Министерства социальной защиты населения РФ от 02.11.1992 № 1-94-У «О порядке учета времени работы осужденных в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы, засчитываемого в общий трудовой стаж» этими документами могут быть трудовая

книжка, а при ее отсутствии - справка, которая выдается администрацией исправительного учреждения. В трудовую книжку или справку, подтверждающую время работы осужденного в местах лишения свободы, вносятся сведения о суммарном времени работы из карты учета [5].

В случаях, когда документы, подтверждающие время работы лиц, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, не сохранились частично или полностью в результате чрезвычайных ситуаций, произошедших в исправительном учреждении после освобождения таких лиц, администрация выдает по запросу обратившегося гражданина подтверждающие время работы в исправительном учреждении документы, подготовленные на основании данных территориального информационно-вычислительного центра либо опроса сотрудников учреждения.

Учет осуществляется с помощью ведения карты учета рабочего времени осужденного, в которой указываются следующие данные: фамилия, имя, отчество осужденного, табельный номер, номер личного дела, на сколько лет осужден, когда прибыл в исправительное учреждение, прежний трудовой стаж. Кроме того, указывается средняя заработная плата за месяц и причины исключения времени работы из трудового стажа. Учет производится по итогам календарного года. В стаж работы входит только оплачиваемая работа, так как осужденные согласно ч.1 ст.106 УИК РФ могут привлекаться к работам без оплаты труда.

На исправительное учреждение, в котором отбывает наказание лицо в виде лишения свободы, возложена обязанность по перечислению в Пенсионный фонд Российской Федерации страховых взносов по выплатам, которые производятся привлеченным к труду осужденным.

Суммы страховых взносов, поступившие за застрахованное лицо в Пенсионный фонд Российской Федерации, учитываются на его индивидуальном лицевом счете по нормам, предусмотренным данным Федеральным законом и Федеральным зако-

ном от 01.04.1996 № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» [2, п.1 ст.10].

При назначении пенсии администрация исправительного учреждения представляет в управление Пенсионного фонда РФ по месту нахождения исправительного учреждения паспорт осужденного и справку о нахождении осужденного в исправительном учреждении. При отсутствии в личном деле необходимых документов администрация учреждения заблаговременно принимает меры к розыску или оформлению необходимых для назначения пенсии документов.

В соответствии с п.12 ст.21 ФЗ «О страховых пенсиях» предусмотрено иное: выплата страховой пенсии на территории Российской Федерации производится пенсионеру органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, в установленном размере. Органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, в соответствии со ст.5 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» признается Пенсионный фонд РФ. Однако п.3 ст.98 УИК РФ говорит о том, что выплата пенсий осужденным осуществляется органами социальной защиты населения по месту нахождения исправительного учреждения путем перечисления пенсий на лицевые счета осужденных. Таким образом, указанную норму УИК РФ необходимо привести в соответствие с нормами ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», ФЗ «О страховых пенсиях».

Также стоит отметить, что из пенсии осужденных к лишению свободы производятся удержания для возмещения расходов по их содержанию в соответствии с п.4 ст.99 УИК РФ [3, п.1 ст.107].

Таким образом, лицам, осужденным к отбыванию наказания в виде лишения свободы, предоставляется право на страховые пенсии, а оплачиваемая работа, выполняемая ими во время отбывания данного наказания, засчитывается в страховой стаж и учитывается при назначении страховой пенсии по старости. ■

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 10.10.2014) «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 52. – Ст. 6965
2. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ (ред. от 01.12.2014) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 51. – Ст. 4832.
3. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 01.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 2. - Ст. 198.
4. Постановление Правительства РФ от 02.10.2014 № 1015 «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий» (ред. от 01.01.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 41. - Ст. 5545.
5. Указание Министерства социальной защиты населения РФ от 02.11.1992 № 1-94-У «О порядке учета времени работы осужденных в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы, засчитываемого в общий трудовой стаж» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Справочно-правовая система «Консультант».

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Екатерина Николаевна ТРАПЕЗНИКОВА

ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

В развитие положений Конституции РФ, гарантирующих единство экономического пространства, свободу экономической деятельности и защиты от недобросовестной конкуренции, в 1995 году был принят Федеральный закон от 18 июля 1995 года № 108-ФЗ «О рекламе». Этот Закон стал логичным дополнением системы российского конкурентного законодательства, ввел комплексное регулирование отношений, возникающих в процессе производства, размещения и распространения рекламы в Российской Федерации.

Закон «О рекламе» определил положение хозяйствующих субъектов в рекламной деятельности и маркетинговых коммуникациях, ввел понятийный аппарат и общие требования к рекламе, определил специальные требования к рекламе отдельных товаров и услуг, а также к различным способам распространения рекламы, запретил ненадлежащую рекламу, установил государственный контроль в лице антимонопольного органа за соблюдением законодательства Российской Федерации о рекламе и ответственность за его нарушение.

Вместе с тем по истечении более чем десятилетней практики применения Закона «О рекламе» ряд его положений перестал в полной мере соответствовать социально-экономическим реалиям и динамике развития рекламной деятельности в России. В 2006 году Государственной Думой РФ была принята новая редакция Закона «О рекламе».

Отражая субъективный взгляд в представлении современной рекламной действительности, эти предложения могут быть сведены к следующим тезисам.

Следует признать базовый характер Закона о рекламе 2006 г., представляющего собой системообразующий нормативный акт всего рекламного законодательства. Системность рекламному законодательству придают также единство целей ряда нормативных актов, выполнение которых обеспечивается взаимопроникновением отдельных их норм, посвященных сходному объекту правового регулирования.

Размещение политической рекламы, равно как и агитация, регулируется общими требованиями избирательного законодательства РФ, установленными для предвыборной агитации, а не Законом

о рекламе. Несмотря на подобную правоприменительную практику, заслуживает внимания идея о необходимости принятия законопроекта "О политической рекламе" с учетом уже давно назревшей проблемы регламентации такого весьма значимого элемента государственной и общественной жизни.

Кроме того, принимая во внимание то обстоятельство, что реклама предназначена для оказания направленного воздействия на неопределенный круг ее потенциальных потребителей, и в целях их защиты от проявлений недобросовестной рекламы и конкурентной борьбы, нам представляется целесообразным дополнить статью 5 ФЗ «О рекламе», предъявляющей общие требования к рекламе, распространяемой на территории Российской Федерации, абзацем следующего содержания: «Реклама о физическом или юридическом лице, товарах, идеях и начинаниях должна содержать информацию о фирменном наименовании (наименовании) и местонахождении (юридическом адресе) рекламоделателя».

Кроме того, представляется очевидным, что положения законодательства о размещении наружной рекламы нуждаются в совершенствовании. Прежде всего следует четко определить понятие наружной рекламы, дабы отграничить ее от схожей информации, а также от рекламы, размещаемой иными способами. При этом вряд ли следует считать обязательными признаками наружной рекламы размещение на специальных конструкциях, а также связь этих конструкций с объектами недвижимости. Размещение на специальных конструкциях, монтируемых (устанавливаемых) на объектах недвижимости, весьма распространенный, но отнюдь не единственный вариант наружной рекламы. Таковая может находиться непосредственно на объектах недвижимости, например, в виде надписи на стене здания, а также на объектах, к недвижимости не относящихся, - например, на тентах, зонтиках и т.д.

Растущее количество рекламы, сила и специфика ее воздействия на общество привели к признанию ее социальной значимости. Этим обусловлено становление, развитие и постоянное совершенствование законодательства о рекламе. Реклама представляет собой сложный, обладающий рядом специфических признаков феномен. Являясь особой

разновидностью коммуникации, она направлена на привлечение внимания к объекту рекламирования, на его продвижение. При этом круг потенциальных потребителей рекламы всегда неперсонифицирован.

Концептуальная разработка, производство и распространение рекламы составляют рекламную деятельность. Пункт 1 ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ "О рекламе" гласит: "Реклама - информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание к нему и его продвижение на рынке".

Наконец, в отечественной судебной доктрине высказывается мнение о том, что отношения в области рекламной деятельности являются гражданско-правовыми (к примеру, см. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ст. 3 Федерального закона от 18 июля 1995 г. "О рекламе"). Это верно, но в последнее время многие ученые и специалисты придерживаются мнения о комплексном характере этих отношений.

Если предположить, что Закон о рекламе - акт только гражданского законодательства, то справедливо требование о необходимости учета в нем таких установленных ст. 1 ГК РФ общих начал гражданского законодательства, как, например, равенство участников гражданских отношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Однако, если определение рекламы, данное в ст. 437 ГК РФ, приведено в полном соответствии с отмеченными выше общими началами гражданского законодательства, то применение этих общих начал к Закону "О рекламе" не всегда возможно. Примером чему является ст. 33 указанного Закона. В ней предусмотрены полномочия федерального антимоно-

польного органа по государственному контролю в области рекламы - Федеральной антимонопольной службы, которая наделяется правом во внесудебном порядке давать обязательные для исполнения участниками рекламной деятельности предписания.

При этом между рекламодателем и производителем или распространителем рекламы существует договор как гражданско-правовое обязательство, заключение, исполнение и расторжение которого регулируется нормами гражданского законодательства. Законодательство о рекламе предусматривает существенные ограничения для производства, размещения и распространения рекламных материалов. Закон содержит как прямое ограничение рекламной деятельности в виде закрепления общих и специальных требований к рекламе и установления ответственности за их нарушение, так и косвенное. Косвенные ограничения на рекламу предусмотрены в основном налоговым и таможенным законодательством и носят финансовый характер.

В этой связи показательно постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 1997 г. № 4П. Как следует из его смысла, регулирование отношений в сфере производства, размещения и распространения рекламы, связанное с установлением правовых основ единого рынка, относится к компетенции федерального законодателя. Правовое регулирование вопросов в области рекламы, относящихся к общему федеральному законодательству, иными видами законодательства способно создать препятствия для перемещения товаров, услуг и финансовых средств, ограничить добросовестную конкуренцию, что несовместимо с обязанностью государства гарантировать единство экономического пространства. Следовательно, субъекты Российской Федерации не могут принимать нормативные правовые акты, направленные на регулирование тех отношений в области рекламной деятельности, которые составляют основы единого рынка. ■

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ РОССИИ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМАТИКА

Маргарита Алексеевна ДОГАДКИНА

ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Брачный договор, хотя и является до сих пор определенно рода "экзотикой" в семейно-правовом регулировании, в то же время может быть использован супругами как весьма действенный способ обеспечения их имущественных прав и интересов. Определенная динамика в этой сфере прослеживается, поскольку в связи с возрастанием количества имущественных споров, касающихся раздела имущества супругов, увеличилась численность нотариальных действий, связанных с удостоверением брачного договора. В 2012 г. на территории субъектов Российской Федерации нотариусами удостоверено более 30 тыс. брачных договоров, что на 19 % выше аналогичного показателя 2011 г.¹

Об актуальности и важности рассматриваемого вопроса также можно судить по статистическим данным, согласно которым, например, в Уфе, городе более чем с миллионным населением, на 1 сентября 2008 г. был заключен 121 брачный договор, а по данным архива нотариуса г. Димитровграда Ульяновской области А.С. Богомоловой, в 2010 г. было заключено всего два брачных договора на данном участке и 15 договоров на всех участках. Однако и эта незначительная практика свидетельствует о том, что брачный договор заключают чаще всего лица с высокими доходами и вступающие в повторный брак. В настоящее время 90 % российских брачных договоров заключается в Москве².

К сожалению, в Семейном кодексе РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ РФ³ институт брачного договора не нашел достаточной правовой регламентации.

Правовое регулирование имущественных отношений супругов дает пример проникновения публично-правовых элементов в частноправовую сферу, и брачный договор как регулятор имущественных отношений супругов не является исключением. Общее правило о том, что обладатели частноправовых интересов вправе устанавливать по своему усмотрению права и обязанности на основе договора (п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ⁴), в заключении которого они свободны (п. 1 ст. 421 ГК РФ), не является абсолютным. Оно уточнено другим нормативным

предписанием, согласно которому договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивными нормами), действующими в момент его заключения (п. 1 ст. 422 ГК РФ). Данное положение целиком относится и к брачному договору.

Принцип свободы договора применительно к брачному договору проявляется в следующих аспектах:

супруги и лица, намеревающиеся вступить в брак, не обязаны, а вправе заключить его;

супруги и лица, намеревающиеся вступить в брак, вправе по своему усмотрению изменить предусмотренный законом режим общей совместной собственности и установить на все имущество или отдельные его виды режим, соответствующий в большей степени их имущественным интересам;

супруги и лица, намеревающиеся вступить в брак, в-третьих, они вправе включить в брачный договор любые иные положения, касающиеся их имущественных отношений (ст. 42 СК РФ).

Представляется, что правовая связь между гражданско-правовым и брачным договорами существует, однако она заключается лишь в том, что основные правовые идеи, общие положения гражданского договорного права пронизывают и брачный договор, но в результате этого специфика последнего не утрачивается, что позволяет говорить о его самостоятельности и смешанном комплексном характере.

С момента вступления в силу СК РФ прошло уже много лет. И, несмотря на его преимущественную диспозитивность в регулировании семейно-брачных отношений, небольшое число граждан стремится воплотить в реальность возможности, предоставляемые семейным законодательством. В свою очередь, семейные правоотношения являются одной из наиболее сложных с точки зрения правового регулирования областей общественной жизни.

По ранее действовавшему брачно-семейному законодательству имущественные отношения супругов регулировались только законом. Какие-либо иные соглашения по управлению и распоряжению совместным имуществом противоречили закону и являлись недействительными. Как показывает исторический экскурс, в советской семье духовное начало преобладало над материальным.

Отечественный законодатель воспринял нормы зарубежного законодательства о брачном договоре,

¹ Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов. М.: Статут, 2013. С. 105.

² Там же. С. 107.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №1. Ст. 36.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

предоставив супругам право устанавливать режим супружеского имущества по своему усмотрению. Нормы, регулирующие имущественные отношения супругов, отныне носят диспозитивный характер, позволяя смотреть на брак как на договор, юридическую сделку. Практика заключения брачного договора существует, как правило, в состоятельных семьях. В нем определяется право собственности на имущество мужа и жены, принадлежавшее им до брака и приобретенное в период его протекания; иногда предусматриваются имущественные санкции на случай развода. При разрешении впоследствии спора между супругами суд руководствуется не предписаниями закона, а положениями брачного договора.

Таким образом, брачный договор – это, прежде всего соглашение, суть которого – договоренность лиц, выражающая их общую волю. Это соглашение основано на равенстве сторон и предполагает свободу выбора партнера. Сторонами в брачном договоре являются как лица, вступающие в брак, так и супруги. Стороны могут устанавливать свои права и обязанности, то есть определять судьбу имущества, нажитого, как в период брака, так и в случае его расторжения, а также только в период брака или только в случае его расторжения.

Четкость законодательной регламентации, строгие требования, предъявляемые к форме договора и порядку его заключения, составление брачных договоров квалифицированными юристами, богатая судебная и нотариальная практика – все это можно считать причинами «успеха» брачного договора.

Среди основных проблем, связанных с правовой регламентацией брачных договоров, можно назвать следующие.

Во-первых, правовое регулирование института брачного договора построено по такой модели, что практическое применение соответствующих норм напрямую затруднительно, а порой и просто невозможно. Многие юридические нормы, регулирующие данный правовой институт, могут надлежащим образом применяться на практике только в результате систематического и логического толкования иных норм как семейного, так и гражданского законодательства. Без преувеличения можно сказать, что правовое регулирование брачных договоров в какой-то степени только декларировано действующим законодательством России. Во-вторых, не менее важная проблема связана с терминологическим аппаратом, применяемым законодателем. Многие термины и категории, применяемые в указанных нормах, в силу своей абстрактности и расплывчатости не могут быть однозначно истолкованы, что создает дополнительные трудности в правоприменении. В-третьих, за рамками правового регулирования остался ряд важнейших и актуальнейших вопросов, связанных с возможностью или, наоборот, с невозможностью определить в содержании брачного договора ряд положений имущественного характера, в частности в области жилищных прав и обязанностей, возни-

кающих между супругами¹. И наконец, в-четвертых, брачный договор породил и ряд проблем теоретического характера, от разрешения которых зависит его дальнейшее практическое применение. В частности, в юридической науке до сих пор не дан однозначный ответ на вопрос о гражданско-правовой природе брачного договора.

Практическое применение брачного договора в реальной жизни показало, что данный правовой институт не так совершенен, как того можно было бы ожидать. Взять хотя бы для примера тот факт, что правовому регулированию брачных договоров в настоящее время посвящены всего пять небольших по объему статей Семейного кодекса РФ (статьи 40 - 44). Причем две из указанных статей посвящены изменению, расторжению и признанию брачного договора недействительным и носят в основном отсылочный характер. Вопросам непосредственного содержания брачных договоров посвящена всего одна статья².

В настоящее время законодатель рассматривает брачный договор как возможный регулятор лишь общегражданских, но не семейных отношений между супругами, оставляя функцию регулирования семейных отношений только закону. Очевидно, что регулятором гражданских отношений является гражданский договор, что в полной мере относится и к брачному договору, способному регулировать лишь имущественные отношения между супругами и лишь до тех пределов, которые очерчены императивными нормами СК РФ, потому что за этими пределами начинается семейно-правовое регулирование соответствующих отношений.

Урегулировав отношения совместной собственности супругов, ГК РФ, отдавая дань сложившимся стереотипам, предоставил СК РФ урегулировать лишь "детали", в частности, касающиеся правил определения долей в общем имуществе супругов при его разделе и порядок такого раздела (п. 4 ст. 256).

Представляется, что включение института брачного договора (а вместе с тем - договорного режима имущества супругов) не в ГК РФ, а в СК РФ объясняется определенной "робостью" законодателя, впервые в истории постреволюционного периода, наконец разрешившего супругам самим определять режим имеющегося у них имущества³.

Это был значительный, но лишь первый шаг. Хочется надеяться, что при дальнейшем совершенствовании законодательства законодатель отважится сделать и второй шаг - легально квалифицировать брачный договор как гражданско-правовую сделку (договор) со всеми вытекающими юридическими последствиями, каковой она по сути является и в настоящее время. ■

¹ Мыскин А.В. Брачный договор в системе российского частного права. М.: Статут, 2012. С. 43.

² Невзгодина Е.Л. Брачный договор: проблемы правоприменения // Цивилист. 2012. № 4. С. 69 - 76.

³ Альбилов И.Р. Брачный договор как источник правового регулирования имущественных отношений супругов в современном обществе // Нотариус. 2011. № 6. С. 8 - 10.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЕРИАЛОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА SHERLOCK)

Елена Александровна ПОЛЯКОВА

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Ивановского государственного университета*

Юлия Николаевна СЕДОВА

*студентка факультета романо-германской филологии
Ивановского государственного университета*

Перевод фильмов является видом межъязыкового, устного (если это дублирование или закадровый перевод) или письменного (если используются субтитры), опосредованного перевода, который по степени эмоционально-эстетического воздействия близок к художественному. В частности, так же как и переводчик художественного произведения, переводчик кинофильмов может столкнуться с проблемой перевода безэквивалентной лексики. В большинстве случаев необходимо сохранить не только её информативную составляющую, но и то эмоциональное воздействие, которая она оказывает на зрителя. Трудность заключается в том, что при переводе художественного произведения существует возможность дать комментарий прямо в тексте, в сноске или в примечаниях в конце книги. В фильмах же такая возможность отсутствует. Невозможным оказывается дать даже краткий комментарий в тексте, так как необходимо согласовывать все фразы с мимикой и жестами актёра. Кроме того, при переводе с английского на русский очень часто общее количество знаков увеличивается, поэтому часто приходится прибегать к лексическому свёртыванию, и, конечно, уже не приходится говорить о дополнительном комментарии.

На примере британского сериала *Sherlock* рассмотрим, как переводчики решают данную проблему. Во втором эпизоде третьего сезона (*The Sign of Three*) встречается слово *thingamabob*, возникающее в сознании детектива, когда он находится под действием алкоголя. В русской версии оно передаётся словом «непоймичего». Рассмотрев дефиниции этих слов в словарях, мы обнаружили, что они практически совпадают. Будем опираться на определение *thingamabob* в словаре Collins [3]: «a person or thing the name of which is unknown, temporarily forgotten, or deliberately overlooked». Очевидно, что

прямой эквивалент в русском языке подобрать сложно. В словарях данное слово сопровождается пометой «informal» [3], «spoken» [4]. Вариант «непоймичего», использованный при переводе, явно является разговорным, поэтому можно говорить о сохранении функционально-стилистической принадлежности слова. Как указывает *Oxford Dictionary* [5], слово *thingamabob* появилось в конце XVIII века и образовалось от слова *thing* при помощи бессмысленного суффикса *-ama*, а потом, видимо, прикрепился ещё один корень - *bob*. Слово, появившееся в русском переводе, похоже на слово, использованное в оригинале, даже по внешнему виду. Однако смысл немного изменился: если в английском это предмет, название которого говорящий не может вспомнить, то в русском говорящий либо не знает название данного предмета, либо не может его узнать. В целом следует отметить, что переводчикам удалось найти функциональный аналог. В данном случае проблему перевода безэквивалентной лексики помог преодолеть прием целостного переосмысления.

При переводе фильмов возрастает роль адекватности перевода. Ведь адекватность, по мнению В.Н. Комиссарова, зависит от конкретных обстоятельств, и есть обеспечение полноты межъязыковой коммуникации, в то время как эквивалентность – смысловая общность единиц ИЯ и ПЯ [2, с.60]. А.В. Вишневский подчёркивает важность ориентировки на адекватность при переводе рекламы и названий фильмов, ведь в этих случаях особенно важна результативность воздействия на аудиторию [1, с.83].

Рассмотрим способы достижения адекватности и уровневой эквивалентности во фрагменте сериала *Sherlock*. Эпизод *The Great Game* начинается разговором молодого белоруса и известного детектива Шерлока Холмса. В оригинальной версии сериала

молодой человек делает ошибки, связанные с неправильным выбором числа глагола (например, Karin were not happy with that, ...saying I were not a real man). Стоит отметить, что эта ошибка связана только с выбором числа глагола to be в прошедшем времени. Молодой человек ошибочно использует местоимение (me вместо my в предложении ...you know me old man was a butcher), делает лексическую ошибку (использует learn вместо teach), путает форму причастия II в разных значениях глагола to hang. За счёт всех этих ошибок возникает комический эффект. В сериале создаётся образ Шерлока, воплощающего некоторые стереотипные черты британского характера. Герой предстаёт чопорным, надменным, в чём-то даже безразличным к другим людям и обращающим внимание на любую мелочь. Слушая рассказ белоруса, детектив, казалось бы, не обращает внимания на его историю, а лишь фиксирует его ошибки. Малограмотная английская речь является оскорблением для британца-педанта, хотя тон и интонации в речи молодого человека указывают на то, что в данный момент он очень серьёзен, взволнован и действительно не понимает, как он мог совершить такое преступление.

Теперь обратимся к переводу этого эпизода на русский язык. Количество ошибок при переводе гораздо больше, чем в оригинальной версии, и это сразу бросается в глаза. Герой не изменяет существительные и прилагательные ни по падежам, ни по родам, а глаголы в его речи предстают в начальной форме. Каждая его фраза изобилует яркими ошибками. Однако русский и белорусский языки являются родственными. В белорусском также присутствуют категории рода и числа. Кроме того, Белоруссия

входила в состав СССР, поэтому русский язык был там очень распространён. Большинство представителей этой страны хорошо говорит по-русски. Поэтому очень странным для русского зрителя кажется тот факт, что белорус делает такие грубые ошибки, которые были бы более характерны для представителей стран Европы, говорящих на русском языке.

Кроме того, на наш взгляд, тон и интонации при переводе таковы, что выдают психически неуравновешенного человека, который говорит об убийстве с маниакальным задором, что отсутствует в оригинальной версии. За счёт этого также создаётся комический эффект, но отличный от комизма оригинала. В английской версии юмор более тонкий и направлен на личность детектива, а в русской версии он целиком направлен на личность преступника.

Переводчик сумел передать низкое социальное положение героя, которое подчёркнуто в оригинале, с помощью того же средства, то есть через разговорную лексику. Более того, переводчику удалось обыграть каламбур, возникший в результате неправильного употребления причастия II от глагола to hang. Сравните: "Without you I'll get hung for it." – "No, not at all, Mr. Bewick. Hanged, yes." («Мне без Вас за это подвешат». – «Снова, мистер Бевик, ошибаетесь. Повешат, это да...»)

В целом с небольшими оговорками перевод этого эпизода можно назвать адекватным. Однако необходимо заметить, что воздействие, производимое на зрителя переводной версии, отличается от того эффекта, который должен был произвести оригинал. Что же касается эквивалентности, то она сохраняется на всех уровнях (семантическом и прагматическом), кроме синтаксического.

Библиографический список

1. Вишневский А.В. Теоретические и прикладные аспекты перевода: учебное пособие. - Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. - 208 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебное пособие. - М.: Высшая школа, 1990. - 253 с.
3. Collins Dictionaries. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (англ.) 05.01.2015.
4. Macmillan Dictionary and Thesaurus: Free English Dictionary Online. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (англ.) 05.01.2015.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com> (англ.) 05.01.2015.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДАХ ГЕРМАНИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В МИГРАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Александра Валерьевна ПЕТРОВСКАЯ

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

Основные тезисы.

1. Данное направление исследования посвящено изучению роли, функции и «положения» родного языка в условиях студенческой миграции. Миграционный процесс присущ всем временам и всем человеческим общностям. При этом важно понимать, что его проявления и последствия важны как для государства-донора, так и для государства-реципиента. Интенсивность миграционного процесса коррелирует со сменой исторических эпох, достигнув максимума в эпоху глобализации. Однако одним из важных направлений миграционного процесса является миграция молодежи, связанная с обучением, поиском работы, стремлением расширить свои познания. Так, например, согласно оценкам, доля молодых людей из развивающихся стран, которые пересекают границы, составляет порядка одной трети всего потока мигрантов. Известно, что миграция в студенческом возрасте практически исключает полную языковую ассимиляцию, и соответственно, не позволяет индивиду забыть свой родной язык. Однако статус данного языка у последующих поколений мигрантов весьма не определен. Несомненно, любое государство заинтересовано в сохранении своей культуры и языка и, тем не менее, меры, ведущие напрямую к решению данной проблемы, в большинстве случаев неощутимы.

2. Язык – одна из основных национальных ценностей. Язык, хранитель и ретранслятор духовных ценностей, выражающий менталитет и характер народа, национальные чувства, углубляет у его носителей ощущение принадлежности к данному этносу, формирует национальное самосознание, без которого нет самой этносоциальной целостности[1].

3. Языковая ситуация – ситуация реального существования и функционирования национального языка или языков в данном государстве или регионе [2].

4. Итак, целью моего исследования является рассмотрение государственных мер, принимаемых для сохранения государственного языка в случаях студенческой миграции.

Как нам кажется, наибольшего успеха в достижении поставленной цели можно добиться путем сравнительного исследования, причем объектами сравнения должны быть страны с контрастными показателями, в связи с чем мы остановились на

изучении лингвистической ситуации русского и израильского студенчества в Германии. Бесспорен тот факт, что испокон веков израильские государственные организации всячески способствуют продвижению родных языка и культуры в условиях заграничных реалий (вспомним, хотя бы, кадиму), однако аналога в истории русского студенчества мне найти не удалось.

Объект исследования – языковая политика, проводимая Россией и Израилем по отношению к их гражданам, а также их потомству, обучающимся в Германии. Предметом исследования является языковая ситуация российских и израильских студентов, иммигрирующих в Германию.

Актуальность исследования определяется расширением и двусторонней направленностью миграционных потоков, появлением новых возможностей обучения за рубежом, а также сравнительной незначительностью действий со стороны большинства государств в области поддержки студентов за рубежом.

Для достижения поставленной цели представляется целесообразным рассмотреть следующие вопросы:

1. Языковая политика России и Израиля в отношении их национальных общностей на территории Германии;

Обратимся к опыту России: широко распространено мнение, что языковая политика в отношении стран дальнего зарубежья – это одно из основных направлений языковой политики РФ. Вспомним, что русский язык сохраняет за собой статус мирового языка и является одним из официальных языков ООН [3]. Очевидно поэтому у российских государственных и политических деятелей сформировалось мнение, что статус русского языка так и будет оставаться незыблемым, и какие-то меры по его поддержанию являются излишними. В России в рамках этого направления пока всего лишь намерены создать учебные центры повышения квалификации преподавателей русского как иностранного языка, российскими учеными пока лишь обсуждается целесообразность создания объединения по продвижению русского языка в мире по примеру Международной Организации Франкофонии, которая занимается распространением французского языка и культуры в глобальных масштабах. И даже учитывая

то, что в институциональном плане языковая политика России достаточно развита, все же наблюдается наличие некоторых проблем в сфере языкового строительства.

Как следует из вышеуказанного, все меры, принимаемые в отношении укрепления государственного языка и распространения его за рубежом, в нашей стране носят эфемерный характер, и, более того, не меняется мнение о нецелесообразности дополнительных мер.

В это же время в Израиле, стране с весьма размытыми представлениями о государственном языке (если не в нормативно-правовом аспекте, то, по крайней мере, с точки зрения объективного восприятия) вектор языковой политики весьма четко прослеживается: во-первых, вот уже на протяжении шестидесяти лет мы наблюдаем жесткую идеологию ивритского монолингвизма. Утверждение иврита в качестве общего еврейского языка в Израиле было стержнем создания единой израильской нации. Иврит стал своего рода «остовом» новой национальной идентичности.

Кроме того, в языковой политике Израиля можно выделить несколько этапов[4]:

- 1) ревитализация – возрождение языка;
- 2) гебраизация – политика распространения иврита;
- 3) модернизация – придание современного характера языку.

Судя по статистическим данным, которые показывают, что в 1998 году (на начальном этапе формирования языковой политики) 18.8% не владели ивритом, а уже к 2011 году число людей, не владеющих устным ивритом сократилось до 5-ти процентов, данная политика весьма эффективна.

Конечно же, сфера распространения новой ивритской языковой политики значительно обширнее, чем территория Израиля. Весьма значительно распространению национального еврейского языка способствует политика гебраизации. Стоит отметить, что эмиграция евреев (йерида) интересна масштабной интеграцией, но отнюдь не ассимиляцией ее участников в принимающее общество. Поражает воображение факт внутреннего единства еврейского народа, способного создавать и аккумулировать структуры, которые проводят политику Израиля далеко за его пределами, содействуют сохранению культурной, языковой и религиозной идентичности, отстаивают интересы еврейского народа в других странах, и при этом ведущим инструментом интеграции является язык. В Германии они лоббируют интересы еврейской общины вплоть до разработки специальных законов.

А теперь обратимся к статусу еврейской молодежи в Германии, причем в диахроническом аспекте. Впервые молодежная организация, отстаивающая интересы евреев за рубежом, появилась в Вене в 19 веке и носила название «Кадима» [3]. Целью Кадимы было противодействие ассимиляции. Кадима также боролась с антисемитизмом и защищала достоинство еврейских студентов, которых не принимали в

другие студенческие ассоциации Австрии и Германии. Конечно же, вклад Кадимы в усиление роли и значения еврейского языка в Германии был огромен.

2. Государственная политика Германии в отношении некоренного населения;

На протяжении последних десятилетий в Германии активно проводилась политика мультикультурализма. Однако с 2010-го года четко прослеживается изменение вектора миграционной политики, заключающееся в том, что иммигранты должны предпринимать больше усилий для интеграции в германское общество, в частности, изучая немецкий язык. В то же время не могут не учитываться демографические процессы, характеризующиеся, прежде всего, прогрессирующим постарением населения. В ответ на этот вызов в миграционном законодательстве отмечена тенденция к переносу акцентов с "гастарбайтеров" на "новых граждан", остающихся в стране надолго, хорошо образованных, молодых, активных.

3. Основные задачи государств в формировании благоприятной языковой ситуации национальных общин (диаспор) на территории государств-реципиентов.

Безусловно, самым ярким показателем эффективности языковой политики государства за пределами его территории является функционирование разного рода институтов, культурных центров, способствующих развитию языка; деятельность организаций, как государственных, так и частных, выпуск литературы, средств массовой информации на языке государства-производителя. И на основании вышеприведенной информации можно сделать вывод о том, что политика Израиля в этом аспекте может служить если не эталоном и образцом для подражания, то, по крайней мере, достойным примером для ряда современных государств. Израиль, еврейский язык и культура представлены в Германии во всех вариациях: это и многочисленные культурные центры, количество которых растет в геометрической прогрессии, синагоги, строительство которых спонсируется преимущественно Германией, молодежные студенческие организации. К сожалению, трудно сказать то же и о российской языковой и культурной политике, суть которой на данный момент состоит в анализе необходимости такой политики.

Представляет интерес и мнение некоторых российских специалистов в области миграционной политики о том, что попавшие в чужую культурно-национальную среду пассивны в реализации своих прав на поддержание и сохранение родного языка и национальной культуры.

На наш взгляд, немаловажен и следующий аспект: исторически сформировалась различная степень негативного отношения немецкого государства и его населения к еврейскому и российскому народам. Ярким примером этому является политика нацизма первой половины 20-го века. Естественно, защитные механизмы у живого существа, в том числе, человека, коррелируют со степенью агрессивности окружающей его среды.

Библиографический список

1. Э. Сепир. Коммуникация // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993, с. 211.
2. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика: Словарь-справочник. — Назрань: ООО «Пилигрим». Т. В. Жеребило. 2011.
3. <http://learning-russian.gramota.ru/journals.html?m=mirrs&n=2001-01&id=205>
4. Ch. Ferguson, "National Sociolinguistic Profile Formulas", in William Bright (Ed.), "Sociolinguistics" (Hague: Mouton, 1971), pp. 309-315
5. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кадима>

К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ ИУДЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ НЕМЕЦКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Александра Валерьевна ПЕТРОВСКАЯ

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

Наше научное исследование посвящено изучению трансформации иудейского национально-культурного компонента в немецкой культуре и литературе с 20-х годов до второй половины 80-х годов 18 века. В процессе работы над темой был проведен качественный контент-анализ 80 произведений 20-ти писателей Немецкого Просвещения.

В рамках исследования было выявлено, что в произведениях немецкой литературы исследуемого периода в значительном количестве встречаются высказывания типа «Jud ist Jud», «Ein Jud ist ein Jud». Данные высказывания наиболее просты по структуре и, очевидно, могут причисляться к исходным по отношению к классу тавтологических высказываний. О тавтологических высказываниях подобного рода в разное время писали М.В. Никитин, Е.В. Падучева, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, Ю.Д. Апресян, И.М. Кобзева, Дж. Катц, Дж. Фодор, М. Биршвиш, А. Вежбицка и ряд других зарубежных и отечественных лингвистов. Основной дискуссионный вопрос, связанный с тавтологическими высказываниями такого типа: причислять их к информативным или неинформативным высказываниям риторическим высказываниям.

Кроме того, бурную полемику вызывает сам факт принадлежности высказываний подобного рода к тавтологическим или псевдотавтологическим единицам. Сторонники последнего, к коим относятся Е.В. Падучева, И.М. Кобзева, Ю.Д. Апресян, придерживаются мнения, что тавтологии в языке имплицитно определяют определенное содержание, в связи с чем относят вышеупомянутые высказывания к псевдотавтологическим, с чем мы согласны.

Высказывания типа «Jud ist Jud» следует причислять к тавтологическим в том случае, если существительное, занимающее позицию подлежащего по семантике равнозначно существительному, занимающему позицию сказуемого. Содержание высказывания «Jud ist Jud» на основании фоновых знаний можно понять следующим образом «Всякий еврей хитер» (если опираться на теорию Т.Е. Водоватовой) [4] Однако данное содержание вышеупомянутому содержанию не принадлежит, а выводится из него логическим путем. То есть, высказывание является тавтологическим лишь формально, а не по существу. В этом наша теория и теория Т.Е. Водоватовой

находит точку соприкосновения. Однако в дальнейшем автор выдвигает аргументы в пользу того, что в высказываниях существительное в обеих синтаксических позициях обозначает объект целиком, и, соответственно, причисляет их к подлинно тавтологичным. Кроме того, ученым выдвигается предположение о неинформативности, а, вернее, о подлинной неинформативности высказывания. Весьма затруднительным представляется согласиться с суждениями подобного рода, поскольку с точки зрения риторики тавтология - риторическая фигура, представляющая собой необоснованное повторение одних и тех же или близких по смыслу слов. Исходя из того мнения, что данное высказывание и все высказывания подобного рода информативны, мы будем придерживаться мнения, что повторение лексических единиц в высказывании является обоснованным. Как следствие, возникает сомнение в тавтологической природе данных речевых единиц.

Выражая почти единодушное мнение исследователей о тавтологиях, Ю.Д. Апресян отметил: «Первая позиция в такой конструкции собственно актуализирует собственно лексическое значение слова, а последняя - его коннотации»[5].

В сущности, компромисс в данном вопросе не найден по следующим причинам:

- Не доказано, что коннотация, выраженная предикативом, является презумпцией, поскольку, в противном случае, она входит в состав ассерции, а это противоречит выводному характеру признака, приписываемого данному субъекту. В таком случае высказывание будет являться неинформативным и, как следствие, причисляться к подлинным тавтологиям.

- Неясно, имеет ли высказывание «Jud ist Jud», «Ists bloss Jud wie ein Jud», то есть высказывания типа «А есть А» связь с высказываниями типа «А есть не А», «Если А, то А». Наличие данной связи является релевантным по причине доказанной неинформативности высказываний такого типа.

На наш взгляд, тот факт, что данные высказывания являются псевдотавтологичными, играет ключевую роль, поскольку это исключает отнесение их к категории неинформативных. В контексте всей работы, целью которой является анализ языковых средств для выражения иудейского национально-

культурного компонента, данное заключение оканчивается принципиальным в той связи, что повторы-сравнения с неактуализированным признаком служат средством к пониманию коннотационной составляющей любого высказывания.

Кроме того, лингвистический интерес, связанный с непрозрачностью семантики вызывают следующие высказывания:

«Ein Berliner Jude (Bendavid) hatte einmal die Artigkeit mir bei einem Besuche ins Gesicht zu sagen, dass in dubio der Jude mehr Kopf als der Christ. Ich glaube sie haben eigentlich gar das nicht was man Kopf nennt». (Г.К.Лихтенберг)

«Welche Wonne ist es zu denken, daß der Türke, der mich für einen Hund, und der Jude, der mich für ein Schwein hält, sich einst freuen werden, meine Brüder zu sein». (И.В.Гете)

На основании практического материала, проанализированного в работе, сложно сделать вывод о регулярности такого языкового явления как энантиосемия в произведениях немецких авторов эпохи Просвещения. Однако, тот факт, что данная фигура речи встречается в текстах неоднократно, наводит на мысль о продуктивности данного лингвистического средства. В данных примерах мы наблюдаем адгерентную энантиосемию, то есть неотраженную в словарях. Она демонстрирует изменение коннотации и, вероятно, сопровождается иронией. Можно высказать предположение о том, что данный пример не реализует энантиосемию, а является разновидностью стилистической иронии (такова традиционная точка зрения), однако реализация каждой лексической единицы из корпуса с потенциалом стилистической иронии встречается однократно в таком контекстуальном значении, а исходя из определения контекстуального значения, данное явление должно быть частотным, хотя и не зафиксированным в словаре. Таким образом, данные высказывания можно отнести к адгерентной энантиосемии. Эту точку зрения подтверждают и наблюдаемые в конкретных высказываниях ирония и антифразис,

которые выражают энантиосемные отношения с негативной коннотацией.

Противоречит мнению, что данные высказывания являются разновидностью реализации энантиосемии, тот факт, что согласно традиционным теориям (Скляревская, 1994) адгерентная энантиосемия всегда жестко связана с внутренней иерархией участников коммуникативного акта.[6] Однако из примеров, указанных выше, это не следует. Не позволяет нам судить о внутренней иерархии участников коммуникативного акта и литературный анализ произведений.

С другой стороны, доказательством принадлежности данного явления к адгерентной энантиосемии является тот факт, что при изменении семантики значение слова «выветривается» (по выражению Скляревской), так что слово становится выразителем лишь эмоциональной оценки. Несмотря на кажущуюся очевидность такого вывода, нам кажется неотъемлемость такой функции слова как «эстетическая» опровержением точки зрения Скляревской. И тем не менее, вышеприведенное спорное явление не влияет на принадлежность высказываний Г.К.Лихтенберга и И.В.фон Гете к адгерентной энантиосемии.

Кроме того, помимо антифразиса в данных отрывках можно проследить неярко выраженную реализацию астеизма. На принадлежность этих высказываний к астеическим указывает то, что в них очевидна форма проявления речевой агрессивности.

Таким образом, несмотря на обилие точек зрения относительно вопроса о разграничении речевой, адгерентной энантиосемии и других приемов, выражающих стилистическую иронию, мы придерживаемся мнения о принадлежности данных отрывков к адгерентной энантиосемии. Однако, на наш взгляд, количество такого рода высказываний, наблюдаемых в литературе Немецкого Просвещения, не позволяет судить о продуктивности данного явления.

Библиографический список

1. Долинин К. А. *Стилистика французского языка*. Л.: Просвещение, 1987. 216 с.
2. Искандерова И.З. *Семантико-структурная характеристика сравнительных конструкций современного немецкого языка: Дис...канд.филол.наук/ И.З.Искандерова*. М., 1982.- 236с.
3. Огольцев В.М. *Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии*. - Л.: ЛГУ,1978.- 159 с.
4. Водоватова Т.Е. *Семантика и прагматика языкового высказывания в свете инференциональной теории смысла*. Самара: СГПУ,2006.-201 с.
5. Апресян Ю.Д. *Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография*.М., 1995. - 285 с.
6. Скляревская Г.Н. *Новый академический словарь*. Проспект. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. С. 51 – 52.

ОПТИЧЕСКИЕ И МАГНИТООПТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫХ ФЕРРИТОВ-ГРАНАТОВ

Мирзо Зокирович ШАРИПОВ

*кандидат физико-математических наук
доцент кафедры физика*

Бухарского инженерно-технологического института

Шерали Баратович ОЧИЛОВ

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента*

Бухарского инженерно-технологического института

Редкоземельные ферриты-гранаты – кристаллы черного цвета, то есть не прозрачны для света видимого диапазона. Поэтому при оптических и магнитооптических исследованиях редкоземельных ферритов-гранатов в видимом диапазоне длин волн «на просвет» используются либо этипаксиальные пленки, либо образцы в виде плоскопараллельных пластинок толщиной не более 100 мкм.

Беспримесные монокристаллы редкоземельных ферритов-гранатов в области длин волн $1 \div 6$ мкм имеют окно прозрачности, где коэффициент оптического поглощения α очень мал ($< 0,1 \text{ см}^{-1}$) [1]. Однако в этом интервале могут присутствовать несколько узких пиков поглощения, связанных с электронными переходами в ионах R^{3+} в c -подрешетке (исключение составляют ионы Lu^{3+} , Y^{3+} , Gd^{3+} и La^{3+}). В окне прозрачности поглощение определяется примесями и разного рода несовершенствами образцов. Для света с длинами волн короче 1 мкм поглощение в редкоземельных ферритах-гранатах обусловлено электродипольными переходами в ионах железа. В спектральной области $10 \div 100$ мкм поглощение этих кристаллов весьма интенсивно и связано с колебательным спектром молекул. Для длин волн более 100 мкм вплоть до СВЧ диапазона редкоземельные ферриты-гранаты обладают высокой прозрачностью, а уровень поглощения в них определяется дефектами кристаллической решетки. Однако для задач прикладной магнитооптики основной интерес представляют видимая и ближняя ИК области спектра.

Спектры поглощения редкоземельных ферритов-гранатов в видимом и ближнем ИК диапазо-

не определяются суперпозицией вкладов от внутрионных электродипольных переходов в Fe^{3+} в кристаллическом поле с типичной силой осциллятора $f \approx 10^{-5}$ и значительно более интенсивных переходов межзонного типа с обменом заряда в области выше 20000 см^{-1} с типичной силой осциллятора $f \approx 10^{-4}$ [1]. Тот факт, что запрещенные по спину и четности переходы ионов Fe^{3+} в видимой области спектра имеют интенсивность $10^{-4} \div 10^{-5}$ вместо 10^{-7} , как этого требует теория, объясняется существованием кооперативного эффекта спаренных спиновых комплексов, который снимает запрет по спину для одноионных переходов типа ${}^6A_1 \text{ (} \otimes \text{)} {}^4T_1$ [1, 2].

Внутриподрешеточные парные переходы в ионах Fe^{3+} и переходы с переносом заряда ответственны за оптическое поглощение в диапазоне длин волн короче 0,45 мкм [1]. В видимом диапазоне доминирующий вклад в коэффициент поглощения α вносят два перехода в кристаллическом поле a - и d -подрешеток. Эти переходы обуславливают поглощение, которое для беспримесного монокристалла $\text{Y}_3\text{Fe}_5\text{O}_{12}$ для света с длиной волны 0,633 мкм (длина волны излучения He – Ne лазера) составляет 620 см^{-1} . Уменьшить это значение можно, лишь замещая железо диамагнитными ионами. Однако при большом содержании таких ионов снижается обменное взаимодействие, что приводит к сильному изменению большинства магнитных и магнитооптических параметров.

Поскольку редкоземельные ферриты-гранаты являются трехподрешеточными ферритмагнетиками, фарадеевское вращение в них формируют вклады от каждой магнитной подрешетки. В настоящее время принято считать, что эффект Фа-

радея в этих кристаллах определяется аддитивной суммой вкладов различных магнитных подрешеток и может быть представлен в виде [3-5]

$$\theta_F = \pm (\theta_{Fe} \mathbf{m} \theta_R). \quad (1)$$

Здесь θ_R – фарадеевское вращение, обусловленное редкоземельной подрешеткой, которое может быть представлено как [3-5]

$$\theta_R = (B M_R^o + D M_R^{vv}) \omega^2 (\omega_o^2 - \omega^2)^{-1}, \quad (2)$$

где первое слагаемое описывает «парамагнитный» вклад, а второе – вклад «смешивания», ω – частота падающего света, ω_o – эффективная частота оптических переходов в редкоземельном ионе, определяющая наблюдаемый эффект Фарадея, M_R^o и M_R^{vv} – соответственно магнитный момент, связанный с различной заселенностью подуровней основного мультиплета, и ванн-флековский вклад в магнитный момент, B и D – коэффициенты, определяющие магнитооптическую активность редкоземельного иона;

$$\theta_{Fe} = (C_a M_a - C_d M_d),$$

– фарадеевское вращение железных подрешеток, C_a и C_d – зависящие от частоты падающего света коэффициенты, характеризующие магнитооптическую активность соответственно a – и d – подрешеток железа, а M_a и M_d – магнитные моменты этих подрешеток [3].

Выражение (1) справедливо в магнитных полях, больших поля насыщения, когда магнитные моменты подрешеток коллинеарны направлению внешнего поля \mathbf{H} . Верхние знаки в (1) относятся к области температур ниже, а нижние – выше температуры магнитной компенсации T_c (для ферритов-гранатов с тяжелыми редкоземельными ионами). Эти знаки отражают ориентацию магнитных моментов подрешеток относительно направления вектора \mathbf{H} . Таким образом, смена знака эффекта Фарадея при переходе через точку магнитной компенсации вызывается тем, что выше T_c по направлению поля ориентируется вектор \mathbf{M}_d , а ниже T_c – вектор \mathbf{M}_a . Поскольку редкоземельная подрешетка антиферромагнитно связана с тетраэдрической d – подрешеткой железа, то направление ее магнитного момента \mathbf{M}_R также изменяется при переходе через точку магнитной компенсации. Отметим, что в области максимальной оптической прозрачности фарадеевское вращение для разных редкоземельных ферритов-гранатов достигает величины $\sim 500 \div 2000$ °/см [6], чем и определяется широкое использование этих ферритмагнетиков (в основном в виде эпитаксиальных пленок) в качестве материала элементной базы различных приборов прикладной магнитооптики [7].

Удельное фарадеевское вращение θ_{Fe} в случае электрического дипольного перехода для изолированного иона железа в области, удаленной от пиков поглощения, может быть выражено как [8-10]

$$\theta_{Fe} = \pi(n^2 + 2)^2 f(\omega) \Delta\omega_b / 9cnh\omega_b, \quad (3)$$

где n – показатель преломления, c – скорость

света, h – толщина образца, ω_b – энергия перехода между основным и возбужденным состояниями, $f(\omega)$ – контур линии поглощения с центром при ω_b , $\Delta\omega_b$ – разность частот переходов для правой и левополяризованного по кругу света, которая пропорциональна расщеплению возбужденных состояний в соответствии с величиной эффективного спин-орбитального взаимодействия.

В $Y_3Fe_5O_{12}$ большие магнитооптические эффекты создаются переходами в диапазоне от 0,25 до 0,7 мкм (в частности, переходами при 0,25; 0,31; 0,44; 0,48 и 0,625 мкм). Однако интерпретация спектров фарадеевского вращения только с помощью модели изолированных ионов, которая применяется при описании диамагнитных матриц, встречает ряд трудностей в случае обменно-связанных ионов Fe^{3+} . При этом за наблюдаемые эффекты ответственны скорее парные переходы железа, что находит экспериментальное подтверждение в спектрах диамагнитно замещенных железистых гранатов.

Как видно из (2) и (3), зависимость эффекта Фарадея в редкоземельных ферритах-гранатах от частоты падающего света, внешнего магнитного поля и температуры определяется соответствующими зависимостями вкладов редкоземельных ионов и ионов Fe^{3+} . Причем, как выяснилось в результате многочисленных экспериментальных исследований, дисперсия эффекта Фарадея в ферритах-гранатах определяется в основном частотной зависимостью вклада железных подрешеток θ_{Fe} , тогда как зависимость от T и H связана, главным образом, с полевой и температурной зависимостями вклада θ_R .

В многодоменном образце эффект Фарадея определяется как [11]:

$$\Phi_F = \kappa l M \cos \gamma,$$

где κ – постоянная Кунда, l – длина пути света в кристалле вдоль направления намагниченности, $M = M_s l (S_1 - S_2) / (S_1 + S_2)$ – результирующая намагниченность многодоменного образца в виде плоскопараллельной пластинки (S_1 и S_2 – площади доменов по поверхности образца с противоположной ориентацией магнитных моментов, $S_1 + S_2$ – площадь поверхности образца), γ – угол между направлением распространения света и вектором \mathbf{M}_s .

Следовательно,

$$\Phi_F = \theta_F \cos \gamma (S_1 - S_2) / (S_1 + S_2),$$

где θ_F – спонтанный эффект Фарадея.

В заключение отметим, что эффект Фарадея нечетный по намагниченности магнитооптический эффект, то есть знак фарадеевского вращения зависит от того, совпадает направление распространяющегося в кристалле света с направлением вектора намагниченности \mathbf{M} , или антипараллельно вектору \mathbf{M} . Это обстоятельство лежит в основе хорошо известного метода визуального наблюдения магнитных доменов в редкоземельных ферритах-гранатах.

Библиографический список

1. Hirano M., Yoshino I., Okuda T., Tsushima T. Observation of a fine structure in absorption spectra of rare – earth garnets. // J. Phys. Soc. Japan. – 1973. – V.35. – № 1. – P. 299 – 305.
2. Wood D.L., Remeika J.P. Effect of impurities on optical properties of yttrium iron garnet. // J. Appl. Phys. – 1967. – V.38. – № 3. – P. 1038 – 1045.
3. Мукимов К.М., Соколов Б.Ю. Магнитооптика прозрачных редкоземельных диэлектриков. – Ташкент: Фан, – 1999. – 206 с.
4. Звездин А.К., Котов В.А. Магнитооптика тонких пленок. – М: Наука, – 1988. – 129 с.
5. Малаховский А.В. Избранные вопросы оптики и магнитооптики соединений переходных элементов. – Новосибирск: Наука, – 1992. – 222 с.
6. Боков В.А., Волков В.В., Марышко М., Петриченко Н.Л. Связь между релаксационными потерями и движением доменных границ и при ферромагнитном резонансе в пленках гранатов. // ФТТ. – 1998. – Т.40. – В.8. – С.1519 – 1523.
7. Звездин А.К., Матвеев В.М., Мухин А.А., Попов А.И. Редкоземельные ионы в магнитоупорядоченных кристаллах. – М: Наука, – 1985. – 295 с.
8. Филипов Б.Н., Куприн Л.Г. Нелинейная динамика доменных стенок с вихревой внутренней структурой в магнитоодноосных пленках с плоскостной анизотропией. // ЖЭТФ. – 2002. – Т.121. – В.2. – С.372 – 387.
9. Ходенков Г.Е. Устойчивость режима однородного прецессионного движения доменной границы под действием постоянного магнитного поля в одноосном ферромагнетике. // ФТТ. – 2002. – Т.44. – В.1. – С.106 – 112.
10. Белов К.П. Редкоземельные магнетики и их применение. – М: Наука, – 1980. – 239 с.
11. Вонсовский С.В. Магнетизм. – М: Наука, – 1971. – 431 с.

МНОГОАТОМНЫЕ ОБЪЕКТЫ В ПОЛУЭМПИРИЧЕСКОЙ МОЛЕКУЛЯРНОЙ ДИНАМИКЕ - КУЛЬБИТЫ

Юрий Яковлевич БОБЫРЕНКО

кандидат химических наук, старший научный сотрудник, доцент
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет (г. Челябинск)

Аннотация: Описан ряд самопроизвольных движений многоатомных композиций в виде переворотов (кульбитов) четырех- и пятиатомных молекул через «голову», обнаруженных методом молекулярной динамики на полуэмпирической базе ZINDO/1.

Ключевые слова: Многоатомные молекулы, молекулярная динамика, кульбиты.

В работе [1] описаны разнообразные движения треугольных молекул и самопроизвольный переворот (кульбит) молекулы ацетилена в ходе расчетов полуэмпирической молекулярной динамики. Приведенные в работе [1] объяснения относятся либо к ошибкам счетной программы, либо к реальным физическим процессам. Но все они носят не подтвержденный характер. Тем не менее, хочется продолжить эту сомнительную тему в надежде на то, что новые случаи прольют дополнительный свет на природу странных расчетных экзерсисов.

Рассмотрены перевороты многоатомных молекул в компьютерных расчетах, где осью вращения служит некая ось, расположенная, как правило, поперек оси тройной или двойной связи. Геометрический рисунок молекулы при этом меняется мало. Как и ранее [1-3], расчеты выполнены методом мо-

лекулярной динамики на базе полуэмпирического ZINDO/1. Перед началом расчетов заряды атомов обнулялись, а нарисованная на экране молекула геометрически оптимизировалась, в том числе и с помощью команды Build.

Расчеты показали, что молекула ацетилена далеко не одинока в своих странностях. Это видно из данных Таблицы 1, где в качестве примера приведены искусственно выдуманные (и не только) нециклические трехатомные молекулы (пп. 1-14), четырехатомные (пп. 15-24) и одна пятиатомная (п.25). Общие заряды молекул в большинстве случаев, кроме двух (пп. 10, 11), нулевые. Молекулы с атомами, заключенными в скобках (пп.19-24), имеют форму плоского ромба, где внутренние атомы связаны друг с другом и одновременно с обеими внешними. Звездочки отмечают молекулы, где плоскость ромба надломлена, но они вращаются аналогично предыдущим. Припиской «дв» помечена молекула с поворотами сразу в двух перпендикулярных осях. Как видно, в случае атомов второго периода Периодической таблицы скорость вращения при увеличении порядкового номера элемента сначала увеличивается, затем уменьшается.

Таблица 1. Характеристики расчетных молекулярных кульбитов трех- и четырехатомных молекул

№	Формула и Заряд	Е, ккал /моль	Оборот, ps	Заряды атомов	Кр. связь, А
1	H-Li=O (0)	-113	0,720	-0,092, 0,016, +0,076	2,160
2	H-Be=O (0)	-356	0,720	+0,003, +0,084, -0,087	1,584
3	H-B=O (0)	-611	Не вр	+0,065, +0,899, -0,154	1,294
4	H-C=O (0)	-597	0,512	+0,077, +0,062, -0,139	1,229
5	H-N=O (0)	-523	0,492	+0,107, +0,008, -0,115	1,190
6	H-O=O (0)	-478	0,580	+0,217, -0,047, -0,170	1,192
7	H-F=O (0)	-408	0,668	+0,351, +0,125, -0,476	1,195
8	H-Ne=O (0)	-18955	0,848	+0,112, +0,614, -0,726	1,379
9	H-Na=S (0)	-103	1,252	-0,039, -0,274, +0,313	2,591
10	H-Mg=S (+1)	-36,0	1,492	+0,039, +0,503, +0,458	2,246
11	H-Al=S (+1)	-138	1,336	+0,134, +0,724, +0,142	2,179

12	H-Si=S (0)	-387	1,412	+0,070, +0,167, -0,237	2,058
13	H-P=S (0)	-392	5,800	+0,133, -0,023, -0,110	1,994
14	H-S=S (0)	-335	1,272	+0,202, -0,051, -0,151	2,013
15	HC≡CH (0)	-1083	1,504	+0,109, -0,109, -0,109, +0,109	1,203
16	OC≡CO (0)	-1099	1,848	-0,164, +0,164, +0,164, -0,164	1,313
17	HC≡SiH (0)	-726	>20	+0,093, -0,038, -0,220, +0,172	1,653
18	HN=NH (0)	-739	0,440	+0,120, -0,120, -0,120, +0,120	1,232
19	NAI=AlN (0)	-465	10,800	-0,051, +0,050, +0,051, -0,051	2,083
20	NAI=AlO (0)	-341	2,508	-0,045, -0,081, +0,036, +0,090	2,029
21	N=(Be-Be)=O _{дв}	-824	0,698	+0,068(+0,016,+0,015), -0,099	1,517
22	N=(Mg-Mg)=O	-380	1,542	-0,075(+0,128,+0,128), -0,181	1,895
23	N=(P-P)=O* (0)	-546	1,480	+0,055(+0,060,+0,060), -0,175	2,223
24	N=(S-S)=O* (0)	-520	4,132	-0,084(+0,092,+0,092), -0,100	2,485
25	HOС=BN (0)	-1288	1,644	+0,270, -0,194, +0,321, -0,370, -0,026	1,351

В случае элементов третьего периода скорость вращения заметно меньше. Она аномально невелика в присутствия атома фосфора в трехатомной молекуле. В случае четырехатомных молекул аномально низкой скоростью вращения обладает молекула, содержащая атом кремния. Ромбические композиции кружатся активнее неромбических. Видно также, что вращаться кувыркком, способна и композиция из пяти атомов разных элементов.

Ацетилен не всегда входит во вращающийся режим, что аналогично тандемам [1,2]. Варьированием параметров обнаружено, что существенным фактором является прямолинейность молекулы. Если оба сочленения атомов углерода и водорода равны в точности 180°, то вращение чаще всего не возникает, атомы водорода пульсируют по прямой линии

(по радиусу), отходя от атома углерода и возвращаясь к нему. Если же хотя бы одно сочетание чуть меньше 180°, то атомы водорода в своих качаниях ведут себя иначе. Они уходят со своего места поперек направления радиуса и также возвращаются. Когда водород идет вперед, атомы углерода неподвижны или чуть-чуть пятятся в обратном направлении. Когда же атомы водорода идут в обратном направлении (назад), то в этот период атомы углерода активно продвигаются вперед, в направлении вращения всей системы. Именно так молекула совершает кульбиты. В таблице 2 представлены данные о периоде вращения ацетилена при одном угле сочленения, равном 179°, и 180° при другом и при разных начальных длинах тройной связи.

Таблица 2. Продолжительность оборота

№	Длина кратной связи, А		Энергия, ккал/ моль	Оборот, ps
	Исходная	Конечная		
1	1,18	1,2023	-1080	3,300
2	1,19	1,2011	-1082	1,342
3	1,20	1,2075	-1082	1,504
4	1,21	1,2034	-1083	1,120
5	1,22	1,2014	-1082	1,528
6	1,23	1,2081	-1081	1,896

Вариации начальных углов одного из двух сочленений Н-С ацетилена при начальном расстоянии между атомами углерода 1,20 А дали следующие результаты. Угол 179,0 – оборот 1,504 пс, угол 179,2 – оборот 1,720 пс, угол 179,4 – оборот 1,040 пс, угол 179,6 – оборот 3,164 пс, угол 179,8 – оборот 25 пс. При 180 градусах оборотов или нет или вращение очень и очень медленное.

Можно предположить, что в случае ацетилена

наблюдаемое одностороннее кружение обусловлено, отмеченными ранее [1], несовпадениями масс и скоростей движения электронов и атомных ядер, не успевающих приходить в равновесие друг с другом, и поэтому вызывающих накопления пространственных отклонений. Является ли такое обстоятельство погрешностью расчетной программы или оно возникает в действительности, неясно.

Библиографический список

1. Бобыренко Ю.Я. Компьютерные энигмы метода молекулярных орбиталей. Журнал «Научная перспектива». 2022. № 9, (151). С. 53-56.
2. Бобыренко Ю.Я. Компьютерная оценка поведения однозарядных двухатомных катионов в вакууме. Журнал «Научная перспектива». 2021. № 2 (132). С. 41-44.
3. Бобыренко Ю.Я. Странствующие водородсодержащие тандемы и компьютерные расчеты. Журнал «Научная перспектива». 2021. № 3 (133). С. 26-29.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПУСКОВЫХ РЕЖИМОВ РАБОТЫ МОЩНЫХ СИНХРОННЫХ ДВИГАТЕЛЕЙ НАСОСНЫХ АГРЕГАТОВ

Шахбоз Толибджонович ДАДАБАЕВ

аспирант кафедры «Системы автоматического управления электроприводами»,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. г. Чебоксары.

Насосные агрегаты оросительных систем являются большими потребителями электроэнергии. В основном электропривод мощных насосных агрегатов осуществляют синхронными двигателями, которые имеют ряд преимуществ по сравнению с асинхронными двигателями, как коэффициент мощности близкой к единице, а также высокая жесткость механической характеристики. Недостаток мощных синхронных машин выявляется в динамических режимах, а именно в пусках электродвигателя, когда пусковые токи могут достигать величину десяти кратную номинала. Этот фактор негативно влияет на изоляцию обмоток, так как создают большие то-

ные, которых приведены в таблице 1.

В соответствии инструкции завода изготовителя пуск ВДС2-325/69-16 выполняется только на открытую задвижку, в особых случаях, если выполнят пуск при закрытой задвижке, то допускается не более двух минут. Из курса электромеханики известно, что распространённый способ пуска синхронных машин является асинхронный пуск. Сущность асинхронного пуска синхронных двигателей заключается в том, что обмотка возбуждения синхронной машины не сразу получает питание. Питание в обмотку возбуждения подается тогда, когда скорость вращения двигателя близка к номиналу на 95%. Паспортные

Таблица 1 - Номинальные технические данные насосных агрегатов АНС-1

№ п/п	Установка	Назначение	Напор, м	Произв. насоса, м ³ /час	Частота вращения, об/мин	КПД %	Мощность кВт
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1200В-6,3/100-А (52В11)	Резерв	88	22680	375	88	8000
2	1200В-6,3/100-А (52В11)	Перекачивание воды	88	22680	375	88	8000
3	1200В-6,3/100-А (52В11)	Перекачивание воды	88	22680	375	88	8000
4	1200В-6,3/100-А (52В11)	-	88	22680	375	88	8000

ковые удары и тем самым к уменьшению технического ресурса всего электрооборудования в целом.

В данной статье исследуются пусковые режимы работы мощных синхронных двигателей насосной станции первого подъема АНС-1, Аштский район, Республика Таджикистан. В данной насосной станции установлены 4 насосных агрегата технические дан-

ные синхронных двигателей серии ВДС2-325/69-16 приведены в таблице 2.

Для моделирования пуска синхронного двигателя используем компьютерную программу MATLAB, библиотеку Simulink/SimPowerSystems. Надо отметить, что данная программа специально создана для моделирования инженерных систем и эту програм-

Таблица 2 - Номинальные данные электродвигателя насосного агрегата АНС-1

№	Тип эл./двигателя	Мощность, кВт	Ток, А		Напряжение, кВ		Частота вращения, об/мин	КПД, %	cos φ	Год ввода в эксплуатацию агрегата/эл.двиг	Тип возбудителя
			статора	ротора	статора	ротора					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	ВДС2-325/69-16 УХЛ4	8000	540	400	10	0,16	375	0,9	0,9	1979	ТВУ-8

му используют миллионы учёных во всем мире [2, 6]. Модель для исследования изображена на рисунке 1.

Результаты моделирования приведены на рисунке 2.

которой работают не мало ученых многих стран. В связи прогрессом в отрасли силовой электроники, для решения данной проблемы применяют различных устройств на базе полупроводниковых прибо-

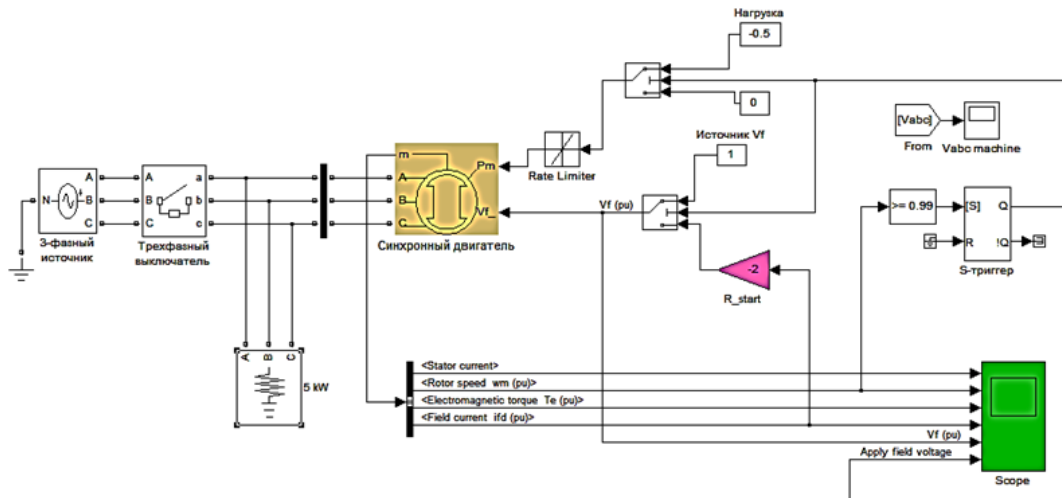

Рисунок 1 - Компьютерная модель для исследования пусковых режимов работы синхронного двигателя насосного агрегата

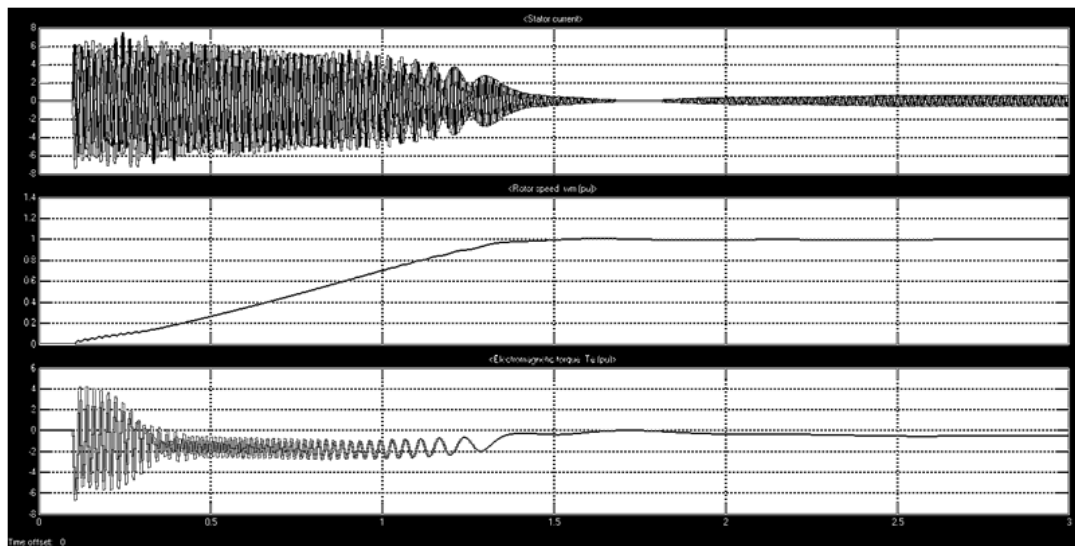

Рисунок 2 - Переходные процессы синхронного двигателя при пуске (токи статора, скорость ротора, электромагнитный момент)

Как видно из графиков пусковой режим мощных синхронных двигателей проходит большими колебаниями токов и моментов двигателя. Ток превышает 6-8 раз от номинальных значений, а электромагнитный момент 3-4 раза. Это актуальная проблема над

ров, как: устройства плавного пуска, преобразователи частоты, регуляторы напряжения и т.д [3]. Как показывает практика некоторых предприятий применение данных устройств приводит к плавному пуску и 15÷25% экономии электроэнергии [1, 4, 5].

Библиографический список

1. Браславский И.Я., Ишматов З.Ш., Поляков В.Н. Энергосберегающий асинхронный электропривод/Под ред. И.Я. Браславского. – М.: АCADEMA, 2004. – 202 с., ил.
2. Герман-Галкин С.Г. Компьютерное моделирование полупроводниковых систем в Matlab 6,0: Учебное пособие – СПб.: КОРОНА принт, 2001. – 320 с.
3. Дадабаев Ш.Т. Обзор и оценка способов управления насосными установками. // М.: Электрооборудование: эксплуатация и ремонт. 2013г. №12. 28-30 с. ил.
4. Лезнев Б. С. Экономия электроэнергии в насосных установках. – М.: Энергоатомиздат, 1991. – 144 с., ил.
5. Лезнев Б. С. Энергосбережение и регулируемый привод в насосных и воздушодувных установках. – М.: Энергоатомиздат, 2006. – 360 с., ил.
6. Черных И.В. Моделирование электротехнических устройств в MatLab, SimPowerSystems и Simulink. – М.: ДМК Пресс; СПб.: Питер, 2008. – 288 с., ил.

Уважаемые читатели!

Если Вас заинтересовала какая-то публикация, близкая Вам по теме исследования, и Вы хотели бы пообщаться с автором статьи, просим обращаться в редакцию журнала, мы обязательно переправим Ваше сообщение автору.

Наши полные контакты Вы можете найти на сайте журнала в сети Интернет по адресу www.naupers.ru Или же обращайтесь к нам по электронной почте post@naupers.ru

С уважением, редакция журнала “Научная перспектива”.

Издательство «Инфинити».

Свидетельство о государственной регистрации ПИ №ФС 77-38591.

Отпечатано в типографии «Принтекс». Тираж 750 экз.

Цена свободная.